

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.
Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/index.php/humanities>.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 28.02.2024. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 13,45. Тираж 50 экз. Заказ 076.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.16-31"1920/1970"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-2-7

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ВОЕННЫХ ПОВЕСТЕЙ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

канд. филол. наук, доц. Т.Р. БОГОРАДОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: t.baharadava@psu.by

В статье рассматривается эволюция белорусской повести о войне в творчестве писателей старшего поколения, которые являлись участниками или свидетелями военных действий. Особое внимание уделяется произведениям авторов, использовавших в творчестве метод экстраполяции и оставшихся при этом приверженцами реалистического направления в передаче военной атмосферы. В основе литературного анализа лежит продолжительный исторический период – с 1910-х гг. по 1970-е гг., а также показ направлений развития жанра белорусской повести о войне: от беллетризованного до реалистического.

Ключевые слова: автобиографизм, «молодняковская повесть», героико-революционная повесть, беллетристика, декларативность, агитационность, экстраполяция, «деревенская проза».

Введение. Идейно-эстетические доминанты в белорусской повести о войне писателей старшего поколения определялись, прежде всего, задачами национального Возрождения. К этому периоду относятся события Первой мировой войны и революция в России с её идеями социального равенства и справедливости, взятыми из работ К. Маркса, В. Ленина и др. Реализм оставался ведущим направлением эпохи в белорусской прозе, хотя знакомство отечественных писателей с модернистскими литературными течениями, а также с авангардным, которое в конце 1920-х гг. также принесло весьма значительные плоды, постепенно уступило место социалистическому реализму.

Актуальность исследования заключается в прослеживании динамики развития белорусской повести о войне с начала XX в. и до 1970-х гг. Целью данной работы является показ эволюции белорусской военной повести в контексте развития основных литературных направлений; задачами стало выявление тенденций в повестях белорусских авторов старшего поколения за период с 1910-х по 1970-е гг. Объектом исследования выступают повести белорусских авторов, рожденных на исходе XIX в. и в начале XX в., которые посвящены военным событиям Первой мировой войны, гражданской войны и революции, Великой Отечественной войны. Предметом исследования в статье явилось осмысление белорусскими авторами старшего поколения пережитых или экстраполированных военных и революционных событий начала и середины XX в.

Описание и оценку произошедших событий, отраженных в художественных и художественно-документальных произведениях белорусских авторов о войне начала XX в. и 1940-х гг., пытались анализировать многочисленные отечественные критики. Анализ военных событий начала XX в. наиболее весомо представлен в трудах А. Адамовича [1; 2], С. Андраюка [3; 4], Д. Бугаева [5; 6], Л. Горанина [7], У. Гниломедова [8], С. Дубовца [9], В. Жибуля [10], Э. Иофе [11], В. Коваленко [12], Л. Корень (Синьковой) [13; 17], В. Локун [14], М. Мушинского [15], И. Науменко [16], М. Тычины [18; 19], И. Чигрина [20], И. Шабловской [21], др.

В основе методологии данной работы, вместе с находками виднейших знатоков белорусской военной прозы, – культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, а также элементы контекстуального анализа, что дало возможность исследовать творческое наследие взятых авторов с учетом более чем полувековой динамики.

Основная часть. Белорусская повесть о войне, созданная её участниками или очевидцами и жертвами, родившимися в конце XIX в. и в 1910-е гг., была представлена уже в 1920-е и 1930-е гг., причем в эстетически разработанных формах. Среди них есть повести с автобиографическим началом. По мнению В. Локун, «в известной степени можно говорить даже об автобиографизме военной прозы. Материал, пережитый писателями, проявился <...> в многочисленных позициях формы» [14, с. 8–9].

Автобиографическая (с различными формами авторского присутствия в тексте) проза о войне Максима Горьцкого (1893–1938) отличается особенно высокой культурой психологического анализа. В мировой контекст белорусскую повесть вводят, прежде всего, документально-художественные «записки» М. Горьцкого «На империалистической войне». Полное название этого произведения – «На империалистической войне. Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллерийской бригады Левона Задумы» («На імперыялістычнай вайне. Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы», 1914–1915, 1919, 1925, 1926). Критики и исследователи А. Адамович [2], Д. Бугаев [5], И. Шабловская [21] поставили повесть в один ряд с «Севастопольскими рассказами» (1855) и «Войной и миром» (1863–1869) Л. Толстого, рассказами А. Цвейга, Э.-М. Ремарка. М. Горьцкий фактически закрепил национальный жанр повести, утвердив его как интеллектуально-философское, документальное, автобиографическое повествование о войне. Другая повесть писателя, «Тихое течение» («Ціхая плынь», 1918), косвенно, но тоже очень глубоко изобразила события Первой мировой войны. Молодой солдат

Фомка, главный герой повести, нелепо погибает, поставив перед человечеством совершенно нериторический вопрос о ценности жизни каждого конкретного человека: «*За что? Шепчет он все тише и тише. Острая обида, отчаяние разрывает сердце*» [здесь и далее перевод с белорусского языка наш – Т.Б.] [22, с. 198]. В повести «Две души» («Дзве душы», 1919) М. Горецкий, используя собственный опыт, воссоздал события Февральской революции, Первой мировой войны, панораму 1917 г. в неразрывной связи с судьбой армейского офицера Игната Обдироловича, который также ищет национальное своеобразие в историческом вихре. Эта история новаторски показывает бессмысленность и жестокость военных действий по отношению к их рядовому участнику, солдату.

М. Горецкий, как отмечал Э. Иофе, показал себя «эрудированным писателем, хорошо знавшим творчество таких гигантов русской, украинской и польской литературы, как Пушкин и Гоголь, Л. Толстой и Достоевский, Шевченко и Мицкевич, глубоко понимал их исключительную роль в духовной жизни своей нации, остро чувствовал очередные потребности литературного развития белорусов» [11, с. 30]. Творческая практика М. Горецкого по своему художественному совершенству сравнима с опытом А. Чехова. Близка М. Горецкому и идея «индивидуального сознания», продвигаемая Ф. Достоевским. Герой М. Горецкого – Левон Задума – цельный человек, живущий размышлениями в реалиях как мирной, так и военной действительности. С. Дубовец, размышляя над спецификой прозы писателя, отмечал, что белорусского автора «надо искать где-то между Акутагава и Камю» [9, с. 92], имея в виду проявления экзистенциализма в прозе белорусского классика. Л. Синькова также отмечала «глубокий отголосок экзистенциальных мотивов» [13, с. 28] в раннем творчестве автора: повесть «Что оно?» («Што яно?», 1913), «Идут все – иду я» («Ідуць усе – іду я», 1919) и др. М. Тычина писал: «Война помогла реализовать <...> не только национально-специфическое, но и всеобщее, то, что объединяет, придает национальной деятельности более высокий смысл» [18, с. 25]. Трансляция писателем общечеловеческих проблем дала возможность рассмотреть национальные белорусские вопросы в общеевропейском контексте. Например, в ГДР критиком Т.Н. Браран (Н. Рандау) были исследованы произведения М. Горецкого о войне. По мнению И. Чигрина, в поисках истины автор, когда писал «о войне, которую вели армии двух империй, создал правдивые произведения о своем народе» [20, с. 69]. Таким образом, М. Горецкий в отечественной литературе расширил и реализовал традиции, накопленные мировой классикой, в стилистической парадигме реализма. В творчестве писателя эстетическая составляющая дополнялась документальным, автобиографическим материалом. Проблемы стремления белорусов к единству, независимости, существование противоречий между институтом государства и человеком в различных жизненных ситуациях (в том числе, в обстоятельствах военного времени), изображенные художником, были продолжены другими авторами белорусских повестей о войне.

Исследователь В. Жибуль отмечал, что «видение и понимание войны как социального явления в литературе постоянно меняются. Такая эволюция характерна для всей истории европейской литературы, начиная с древнейших времен до наших дней» [10, с. 199]. При наличии феномена М. Горецкого, в отечественной классике первой половины 1920-х гг. оценка военной ситуации во многом характеризовалась работами авторов «Молодняка». Отсылки к военным событиям в рассказах белорусского эпика-нациосоздателя Якуба Коласа (1882–1956) «Кровавый водоворот» («Крывавае вір»), «Балаховец» («Балаховец») и др., а также ранняя проза с аналогичными мотивами в наследии представителей литературного объединения «Узвышша» З. Бядули, М. Зарецкого, К. Крапивы, К. Чорного, выделявшихся более высокой нарративной культурой и более глубоким пониманием действительности, утратили в 1931 г. (после ликвидации «Узвышша») ведущую роль в литературном процессе своего времени. Приоритетным стал рассказ о войне с однозначной классовой моралью и приключенческим сюжетом. На активное функционирование романтически-авантюрных художественных форм повлияло прежде всего изменение эстетических ценностей, ориентированных на советское мировоззрение с его обязательным «историческим оптимизмом», а также ориентация государства, по мнению Л. Горанина, на «создание нового мифа» [7, с. 39]. Примером подобных произведений стала терминологически закрепленная «молодняковская повесть», сочетавшая идею революционной борьбы с воплощением типа «нового человека» на фоне частичного отображения военных событий. Примерами таких произведений стали повести Михася Чарота (1896–1937) «Свинопас» («Свінапас», 1924); Анатолия Вольного (1902–1937) в соавторстве с Андреем Александровичем (1906–1963) и Алесем Дударем (1904–1937) «Два» («Два», 1925) и «Волчата» («Ваўчаняты», 1925); Янки Неманского (1890–1937) «Партизан» («Партызан», 1927).

Повести Григория Мурашки (1902–1944) «В их доме» («У іхнім доме», 1927), «Винчестер» («Вінчэспер», 1929), «Из-под слоя лет» («З-пад напласту гадоў», 1930), «Вооруженная ненависть» («Узброеная нянавісць», 1935) имеют художественное начало с заданным описанием ситуации, героев и схематическим способом изображения революции и гражданской войны. Аналогичными предстают произведения Яна Скригана (1905–1992) с аллегорическим названием «Бури над заводью» («Затока ў бурях», 1928, дорабатывалось в 1956) и Бориса Микулича (1912–1954) «Черный водоворот» («Чорная вірня», 1931). Повесть Я. Скригана представляет собой панорамную картину бытия народа, получившую продолжение в новаторских романах Кузьмы Чорного (1900–1944) «Земля» («Зямля», 1928) и Михася Лынькова (1899–1975) «На красных лядах» («На чырвоных лядах», 1934).

Юношеская (героико-революционная) повесть Я. Коласа «Трясина» («Дрыгва», 1932–1933) продолжала отображать исторический, культурный и политический контекст эпохи. Каноны «молодняковской повести» привели к отображению в произведении беллетризированного взгляда на войну наряду с изображением реальных событий периода белопольской оккупации Белоруссии в 1919–1920 гг. По поводу колосовского героя М. Тычина писал: «Его [Коласа – Т.Б.] привлекают люди широкого взгляда на жизнь, которые остро ощущают дыхание её просторов» [18, с. 23]. Образ деда Талаша повлиял на концепцию народных персонажей в произведениях других

белорусских писателей 1930-х гг. Например, Кондрат Крапива (1896–1991) в драме «Партизаны» («Партызаны», 1937) нарисовал похожий образ деда Бадиля; Михась Лыньков (1899–1975) в повести «Миколка-паровоз» («Міколка-паравоз», 1937) – образ деда Остапа, Эдуард Самуйленок (1907–1939) в романе «Будущее» («Будучыня», 1938) – образ старика Тапурии. Говоря об особенностях показа военной действительности в «Трясине», следует отметить роль рассказчика в раскрытии демократического характера борьбы народа с захватчиками, а также смелую ироническую интонацию художника Я. Коласа в показе военных перипетий. По мнению И. Науменко, весьма значительное влияние Я. Коласа на развитие литературы лежит «в русле идейном, в самом подходе великого писателя к жизни, в видении его и ощущении» [16, с. 206].

В белорусской повести 1930-х гг. вместе с военной темой возник ещё один довольно специфический ракурс: акцент на изображении борьбы Востока и Запада, идей нового общества и его классовой морали с буржуазным «старым» миром. Таковыми являются произведения Макара Последовича (1906–1984) «Марсель» («Марсель», 1931), Э. Самуйленка «Теория Коленбрун» («Тэорыя Каленбрун», 1933), Платона Головача (1903–1937) «Носители ненависти» («Носьбіты нянавісці», 1936) и «Они не пройдут» («Яны не пройдуць», 1937) – декларативными и направленными против проявлений тоталитаризма в иностранных государствах. Из перечисленных рассказов своей художественной смелостью выделялось творчество Э. Самуйленка. По мнению М. Тычины, «повесть Э. Самуйленка по жанровым признакам находится между политическим детективом и антиутопией с элементами фантастики» [23, с. 119]. Произведение Змитрока Бядули (1896–1941) «Приближение» («Набліжэнне», 1935) имело продолжение под названием «В дремучих лесах» («У дрымучых лясах», 1939). Оба произведения З. Бядули характеризуются более глубоким отражением действительности периода войны и революции. Писатель обращает внимание на насилие над еврейским народом в белорусских местечках.

Период 1940 – 1950-х гг. для авторов старшего поколения, писавших в жанре военной повести, характеризовался специфической художественной направленностью. Несмотря на отрицательные последствия метода соцреализма и теории бесконфликтности, преодоление их влияния осуществлялось путем экстраполяции писателями в художественное пространство собственного опыта, личных впечатлений от непосредственного участия в различных событиях в период войн первой половины XX в.

Повесть М. Лынькова «Гроза» («Навальніца», 1944) является этапным произведением в раскрытии военной действительности и своеобразной первоначальной версией панорамного романа-эпопеи «Памятные дни» («Векапомныя дні», 1958, 1969), где изображено, среди прочих событий, время Великой Отечественной войны. Повесть была опубликована в белорусскоязычных газетах под названием «Кровь за кровь» («Кроў за кроў»), а в русскоязычной версии она получила название «Смерть за смерть» («Смерць за смерць»). Опыт М. Лынькова военного времени (в 1919–1922, 1939, 1941–1942) способствовал формированию эпического начала его прозы и других жанров.

События Великой Отечественной войны нашли отражение в повестях Б. Микулича периода 1947–1949 гг.: «Тяжелое время» («Цяжкая гадзіна»), «Жизнеописание Винцеса Шостака» («Жыццiяпіс Вінцэса Шастака»), «Полесская повесть» («Палеская аповесць»). Писатель не имел опыта участия в Великой Отечественной войне (репрессирован в 1936 г., реабилитирован в 1954 г.), поэтому основой его прозы стала экстраполяция предыдущего жизненного опыта. Отсутствие непосредственного участия в боевых действиях сильнее всего ощущается в повести «Тяжелое время», для создания которой автор использовал документы, опирался на опыт партизан и участников подполья. Д. Бугаев отмечал, что «писатель изобразил деятельность подпольщиков в городе Крушинске, их связь с партизанским движением, правдиво передал страшную атмосферу мрачных дней фашистской оккупации» [6, с. 26]. Формой раскрытия военной действительности в творчестве Б. Микулича стал дневник. Дневниковые записи писателя охватывают период с августа 1946 по июнь 1948 гг. и содержат историю создания почти всего творческого наследия автора. Не принимая непосредственного участия в событиях Великой Отечественной войны, Б. Микулич задумал написать повесть о войне 1812 г. с названием «Вечное». Идея была реализована в виде появления одной книги в трёх частях. В книге отражены события, предшествовавшие походу Наполеона, его пребыванию на белорусских землях и битве на реке Березине. Работа должна была показать панораму масштабной войны.

Классик белорусской литературы Кузьма Чорный (1900–1944), смертельно заболевший к 1941 г. после допросов в ежовской тюрьме, где он находился в заключении в 1938 г., не имел непосредственного опыта участия в Великой Отечественной войне. К. Чорный был в эвакуации на журналистской работе, поэтому прозу о войне он писал с помощью экстраполяции опыта, полученного во время Первой мировой войны. М. Тычина отмечал: «Трудно провести прямые параллели между биографией К. Чорного и его творчеством» [19, с. 11]. Важным моментом недописанной повести «Скипьевский лес» («Скіп’еўскі лес», 1941–1944) – части большого эпического полотна, посвященного военной тематике, – является акцентирование психологического состояния рядового солдата в момент убийства противника. Если у М. Горьцкого Задума испытывает по этому поводу отвращение, то у К. Чорного Прибытковский осознает свою ненависть к врагу, закаляя себя ради борьбы и философски воспринимая пределы жизни и смерти: *«Константин Прибытковский в этот последний момент имел ощущение, похожее на чувство смертника, который знает, что своей смертью он спасет тех, кто ему дороже собственной жизни»* [24, с. 439]. В отношении персонажа к военной ситуации можно увидеть продолжение западной классической традиции, в которой война трактовалась как естественное состояние человека. При этом признаком истинного реализма К. Чорный считал конкретно-исторический подход к явлениям действительности, ставший одним из главных критериев в творчестве автора. Об эволюции мировоззрения писателя М. Тычина высказался так:

«Читая его произведения в хронологическом порядке, замечаешь, как настойчиво он шел от поверхностной поэтизации революционного преобразования мира к более глубокому идеологическому и художественному осмыслению, к всестороннему детальному изучению внутреннего мира человека, к более широкому освещению явлений и событий» [18, с. 38].

В развитии национальной литературы К. Чорный определил своим творчеством философско-аналитическое направление, придал ему качества литературы мирового значения, создал собственную художественную концепцию народа. По мнению А. Адамовича, «работая в конце войны над романами “Поиски будущего”, “Млечный Путь”, “Великий день” и повестью “Скипьевский лес”, писатель во многом предупреждал облик будущей литературы о войне» [1, с. 51].

Значительные достижения в жанре повестей на военную тему привнесены писателями-фронтовиками и партизанами старшего поколения. С. Андраюк отмечал: «Особенно подтвердилось, насколько важна биография для творчества художника слова <...>. И чем богаче оно событиями, душевными переживаниями, высокими стремлениями духа, тем живее, правдивее, разнообразнее по сюжету, по образному строю, искреннее и убедительнее в эмоциональном плане будет творчество» [3, с. 9]. Опыт старших писателей, участвовавших в военных событиях, стал весьма информативным для последующего воспроизведения военной действительности, для попыток объективного изображения войны, раскрытия психологической подоплеку действий человека.

Повести Хведоса Шинклера (1903–1942) «Пульс жизни (Записки телефониста)» («Пульс жыцця» («Записки тэлефаніста»), 1942), а также Ильи Гурского (1899–1972) «Лесные солдаты» («Лясныя салдаты», 1945) и Алексея Стаховича (1907–1956) «Шумят леса» («Шумяць лясы», 1947) вошли в ряд произведений с четким соцреалистическим изображением событий Великой Отечественной войны. Повесть «Пульс жизни (Записки телефониста)» написана в форме дневника в публицистическом стиле. Начало произведения художественно убедительно: человек с его литературными способностями, брошенный войной на Урал, никому не нужен, ведь стране нужны солдаты. Под влиянием тенденций послевоенной действительности эффект дневника быстро теряется и меняется на «агитку»: «*Николай Колчин сообщил брату: “Счет продолжаю. 94 гитлеровских ублюдка подставили свои головы под мои пули. Берегу автомат. Мимо не стреляю”*»¹. Произведения И. Гурского «Лесные солдаты» и А. Стаховича «Шумят леса» также отмечены идеологической поэтикой, характерной для советской литературы 1940-х гг., посвященной партизанской борьбе на территории Белоруссии.

Тема партизанской войны раскрыта и в повестях Владимира Карпова (1912–1977) «Без нейтральной полосы» («Без нейтральнай паласы», 1950), Григория Нехая (1914–1991) «Днепровские волны» («Дняпроўскія хвалі», 1946), Владимира Шаховца (1918–1991) «Навстречу» («Насустрач», 1951). Эти истории наглядно свидетельствуют о мировоззрении и эстетических предпочтениях зрелых советских партизан. Писатели этого поколения чаще всего были еще и публицистами, активно занимавшимися публицистической или литературно-критической работой как во время войны, так и после нее. Названные произведения В. Карпова, Г. Нехая, В. Шаховца отличались также своей описательностью, пафосом ожидаемой победы над врагом.

Автобиографический синтез событий мирного времени и военных реалий лег в основу творчества Алексея Кулаковского (1913–1986). В произведении «Невестка» («Нявестка», 1956) писатель исследовал душу бывшего фронтовика, который через прошедшую войну хотел обеспечить себе беззаботное будущее. В сценической повести 1950-х гг. «Где кому жить» («Дзе каму жыць») противопоставляются события военного времени и более поздней жизни, показывается традиционный для литературы соцреализма конфликт между старым и новым поколениями: сын пограничника выносит приговор своему отцу, бывшему солдату. Часть, посвященная описанию событий начала войны, написана психологически и художественно точно. По словам С. Андраюка: «Разделы, в которых говорится о сегодняшнем дне, написаны как бы другим автором» [4, с. 62].

Произведение «До восхода солнца» («Да ўсходу сонца», 1957) представляет собой уникальный этап художественного освещения писателем военных событий в жанре повести. Отступление небольшой группы боевиков показано в условиях, когда обычные законы временно приостановили свою деятельность, а жизни многих людей зависят от обстоятельств и качеств личности. Писатель тонко передал нюансы психологического состояния солдат, что было смелым новшеством на тогдашнем этапе освоения военной темы, ведь в период 1940 – 1950-х гг. рассмотрение нюансов человеческой психики в литературе о войне еще не стало нормой. Повесть как сценическое явление в понимании войны интересна и с точки зрения стилистических и жанровых особенностей: писатель использовал прием лапидарной ретроспективы, когда ассоциации и воспоминания органично вписываются в повествование, не мешая эпическому течению. Следует также отметить, что в указанный период одной из тенденций в произведениях о войне стала оценка действительности через контекст «деревенской прозы», её нравственного, жизненного, языкового осознания окружающего мира: так называемая «народная» оценка ситуации. Военная история А. Кулаковского определяется сочетанием этих характеристик.

Особое место в поколении старших авторов, писавших повести на военную тему, принадлежит Сергею Граховскому (1913–2002). Его талант прозаика раскрылся только во второй половине XX в., поскольку в 1937 г. С. Граховский был репрессирован: тогда молодой поэт получил десять лет колонии якобы за «антисоветскую деятельность». Повесть С. Граховского «Ранний снег» («Ранні снег», 1975) посвящена событиям первых послевоенных лет, происходившим в сибирской деревне и в Белоруссии. Экстраполируя свой предыдущий жизненный опыт на события войны, С. Граховский поставил героя в ситуацию воспроизведения и осмысления военной действительности.

¹ URL: <https://lit-bel.org/news/Lios--tvorchastsy-Hvyadosa-Shinklera-3295>.

Ретроспекция служит средством углубления социально-исторического контекста эпохи. Художественным достижением писателя стало отображение бесчеловечной деятельности советских карательных органов, которая осуждалась в СССР в 1960-е гг. и постсоветский период. Повесть С. Граховского «Суровая доброта» («Суровая дабрата», 1977) написана в приключенческо-детективном жанре. Несмотря на значительную временную дистанцию, сюжет произведения аналогичен упомянутой выше повести А. Вольного, А. Александровича и А. Дударя «Волчонок». В центре «Суровой доброты» – образ партизана гражданской и Второй мировой войн, Героя Советского Союза генерала В. Коржа; а сюжет произведения не лишен заданности. При этом эпизоды, посвященные тактике и стратегии партизанской войны, были оценены критиками как более убедительные. Л. Горелик высказала мнение о том, что «будет интересно сравнить батальную прозу С. Граховского с произведениями эмигрантской литературы, например, с мемуарами Р. Гуля «Ледяной поход», повествующими о гражданской войне на Дону» [25, с. 373].

Острая и эмоциональная атмосфера в прозе Николая Лупсякова (1919–1972) не задана автором искусственно, а новаторски вытекает из содержания произведения. Повесть «Я помню» («Я помню», 1962) отражает жизнь подростка и его эмоциональное состояние в контексте общего существования людей в условиях начала войны. Парень находится в эвакуации и работает на одном из заводов Казахстана. Тон повести сдержан и драматичен, особенно при показе эвакуации и путешествия героя в поезде: *«Все лицо мое было в слезах. Так я плакал только однажды в жизни: без всхлипов, без дрожи в голосе – одними глазами»* [26, с. 37].

Тему партизанской борьбы и автобиографического воспроизведения военных реалий продолжил классик белорусской литературы Янка Бриль (1917–2006) в повестях «Солнце сквозь тучи» («Сонца праз хмары», 1942) и «Живое и гнилье» («Жывое і гніль», 1941–1944), которые во время войны не печатались. Тем не менее, эти повести стали этапными для белорусской литературы, подлинным отражением действительности; они стали более поздними художественными фрагментами хрестоматийного лирико-психологического романа «Птицы и гнезда» («Птушкі і гнёзды», 1962–1964). Обе истории показывают Германию в историческом контексте 1930-х и 1940-х гг. Мировоззрение автобиографического главного героя Павла Власа находится под сильным влиянием учения Л. Толстого, гуманизм которого персонаж переносит и во фронтовую жизнь. В произведениях изображен немецкий лагерь для военнопленных (сам Янка Бриль, будучи призванным польской армией из Западной Белоруссии, также попал в подобный плен во время Второй мировой войны) и суровые условия существования, в которых Павлу приходится оставаться человеком. Главный герой показан как сознательная личность, размышляющая над вопросами развития белорусской нации, возникновения и господства идеологии фашизма, психологией взаимоотношений людей. В произведении «Солнце сквозь тучи» писатель представляет два временных отрезка – воспоминания героя и военный контекст. Воспроизведение военных событий легло в основу автобиографической исповеди «Ты мой лучший друг» («Ты мой найлепшы друг», 1951), которую от большинства произведений о войне того времени отличает психологизм раскрытия характеров героев, правдивость и объективность показа военной действительности. А. Яскевич констатирует: «Здесь – все признаки зрелой, психологически многомерной прозы, не избегающей бездн человеческого духа, тайн жизни» [25, с. 60]. В формировании мировоззрения и художественного вкуса Я. Брили необходимо отметить внимание белорусского писателя к русским мастерам слова, таким «как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Чехов, Горький. Толстой и Чехов вызывали у Брили особое чувство творческой близости» [27, с. 359]. В прозе Я. Брили бытие отражается через мировоззрение лирического героя-ровесника; наблюдается также ослабление событийной канвы сюжета в пользу психологического опыта. В повести «На Быстрянке» («На Быстранцы», 1955) военные события проходят через сюжет косвенно, выступая своеобразным фоном для развертывания основного действия: воспоминания одного из главных героев произведения о том, как мать ценой своей жизни спасла его от полиции. События в повестях Я. Брили отражают повседневную реальность 1940-х гг., в том числе военную. В произведении «Последняя встреча» («Апошняя сустрэча», 1959) влияние идеологических канонов чувствуется при показе личных отношений героев – Чеси Росицкой и Лени Живеня. Произведение выделяется из ряда повестей автора, поскольку в нем писатель, хоть и довольно косвенно, воспроизводит события войны, одновременно критически показывает деятельность советских карательных органов, вмешавшихся в частную жизнь граждан. Изображение военной действительности в повести имеет специфическую форму выражения: посредством использования нескольких назывных предложений в телеграфном стиле показана судьба главного героя Лени Живеня (Казармы. Полигон. Война. Фашистский лагерь. Побег. Подземелье. Партизанский лес). Образ войны в повестях «Нижние Байдуны» («Ніжнія Байдуны», 1975) и «Рассвет, увиденный издалека» («Золак, убачаны здалёк», 1978) всеобъемлющ и многообразен, поскольку военная действительность воссоздается через отражение судеб отдельных людей. Писатель демонстрирует элементы народной смеховой культуры, показывая жизнь дяди Степана и его военные приключения. Исторический масштаб событий, с помощью оригинального синтеза вымысла и фактов из собственной жизни, раскрыт писателем через образ Франца Бикши, прошедшего через испытания войнами и революцией. В произведениях преобладает психологический ракурс, мотив человеческой памяти, поскольку повествователь обобщает пережитое.

Реалистическое раскрытие событий военного времени продолжилось в творчестве Алеся Осипенко (1919–1994), юность которого совпала с военными годами. Повесть «Сыну моего сына» («Сыну майго сына», 1961) имеет черты автобиографизма. Художественно убедительно соединение в произведении разных временных периодов: дореволюционной деревенской жизни и контекста Второй мировой войны. В изобразительном плане оригинальностью характеризуется стилистика повести. Произведение состоит из двух частей: первая имеет форму дневника и написана от имени бывшего чекиста Григория Огнева, вторая представляет собой ретроспективный авторский рассказ и лишена тенденциозного изображения характеров людей в годы войны.

Освоение публицистическо-приключенческого жанра в повести «Два дня и две ночи» («Два дні і дзве ночы», 1976) также стало художественным экспериментом автора. Действие происходит на курорте Карловы Вары. Перипетии сюжета показывают военный контекст через рассказ сербского участника событий: «Осенью сорок первого меня вывезли в Германию. Я дважды убежал. В сентябре сорок второго меня поймали» [28, с. 169]. Военная реальность воссоздана посредством ретроспективного показа жизни бывшего солдата Мелешки и раскрытия психологии человека в моменты испытаний.

Заключение. Белорусская повесть о войнах XX в. (Первой мировой и др.), созданная их участниками или очевидцами и жертвами, родившимися на исходе XIX в. и в 1910-е гг., была представлена эстетически развитыми формами уже в 1920 – 1930-е гг. Это были реалистические повести с автобиографическим началом (М. Горецкий, Я. Колас, З. Бядуля), беллетристические с молодняковским пафосом (Я. Неманский), лирико-психологического и романтизированного характера (М. Зарецкий, М. Лыньков, Я. Скриган, Б. Микулич), а также философско-аналитической направленности (К. Чорный). Ведущим направлением оставался реализм, хотя весьма значительный след в белорусской литературе оставили романтизм, модернистские литературные течения (З. Бядуля, М. Горецкий, К. Чорный) и авангард (А. Городня); однако эти течения на исходе 1920-х гг. уступили место социалистическому реализму (Я. Колас, М. Лыньков, К. Чорный). Заложенные классиками традиции успешно продолжались авторами повестей о Великой Отечественной войне в середине века и более поздний период (до 1980-х гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамовіч А. Літаратура, мы і час: Артыкулы і выступленні. – Мінск: Маст. літ-ра, 1979. – 384 с.
2. Адамовіч А. Брам у скарбаў сваіх адчыняю. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1980. – 225 с.
3. Андраюк С. Творчасць і біяграфія // Роднае слова. – 2008. – № 3. – С. 7–10.
4. Андраюк С.А. А жыццё – вышэй за ўсё. – Мінск: Маст. літ-ра, 1992. – 492 с.
5. Бугаёў Д.Я. Максім Гарэцкі. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – 237 с.
6. Бугаёў Д.Я. Шматграннасць. – Мінск: Беларуская навука, 1970. – 230 с.
7. Гаранін Л.Я. Філасофскія ісканні ў беларускай літаратуры. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 221 с.
8. Гніламёдаў У. Класікі і сучаснікі: арт. і нар. – Мінск: Маст. літ-ра, 1987. – 288 с.
9. Дубовец С. Максім Горэцкі: неюбілейнае слова // Неман. – 1993. – № 2. – С. 92.
10. Жибуль В. Беларуская проза о войне и классическая традиция. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 151 с.
11. Іофе Э.Р. Максім Гарэцкі – беларусазнаўца // Роднае слова. – 2013. – № 2. – С. 30.
12. Коваленка В.А. Общность судеб и сердец. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 351 с.
13. Корань Л. Цукровы пеўнік: літ.-крыт. арт. – Мінск: Маст. літ-ра, 1996. – 286 с.
14. Локун В.І. Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы: 1950–1960-я гг. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 109 с.
15. Мушыньскі М. Беларуская крытыка і літаратуразнаўства (40-я – першая палова 60-х гадоў). – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 341 с.
16. Навуменка І. Якуб Колас: нарыс жыцця і творчасці. – 2-е выд. – Мінск: Народная асвета, 2003. – 207 с.
17. Сінькова Л.Д. Беларуская проза XX стагоддзя: дынаміка жанравых структур. – Мінск: ВПП Новік, 1996. – 220 с.
18. Тычына М. Час прозы: літ.-крыт. арт. – Мінск: Маст. літ-ра, 1988. – 206 с.
19. Тычына М. Кузьма Чорны: эвалюцыя мастацкага мыслення. – Мінск: Беларуская навука, 2004. – 168 с.
20. Чыгрын І.П. Паміж былым і будучым: проза Максіма Гарэцкага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 167 с.
21. Шаблоўская І. Паэтыка славянскай ваеннай прозы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 24 с.
22. Горэцкі М. Избранное. – Мінск: Худ. літ-ра, 1989. – 544 с.
23. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; рэдкал.: У.В. Гніламёдаў (гал. рэд.). – Мінск: Беларуская навука, 1999–2015. – Т. 2: 1921–1941. – 2002. – 903 с.
24. Чорны К. Збор твораў: у 6 т. – Мінск: Маст. літ-ра, 1992. – Т. 6: Раманы, апавесці. – 464 с.
25. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; рэдкал.: У.В. Гніламёдаў (гал. рэд.). – Мінск: Беларуская навука, 1999–2015. – Т. 3: 1941–1965. – 2002. – 952 с.
26. Лупсякоў М. Я помню: апавесць для сярэдняга і старэйшага ўзросту. – Мінск: Беларуская навука, 1964. – 96 с.
27. Гісторыя беларускай савецкай літаратуры: у 2 т. / рэдкал.: В.В. Барысенка, В.У. Івашын (гал. рэд.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – Т. 2: 1941–1964 / М.М. Барсток і інш. – 1966. – 606 с.
28. Асіпенка А. Два дні і дзве ночы. Апавесці. – Мінск: Маст. літ-ра, 1977. – 304 с.

Поступила 26.11.2023

IDEATORICAL AND AESTHETIC DOMINANTS IN WAR STORIES BELARUSIAN WRITERS BORN AT THE END OF THE XIX CENTURY AND IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

T. BAGARADAVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the evolution of the Belarusian war story in the works of older generation writers who were participants or witnesses of hostilities. Particular attention is paid to the works of authors who used the extrapolation method in their creativity and remained adherents of the realistic direction in conveying the military atmosphere. The literary analysis is based on a long historical period – from the 1910s. to the 1970s, as well as showing the directions of development of the genre of the Belarusian war story from fictionalized to realistic.

Keywords: autobiography, “young people’s story”, heroic-revolutionary story, fiction, declarativeness, agitation, extrapolation, “village prose”.

УДК 929:930.23:908

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-8-11

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ЯНА БАРЩЕВСКОГО: У НЕВЕСТ ХРИСТОВЫХ

д-р биол. наук Д.О. ВИНОХОДОВ
(Санкт-Петербургская ассоциация белорусистов)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7508-5457>
e-mail: vinokhodov@list.ru

Комментируется краткий фрагмент из письма Яна Барщевского к Юлии Корсак. Выяснены обстоятельства его поездки в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь в 1843 г. Рассмотрена судьба полоцких базилианок, переведённых в возрождённую обитель. Установлена личность ещё одной знакомой Барщевского – Глицерии Шепелевич.

Ключевые слова: Ян Барщевский, биография, Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь, базилианки.

«Но монашка, как кремь:
– Ныне, отче, постный день!
Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!
Ныне, отче, постный день!»

М.А. Донской

Введение. В письме Яна Барщевского к Юлии Корсак от 10 (22) сентября 1843 г. содержится малопонятный фрагмент, комментирование которого давно вызывает затруднения. Описывая своё пребывание в Беларуси летом 1843 г., Барщевский кратко замечает: «Выехал из Невеля в Полоцк 1 августа. [...] Поручение п. Глицерии исполнил лично, побывал в Спасе, отдал письмо, полчаса говорил с ними об их печальной судьбе и, пожелав им держаться до конца, вернулся в Полоцк» [1]. Профессор Хаустович полагает, что в этом фрагменте «речь идёт о монахах-базилианах Полоцкого Спасского монастыря, которых И. Семашко принуждал отречься от унии, а они мужественно держались все годы после Полоцкого Собора 1839 г.» [2]. Однако в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре не могло быть монахов, поскольку был он женским, а не мужским, и, следовательно, речь в письме могла идти лишь о монашках. Кроме того, Иосиф Семашко был архиепископом Литовским и Виленским, а потому полоцкие монастыри к его ведению не относились, а подчинялись непосредственно архиепископу Полоцкому и Витебскому Василию (Лужинскому).

Основная часть. Для того, чтобы разобраться, кому именно и от кого писатель передал письмо и о чём в нём могла идти речь, сперва рассмотрим предысторию этого эпизода.

Вскоре после воссоединения униатов с Православной Церковью было решено возродить основанный в 1125 г. преподобной благоверной княжной Евфросинией Полоцкой древний монастырь, который Стефан Баторий в 1582 г. отдал иезуитам. Указ об этом вышел в 1841 г. Первыми насельниками обители стали монахини униатского ордена Василия Великого, жившие до этого в кельях при Софийском соборе. Их настоятельница Иннокентия Кулешанка (это девичья форма фамилии Кулеша), 49-ти лет, происходила из богатого рода Кулеша, владевшего обширными имениями в Полоцком уезде. В монашестве она пребывала с юности и уже с 1820 г. возглавляла полоцких базилианок. С нею подвизались Гонората Крайская, 47-ми лет, Евфросиния Ждановская, 41-го года, и Екатерина Риттель, 36-ти лет [3]. Однако, «происходя от родителей латинского вероисповедания и при том же будучи подстрекаема родственниками своими римско-католическими» [4], настоятельница категорически отказывалась принять Православие. Её примеру следовали и остальные три монахини, также происходившие из римско-католических дворянских семейств. Следует отметить, что в этом смысле они не были исключением: из двадцати базилианок Белорусской епархии в Православие перешли лишь четверо – это были Клара Мартусевич, Маргарита Мартусевич из Витебского монастыря, а также Кунегунда (в православии – Клавдия) Щепановская и Пульхерия Преслякова¹ из Оршанского монастыря.

Стремясь каким-то образом повоздействовать на маленький сплочённый и упрямый коллектив, архиепископ Василий Лужинский решил «разбавить» его древлеправославными монахинями. Отстранив от руководства монастырём матушку Иннокентию, он пригласил из Спасо-Бородинского монастыря Можайского уезда, Московской губернии монахиню Евфросинию Дегтерёву. В Витебск она приехала 4 (16) ноября 1842 г., через три дня была назначена «исправлять должность местоблюстительницы» [5] Спасо-Евфросиниевского монастыря и прибыла в Полоцк 13 (25) ноября 1842 г. Заботясь о мире и согласии в монастыре, архиепископ писал полоцкому благочинному архимандриту Филарету Малишевскому: «Мне же сверх того остаётся просить Вас, чтобы Вы, возлюбленнейший, приняли со стороны своей все возможные меры к полезному согласованию воссоединённых и древлеправославных монахинь во взаимной любви и понимании друг друга, с отложением небольших предрассудков с той и с другой стороны» [5].

¹ В более поздних производных документах её, вероятно ошибочно, называют – Плескачевская.

Но мир не складывался. Матушка Евфросиния явилась в монастырь не одна, а со своею собственной командой, состоящей из монахини Паллади, рясофорной послушницы Мефодии и послушниц Мавры Алексеевой и Варвары Ивановой. Вскоре, 23 ноября 1842 г., в монастыре приняла постриг новая послушница Евфросиния Сербинович², 6 апреля 1843 г. из Оршанского девичьего монастыря были переведены монахини Филарета Твёрдая, Феофания Буковская и послушница Евдокия Буковская, а 16 апреля 1843 г. приняла постриг послушница Агния.

Документы свидетельствуют о том, что нрав у новой настоятельницы был суров. В апреле 1843 г. произошёл скандал, вышедший за пределы монастыря и вылившийся в разбирательство епархиального начальства. Архиепископ Василий написал архимандриту Филарету о дошедших до него сведениях, что Дегтерёва тяжко оскорбила недавно прибывших из Орши монахинь Филарету и Феофанию: «...во время трапезы [...] обошлась с ними самым грубым образом, обращая к ним обидные слова и говоря, что они не монахини, а послушницы и должны чистить нужные места, что не за что их кормить, и много прочих произнесла на них подобных же обидных выражений, в чём помогала ей, матушке Евфросинии, монахиня Палладия (?), прочие же послушницы хохотали» [6]. Лужинский предписал учинить по сему поводу дознание, принять над несправедливо обиженными монашками особое попечение, оградить их от неприятностей, настоятельница же делать частые и сильные вразумления о том, как следует обходиться с вверенными её попечению насельницами. В мае 1843 г. произошёл конфликт и с одной из упорствующих монахинь – Гоноратой Крайской. В чём заключалась суть дела – неизвестно, но Полоцкая духовная консистория заключила, что её «*пребывание в том монастыре и содержание напредь во многих отношениях [...] вредно*», и 18 (30) июня 1843 г. предписала немедленно «*выслать из оной обители монахиню Крайскую в Витебский Духовский монастырь [...], а за поведением сей Крайской в отношении религиозном к Православию и нравственном иметь особый надзор*» [7]. Таким образом, упорствующих базилианок в Полоцке осталось трое: Иннокентия Кулешанка, Евфросиния Ждановская и Екатерина Риттель.

В это же время, 16 (28) июня 1843 г., было заведено дело о капиталах монастыря [8]. В ходе разбирательства было выяснено, что прежняя настоятельница Иннокентия Кулешанка распоряжалась монастырской кассою, как своей свиньёй-копилкой: одалживала деньги и раздавала их под проценты помещикам из полоцкой округи. В частности, своему родственнику Казимиру Кулеше она передала 200 талеров. Характерно, что подобный случай имел место и в Витебском Свято-Духовом монастыре, бывшая настоятельница которого, Вальбурга Казимирская, также была смещена со своего поста и также находилась под следствием за растрату [9]. Удивительное совпадение: вскоре, после начала дознания, матушка Евфросиния Дегтерёва умерла, произошло это 21 июля (2 августа) 1843 г. [10]. Что послужило причиной смерти – не известно.

Впрочем, незадолго до её кончины, 9 (21) июля 1843 г. Синод принял решение направить в Спасо-Евфросиниевский монастырь новую настоятельницу – Клавдию Щепановскую [11]. Это была женщина уже преклонного возраста, 57-ми лет, «*хотя из воссоединённых и по происхождению католичка, но отличавшаяся совершенною преданностью православию*» [4], до нового назначения она 11 лет возглавляла Оршанский девичий монастырь.

Именно в этот период Спас посещает Ян Барщевский. Из Невеля он выехал 1 (13) августа 1843 г., а его визит к бывшим базилианкам состоялся либо 3 (15), либо 4 (16) августа 1843 г. Монахини в этот момент были на распутье: притеснявшей их суровой настоятельницы уже нет, но кого к ним пришлют, и какая их ожидает судьба – не известно. И, конечно же, поддержка нечастых гостей, как и письма друзей и родственников, были для них отрадой.

Теперь попробуем выяснить, кто такая пани Глицерия, передавшая с Яном Барщевским письмо полоцким базилианкам? Профессор Хаустович пишет о ней следующее: «*Глицерия – домашняя хозяйка Шепелевичей в Рудне*» [2]. К сожалению, никаких иных пояснений Николай Валентинович не даёт и ссылки на источник информации не приводит. Разобраться в этом вопросе нам позволяют списки монахинь-базилианок Белорусской епархии за 1835 и 1838 гг. В перечне насельниц Оршанского монастыря содержится имя Гликерии Шепелевич, причём напротив её имени сделана пометка: «*отпущена к родным в Невельский уезд*» [12]. Других сведений об этой женщине пока что не найдено, но, тем не менее, становится понятно, что это одна из близких старших родственников Гауденция Шепелевича и Юлии Корсак – скорее всего тётка со стороны отца.

Таким образом, всё встало на свои места: матушка Глицерия была одной из четырёх упорствующих инокинь Оршанского монастыря, не желавших присоединиться к Православию. По-видимому, вследствие твёрдости своего характера либо по возрасту и состоянию здоровья она была отпущена доживать свой век к родственникам в Рудню. Произошло это вскоре, после ликвидации унии, в период с 1839 по 1842 гг. Связей с сёстрами она не порвала и по-возможности старалась передавать им весточки. Весьма вероятно, что из Орши до неё дошло известие о назначении Клавдии Щепановской новой настоятельницей в Спас, о чём она и поспешила известить в своём письме полоцких монахинь, избрав голубем почты своей Яна Барщевского.

Нам осталось рассмотреть последствия этой истории.

Через месяц, 6 (18) сентября 1843 г., Клавдия Щепановская прибыла из Орши в Витебск. Десять дней спустя архиепископ Василий рукоположил её во игуменьи, после чего с благословением отправил в Полоцк [11]. Прибыв в Спасо-Евфросиниевский монастырь, новая настоятельница немедленно принялась за наведение порядка. Практически сразу же вся команда Евфросинии Дегтерёвой выразила желание покинуть Спас и вернуться назад, в Московскую губернию. Рапорты об этом были поданы 19 сентября (1 октября) 1843 г. [13]. Видать, оршанские сёстры быстро дали понять не в меру весёлым московским послушницам, кто теперь должен «чистить

² Сестра соученика Яна Барщевского по Полоцкой иезуитской академии Константина Степановича Сербиновича. Через 12 лет она станет игуменьей этого монастыря.

нужные места». А 12 (24) апреля 1844 г. из Орши прибыла ещё одна принявшая Православие бывшая базилианка Пульхерия Преслякова [14].

Троих упорствующих монахинь игуменья в своих отчётах характеризовала в целом положительно: об Иннокентии Кулешанке и Евфросинии Ждановской она писала *«добра и послушна, но ненадёжна»*, а о Екатерине Риттель – *«к послушанию весьма способна, но ненадёжна»* [14]. Однако давление на них продолжалось; дошло до того, что они были низведены до положения послушниц: *«ненадёжные же воссоединённые монахини Иннокентия Кулешанка, Екатерина Риттель и Евфросиния Ждановская зачислены в разряд послушниц и жалование им выдаётся как послушницам с 1 мая 1844 года»* [15]. Но, не смотря даже на такие строгости, базилианки оставались непреклонны и тверды в своей вере. В 1847 г., видимо уже не зная, как повлиять на фанатичных стариц, архиепископ Василий отправил их *«для поправления здоровья на неопределённое время впредь до совершенного выздоровления»* по домам: *«Екатерина Риттель в город Витебск к родной ей сестре, Иннокентия Кулешанка к родному брату ея в Полоцкий уезд помещику Кулеша, Евфросиния Ждановская также в Полоцкий уезд к родному брату ея, проживающему в имении Дворищах Викентию Ждановскому»* [16].

Ко всей этой истории остаётся добавить лишь одну примечательную и характерную деталь. Известия об описанных событиях достигли цивилизованной Европы, но преобразились при этом самым причудливым образом – словно отражение в кривом зеркале. В 1845 г. польские политические антрепренёры привезли «до городу Парижу» некую невероятную женщину, называвшую себя настоятельницей минского базилианского монастыря Макриной Мечиславской, сбежавшей от великого и ужасного «архи-архи-архиерея»-отступника, патологического садиста Иосифа Семашко. Её водили по улицам разных городов напоказ, как мученицу. Всюду, где ни появлялась, она рассказывала, с отягчающими подробностями о том, как со всей Беларуси монахинь-базилианок пешком, в кандалах, согнали сперва в витебский, а затем в полоцкий монастырь. На всём пути следования злые москали подвергали их чудовищным пыткам, принуждая отречься от святой унии и принять богопротивную схизму. В Полоцке их с осени 1840 г. до весны 1843 г. истязали самым жутким образом, морили голодом и жаждой, приковали цепями к тачкам, заставили срыть какую-то Лысую гору, а на её месте построить для архиепископа трёхэтажный дворец. Однажды ночью во время оргии, устроенной Семашко, попы-схизматики, по его приказанию, ворвались в сарай, где ночевали несчастные старицы, надругались над ними, а тем, которые сопротивлялись, выкололи глаза.

Эти нелепые рассказы вызвали во Франции шок и гневное возмущение, доходившее до истерии. История Мечиславской была записана ректором Римского коллегияма Конгрегации пропаганды веры Максимилианом Рылло (выпускником Полоцкой иезуитской академии), опубликована на польском [17] и французском [18] языках и стала чрезвычайно популярной. Макрину перевезли в Рим, где её принял лично Григорий XVI, к ней наведывались многочисленные деятели польской эмиграции, писатели пересказывали её историю в своих романах, а поэты посвящали ей возвышенные оды – женщина сделалась символом угнетённой и страдающей Польши. Вскоре на многочисленные пожертвования она основала свой собственный монастырь и зажила припеваючи. Впоследствии её едва не причислили к лику святых.

Лишь много лет спустя историки разобрались [19], что на самом деле это была мошенница и самозванка Ирена Виньч, вдова капитана русской армии. До сих пор не установлено, что за люди надоумили её выдать себя за мученицу, снабдили документами и средствами для дальнего путешествия – на этот счёт существуют лишь предположения. В частности, современники рассказывали, что она *«играла роль Макрины по просьбе общества»*, а подготовили её в одном из виленских монастырей [19]. Любопытно также, что давним знакомством с Макриной хвастал граф Генрик Ржевуский [19; 20].

Так вот, всего в своём рассказе Мечиславская назвала имена шестидесяти новомучениц. Но из всех упомянутых ею фамилий лишь одна соответствовала реально существовавшей инокине – это была якобы погибшая при обрушении строящейся стены архиепископского дворца в Полоцке Кулеша (правда Мечиславская назвала её почему-то Женеьевой, а не Иннокентией) [17]. Почему так случилось? Наверняка сказать трудно. Однако, по всей видимости, это была единственная монахиня, которую Рылло помнил со времени своего пребывания в Полоцке. На самом же деле факты говорят о том, что Иннокентия Кулешанка, *«добровольно оставив монастырь, перешла на жительство к своим родственникам и умерла в латинстве. Она равно как и другие базилианки, не согласившиеся (впрочем весьма немногие фанатички) возвратиться к православию, до смерти пользовались от св. Синода денежным пособием, равняющимся годичному окладу жалования, положенного для монахинь перво-классного монастыря»* [4].

Заключение. Ранее мы подробно разбирали события смуты Униатской Церкви 1802 г., во время которой отец Яна Барщевского вместе со всем своим приходом предпринял попытку перехода в римо-католичество [21]. Рассмотренный в этот раз эпизод биографии писателя показывает, что конфессиональное противостояние на белорусских землях продолжало оказывать на него влияние, и несчастья духовно близких земляков он, несомненно, принимал близко к сердцу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barszczewski J. Письмо к Юлии Корсак. 10 сентября 1843 г. // Витебский областной краеведческий музей, КП 7324/27 П-I 78. – Л. 10б.
2. Баршчэўскі Я. Выбраныя творы. – Мінск, 1998. – С. 471.

3. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 130. – Л. 20–29, 39–40.
4. Говорский К. А. Жизнь преподобной княжны полоцкой Св. Евфросинии, с историческим описанием основанного ею Полоцкого девичьего, Спасопреображенского монастыря, с опровержением распространенного папистами мнения, будто бы она наравне с другими, древними, Св. угодниками Русской церкви была униатка и с приложением изображения креста, устроенного ею для монастырской церкви. III. Полотский девичий Спасо-Евфросиньевский монастырь // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Год первый. – Т. IV. – Июнь. – С. 93.
5. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 42. – Л. 1 – 1об.
6. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 93. – Л. 1 – 1об.
7. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 110. – Л. 1-2.
8. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 25.
9. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 22. – Л. 4–5.
10. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 113. – Л. 7.
11. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 109.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 797. Оп. 87. Д. 30. – Л. 46, 46об., 53.
13. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 111.
14. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 130. – Л. 20–29.
15. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 169. – Л. 3.
16. РГИА. – Ф. 797. Оп. 17. Д. 40292. – Л. 1-2.
17. Ryłło M., Jełowicki A., Leitner A. Opowiadanie Makryny Mieczysławskiej xieni Bazylianki Mińskich o ich siedmioletniem prześladowaniu za wiarę. – Paryż, 1846. – 66 s.
18. Ryłło M., Jełowicki A., Leitner A. Récit de Makrena Mieczysławska abbesse des basiliennes de Minsk ou Histoire d'une persécution de sept ans soufferte pour la foi par elle et ses religieuses. – Paris, 1846. – 36 s.
19. Urban J. Makryna Mieczysławska w świetle prawdy. – Kraków, 1923. – 143 s.
20. Chotkowski W. Dzieje zniweczenia św Unji na Białorusi i Litwie w świetle pamiątek Siemaszki. – Kraków, 1898. – S. 133.
21. Виноходов Д.О. Штрихи к биографии Яна Барщевского: Ян, отец Яна. // Асоба і час: Беларускі біяграфічны альманах. – Мінск, 2013. – Вып. 5. – С. 6–22.

Поступила 06.11.2022

STROKES TO JAN BARSZCZEWSKI'S BIOGRAPHY: VISITING BRIDES OF CHRIST

D. VINOKHODOV

(St. Petersburg Association of Belarusists)

The article comments the short fragment of Jan Barszczewski's list to Julia Korsak. The circumstances of his visit in Spaso-Euphrosyne monastery of Polotsk in 1843 are revealed. The fates of Basilian nuns of Polotsk in new convent are reviewed. The personality of Barszczewski's acquaintance Glyceria Szepielewicz is found out.

Keywords: Jan Barszczewski, biography, Spaso-Euphrosyne monastery of Polotsk, Basilian nuns.

УДК 821.112.2

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-12-15

ЖАНРОВЫЕ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ОЛЬГА»

канд. филол. наук, доц. Т.М. ГОРДЕЁНОК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Анализируется жанровая природа романа Б. Шлинка «Ольга». Произведение включает черты любовного, детективного романов и романа поколений. Жизнь главной героини раскрывается через обыденно-жизненный мир немцев и вписывается в широкий исторический контекст. Авторская интенция отражается в романе через комплекс художественных средств: наличие трех рассказчиков, текстовый монтаж, эпистолярная техника, мотив глухоты с большой символично-смысловой нагрузкой. Прием контраста реализуется на уровне персонажей, идей (внутреннее и внешнее странствие), структуры.

Ключевые слова: немецкая литература, роман, жанр, повествовательные особенности, рассказчик.

Введение. Творчество немецкого писателя и юриста Бернхарда Шлинка (Bernhard Schlink, 1944) вызывает широкий читательский интерес не только благодаря нашумевшему бестселлеру «Чтец» (*Der Vorleser*, 2005), но и другим произведениям, среди которых криминальная трилогия о сыщике Зельбе (*Selbs Justiz*, 1987; *Selbs Betrug*, 1992; *Selbs Mord*, 2001), сборники рассказов «Летние обманы» (*Sommerlügen*, 2010) и «Цвета расставаний» (*Abschiedsfarben*, 2020), а также романы «Ольга» (*Olga*, 2018) и «Внучка» (*Die Enkelin*, 2021), получившие одобрение критиков. Как говорит сам Шлинка в лекциях «Размышления о писательстве» (*Gedanken über das Schreiben*, 2010), прочитанных в Гейдельбергском университете, лейтмотивом его творчества являются три темы – прошлое, любовь и родина. Эти темы в полной мере нашли отражение в романе «Ольга», их сочетание во многом определяет жанровые и повествовательные особенности произведения.

Основная часть. Роман Шлинка «Ольга» можно назвать жанровым экспериментом, в рамках которого художественный текст соединяет в себе черты разных жанровых модификаций. В своем стремлении использовать «синтетические» способности романа писатель откликается на общий тренд в современной литературе, который проявляется в повышенном интересе к новым формам и свободному передвижению жанровых границ. Н.Л. Целкова справедливо отмечает: «Современному романисту как будто тесно в рамках одного жанра, он смело сочетает элементы психологического и философского, исторического и документального. Все это свидетельствует о постоянном поиске новых форм, новых средств выражения, новых художественных приемов, используемых для отражения сложности нашего времени» [1, с. 9]. В романе «Ольга» Шлинка синтезирует черты любовного романа, романа поколений и детективного романа.

Начнем с темы любви. Центральной сюжетной линией романа становится история Ольги и Герберта. В аннотации к русскому изданию романа читаем: «... это волнующая история жизни и любви женщины, вынужденной идти против предрассудков своего времени, и мужчины, ослепленного мечтами о величии и власти» [2]. Шлинка разворачивает перед читателем отношения двух однолюбых, детская дружба которых постепенно перерастает в любовь, не иссякающую на протяжении всей жизни. Вместе с тем автор вносит изменения в классическую схему любовного романа. Во-первых, отношения Ольги и Герберта не приходят к счастливой развязке, во-вторых, эмоциональная вовлеченность читателя, который следит за перипетиями в отношениях героев, имеет отложенный характер. Это связано с особой повествовательной структурой романа, который разбит на три части и имеет трех рассказчиков. Лишь в последней части романа рассказ о событиях переходит к Ольге, что придает повествованию психологическую глубину и обеспечивает эмоциональное единение с читателем.

В статье «Формы времени и хронотопа в романе» М.М. Бахтин указывает на то, что в основе таких романских жанров, как любовный, семейный, трудовой и др. лежит идиллический хронотоп. При всем многообразии идиллий, их объединяют некоторые общие черты. Это, во-первых, «органическая прикрепленность <...> жизни и её событий к месту – к родной стране со всеми её уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому» [3, с. 258]. Другой особенностью идиллии М.М. Бахтин называет её «ограниченность немногочисленными реальностями жизни» [3, с. 259], к которым относятся любовь, рождение, смерть, брак, труд, жизнь в разных возрастах. Эти две главные особенности идиллии отчетливо прослеживаются в романе Шлинка «Ольга».

У главной героини есть все приметы человека из окружающей нас действительности – от точного года рождения до основных этапов жизни, которые проживает большинство: детство, школа, получение профессии, успехи и кризисы, выход на пенсию, смерть. Можно утверждать, что Ольга – это типическая героиня, которая органично вписывается в галерею персонажей, созданных реалистической литературой XIX–XX веков. Главные биографические вехи представлены по-разному. О родителях, которые рано ушли из жизни, Шлинка упоминает вскользь. Дальнейшая жизнь девочки у бабушки рассказывается лишь пунктирно. Мы знаем в общих чертах, что их отношения были лишены теплоты, Ольге приходилось отстаивать свое желание учиться, и она часто убегала из дома, чтобы учить уроки на природе. Писатель показывает острое эмоциональное переживание Ольги только однажды, когда ворчливая родственница умерла и уже ничего не могла сказать внучке: «С вечерних сумерек и до утренней зари просидела она рядом с женщиной, которая взяла её к себе и вырастила, однако так и не полюбила. Ольга горевала не о том, что было между нею и бабушкой, а теперь вот миновало, она горевала о том, чего у них не было» [2, с. 108].

С детальной основательностью представлены в романе отношения Ольги с Гербертом Шрёдером, который стал для нее главным мужчиной всей жизни. Мы узнаем также, что Ольга добилась своей цели и стала учительницей, а во времена национал-социализма зарабатывала на жизнь шитьем. В одном из интервью Шлинк рассказал, что при создании образа Ольги он часто «думал о своей крестной матери, которая была учительницей в народной школе и которую во времена Третьего рейха 17 раз переводили с места на место, потому что та отказывалась преподавать расовую теорию»¹. Главная героиня романа тоже не приемлет идеологию Гитлера, тихо покоряется неизбежному, а в 1945 году становится беженкой и переживает катастрофу Германии вместе со своей страной. После выхода на пенсию Ольга ведет тихую жизнь и умирает в возрасте 88 лет. Так сложилась судьба женщины, жизнь которой, однако, не укладывается в рамки идиллии. Ее внешняя жизнь скудна на события, происходит в трудных материальных условиях и дарит Ольге лишь редкие радости.

Любовная линия не может быть полной без другого персонажа, который во многом противоположен Ольге. Детство Герберта прошло в обеспеченной семье. В отличие от спокойной и размеренной Ольги он всегда отличался крайней непоседливостью: «В три года он бегал вовсю. Он носился по просторному дому, где было три этажа и два чердака, по длинным коридорам, по лестницам, по анфиладам комнат, с разгона выбегал на террасу, мчался через парк, из парка бежал в поля и лес. Когда его отдали в школу, он всю дорогу от дома до школы пробегал бегом. Не потому, что поздно просыпался или долго возился с чисткой зубов и прочим и боялся опоздать на урок. Просто ему нравилось бегать, а ходить шагом он не любил» [2, с. 17]. С годами непоседливость переросла в склонность к кочевому образу жизни. Герберт много путешествовал, побывал в Африке в составе колониальных войск, стал членом географического общества и отправился с экспедицией в Арктику.

Следует отметить, что Герберт Шрёдер или, если быть совсем точной, Герберт фон Шрёдер-Штранц (1884–1912) – реальная историческая личность, он был офицером, участвовал в подавлении восстания туземных племен в Африке и вошел в историю географических исследований благодаря экспедициям по Кольскому полуострову, Карелии и исследованию Северного морского пути. В другом интервью Шлинк говорит о прототипе Герберта: «Он упивался фантазиями, наполненными манией величия, но у меня было чувство, словно его охватило страстное желание отыскать пустоту»². Жизнь романного Герберта тоже оказывается бегством за фантомом. В отличие от Ольги, которая с раннего детства жадно впитывает знания, Герберт отличается интеллектуальной поверхностностью. Разнообразная и богатая на события жизнь не означает, что эта жизнь наполнена глубоким смыслом. Постоянные физические перемещения не приводят к душевным движениям. Большую внутреннюю работу проводит за него Ольга: она тщательно изучает страны, в которые отправляется Герберт, и превращает свою жизнь во внутреннее странствие. Она умна, постоянно занимается саморазвитием, обладает критическим мышлением. Беда Ольги в том, что она полюбила человека, который никого не согрел и не сделал счастливым. Это подтверждает концептуально-языковой анализ понятия «любовь», проведенный О.О. Николаевой на материале романа. Исследовательница определила, что два ключевых и наиболее частотных слова в речевой партии Ольги в отношении возлюбленного – пустота (Leere) и фантазия (Phantasie) [4, с. 131].

Объединяет стол разных людей взаимная привязанность, склонность к одиночеству и любовь к природе. А.И. Гущина пишет: «В романах Шлинка хорошо чувствуется та самая романтика малой родины, её пейзажей, которую легко обнаружить и в произведениях И. В. Гёте, Т. Шторма, Б. Ауэрбаха и других авторов» [5, с. 15]. Все самое светлое связано в жизни героев с природой. Счастливые часы детства – это часы, проведенные совместно на уединенной лесной опушке либо на охотничьей вышке. Повзрослев, они вынуждены скрывать свою любовь и могут вести себя естественно лишь вдалеке от чужих глаз. «Наша любовь – лесная пташка», – смеялись они [2, с. 75]. Но Герберт не смог отстоять свои чувства перед родителями, которые были против его брака с Ольгой, и мечта о счастливой семейной жизни так и осталась мечтой. Нет семейного очага, есть долгие месяцы и годы ожиданий, а затем редкие встречи Ольги и Герберта. Есть их общий сын, о котором читатель узнает только во второй и третьей частях романа.

Произведение имеет замысловатую структуру, которая возникла благодаря опыту Шлинка в создании детективных романов. В романе «Ольга» нет убийства, но есть важнейший элемент детективного жанра – тайна и постепенное продвижение к её разгадке. Н. Георгинова отмечает, что «наличие загадки является основной отправной точкой для хитроумного сюжета и образцовой композиции» детектива [6, с. 3]. Композиция романа «Ольга» устроена многослойно, на каждом уровне появляются новые элементы, которые не просто дополняют первоначальную картину, но принципиально меняют её содержание. Как было сказано ранее, произведение состоит из трех частей. В первой части повествование ведет рассказчик, который изображает жизнь героев в хронологической последовательности. Кажется, что он отстраненно наблюдает за событиями и эмоционально скупое повествует о них. Но затем оказывается, что в поведенной истории было много лакун, и всезнающий рассказчик оборачивается в итоге рассказчиком ненадежным. Во второй части повествование ведет Фердинанд, который еще мальчиком сблизился с Ольгой и, по сути, заменил ей сына. Событийное полотно дополняется рассказом человека, которому Ольга доверила многие личные переживания и который стал свидетелем её ухода из жизни. Повествование наполняется эмоциями, фокус повествования перемещается с дальнего плана на средний. Портрет Ольги оживает. Фердинанд часто с теплотой думает о ней. Иногда в информационном потоке всплывает история

¹ URL: <https://oe1.orf.at/artikel/641384/Bernhard-Schlink-ueber-die-starke-Olga>.

² URL: https://www.diogenes.ch/dam/jcr:09194fb8-1748-4ad9-8f00-a18964978a58/Diogenes_Lesekreise_Schlink_Olga.pdf.

Герберта, который со своими товарищами так и не вернулся из экспедиции в Арктику. Почти детективным образом в руки Фердинанда попадают письма Ольги, которые открывают третью часть романа и показывают главную героиню в новом свете. Письма Ольги адресованы Герберту и имеют исповедальный характер. Многие из них написаны без всякой надежды, что адресат их получит и прочтает; по сути, это письма в никуда. Портрет Ольги дополняют важные детали, без которых невозможно понять жизнь и характер героини. Фокус повествования перемещается со среднего плана на ближний. Только в этой части становится понятным, насколько насыщенной внутренней жизнью жила Ольга.

Три рассказа складываются в одно повествовательное целое и прослеживают историю трех поколений, которая разворачивается на фоне знаковых исторических событий, начиная с кайзеровских времен рубежа XIX–XX веков, охватывая две мировые войны и завершая современной немецкой реальностью. Вместе с главной героиней читатель пытается понять, почему юный Герберт хочет походить на германского императора Вильгельма и, как многие в Германии, находится под влиянием идей канцлера Бисмарка. Мы задаемся вопросом, почему сын Ольги с воодушевлением принимает идеологию национал-социализма, хотя мать старалась привить ему гуманистические ценности. Сама Ольга остается равнодушной к поискам немцев собственного «места под солнцем» и границ своего отечества. В конце романа мы понимаем, что она слишком умна, чтобы поддаться химерным идеям (*Luftgespinste*), от которых исходит «гнилое очарование» (*fauler Zauber*). Шлинка подчеркивает в интервью: «Ее взгляд особенно остро изучает мужчин, которые на определенном отрезке немецкой истории заблудились, ошиблись в измерениях и забрались слишком высоко в горы. Это взгляд Кассандры, хотя Ольга слишком скромна, чтобы Кассандрою быть»³. Однако мы помним, что духовная глубина главной героини должна, по задумке автора, раскрываться не сразу.

Шлинка вводит мотив глухоты. Внезапная глухота стала результатом осложнившейся простуды и кардинально изменила жизнь Ольги: «Ей было пятьдесят три года, из школы её уволили. Дирекция и так собиралась от нее избавиться. Она не вписывалась в новые времена. По своей воле Ольга никогда бы не оставила работу учительницы, но так уж пришлось. Впрочем, она уже довольно давно поняла, что нацисты её выгонят, и с тех пор, как поняла это, школа становилась для неё все более и более чуждой. Она отдала школе тридцать с лишним лет – ну, пожалуй, и хватит» [2, с. 113]. Мотив глухоты разрабатывается Шлинком не столь разнопланово, как это было, например, с мотивом глаз в новелле Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек» или развернутой метафорой запаха в романе П. Зюскинда «Парфюмер», но глухота Ольги созвучна с метафорой оглушения в романе Г. Грасса «Под местным наркозом», несет в себе символическое значение и указывает на единственный способ защиты от пропаганды нацистов, хотя их неистовый ор доносится до нее даже через глухоту. Она понимает, что страна оказалась на краю пропасти, в эту пропасть падает и её сын Айк. В своем письме к Герберту она с горечью пишет: «Я научилась жить без тебя – научусь жить и без Айка. Больно мне» [2, с. 293].

Шлинка вместе со своей героиней продолжает искать истоки национальных бед, которые пережила Германия в XX веке, и, как отмечает Д. А. Чугунов, приходит «к осознанию трагического обстоятельства: разрушительную идею о превосходстве над другими нациями в сознание немцев заложил вовсе не Гитлер, а не кто иной, как "железный канцлер" Бисмарк – всеми почитаемый объединитель германских государств» [7, с. 195]. Осознание этой истины производит в Ольге кардинальные изменения. Она, наверное, впервые в жизни переносит интенсивную работу мысли в деятельностьную плоскость и решает взорвать памятник Бисмарку в городском саду. Памятник, правда, почти не пострадал, но Шлинка таким образом хочет показать, что «видит опасность в живучести исторических мифов и цикличности трагических событий национальной истории» [5, с. 13].

Пожилая женщина скончалась в больнице от последствий взрыва. Никому и в голову не пришло, что она сама стала причиной этого взрыва. Свет на происшествие пролило последнее письмо Ольги, которое попало в руки Фердинанда. В своих размышлениях он подводит итог: «Мелодией всей жизни Ольги была её любовь к Герберту и сопротивление ему – исполнение надежд и разочарование. После сопротивления безумствам Герберта – безумный жест, в конце тихой жизни громовой удар – завершающий аккорд образовал собой контрапункт к главной мелодии её жизни» [2, с. 299].

Заключение. В романе Б. Шлинка «Ольга» сочетаются черты трех жанровых разновидностей романа – любовного, детективного и романа поколений, что позволяет автору вписать судьбу индивида сначала в обыденно-житейский мир, а затем в панорамную картину нескольких исторических эпох и благодаря этому создать эмоционально насыщенное повествование с национальным колоритом. На примере данного произведения подтверждается мысль о пластичности романного жанра и его подверженности трансформациям.

Шлинка вводит нас в мир женщины с умным и просветленным взглядом на время и людей, в котором и с которыми она живет. Наиболее очевидно это проявляется в третьей части романа, которая создана в эпистолярном стиле. Авторская интенция воплощается в жизнь благодаря оригинальной повествовательной технике и трем рассказчикам, каждый из которых открывает читателю новые грани в характере и образе мыслей главной героини. В романе широко используется прием контраста, который преломляется на уровне персонажей (противоположностями являются Ольга и Герберт, Айк и Фердинанд, заменивший Ольге сына), идей (физическое и духовное странствие главных героев) и структуры. Судьба Ольги полна трудностей, но потери делают ее только сильнее, дают энергию сопротивляться, сначала молча и тихо, а в финале жизни – громко и решительно. Большое символическое значение отводится в романе «Ольга» мотиву глухоты.

³ URL: https://www.diogenes.ch/dam/jcr:09194fb8-1748-4ad9-8f00-a18964978a58/Diogenes_Lesekreise_Schlink_Olga.pdf.

ЛИТЕРАТУРА

1. Целкова Л.Н. Современный роман (Размышления о жанровом своеобразии). – М.: Знание, 1987. – 64 с.
2. Шлинк Б. Ольга / пер. с нем. Г. Снежинской. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. – 304 с.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
4. Николаева О.О. Концептуально-языковой комплекс Liebe в эпистолярных романах Б. Шлинка «Ольга» // Межкультурное пространство: лингвистический и дидактический аспекты: сб. ст. по мат-м научно-практ. онлайн-конференции с междунар. участием (Петрозаводск, 26–27 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е.Н. Воротилина; М-во науки и высшего образования РФ, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Ч. 2. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2021. – С. 128–131.
5. Гуцина А.И. Проблематика и художественные особенности произведений Бернхарда Шлинка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2021. – 26 с.
6. Георгинова Н. История появления и становления детективного жанра в литературе // Библиотечное дело. – 2018. – № 1. – С. 2–6.
7. Чугунов Д.А. Особенности репрезентации прошлого в прозе Бернхарда Шлинка // Studia Litterarum. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 186–201.

Поступила 26.11.2023

GENRE AND NARRATIVE FEATURES IN THE NOVEL “OLGA” OF B. SCHLINK

T. HARDZIAYONAK

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article analyzes the genre characteristics in the novel “Olga” of B. Schlink. The novel includes features of romance, detective and generation novels. The life of the main character Olga is revealed through everyday world of Germans and fits in well with a broad historical context. Author’s intention is mirrored in the novel via the imagery system, including presence of three narrators, textual montage, epistolary technique, motif of deafness with significant symbolic meaning. Contrast as a stylistic mean is realized at several levels – characters, ideas (meditative / dynamic wandering), structure.

Keywords: German literature, novel, genre, narrative features, narrator.

«ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ» В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**канд. филол. наук, доц. Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)****e-mail: k.lushneuskaya@psu.by**

В статье рассматривается немецкий героический эпос «Песнь о Нибелунгах» в контексте западноевропейского эпоса (на примере «Беовульфа» и «Песни о Роланде») и древнерусского былинного эпоса. Подчеркивается, что для исследуемых памятников характерна общность на сюжетно-тематическом уровне. Речь идет об исторической условности; о противопоставлении горя и радости, добра и зла; мотивах мздоборчества, предательства и мести; о наличии трудных испытаний, преодолеть которые герою помогают сила, отвага и честь; о материальных благах и отношении героя к судьбе, а также о гибели героя. Автор приходит к выводу, что данные черты связаны с наличием элементов устной поэзии в эпическом жанре, которые рождены из синтеза языческого и христианского мировоззрений. В результате наряду с типологическими сходствами были выявлены отличия, связанные, с одной стороны, со спецификой культуры, а, с другой стороны, с личностью автора эпоса, в частности «Песни о Нибелунгах».

Ключевые слова: эпос, былина, типология, историческая условность, честь, предательство, месть, судьба, гибель героя.

Введение. Исторические события Средних веков подготовили почву для возникновения в западноевропейской литературе героического эпоса. Бурные события эпохи, вызванные общественно-политическими и культурными противоречиями, находили отклик у народных певцов, а положенные в основу сюжета эпоса, – и у каждого слушателя. Глубокий трагизм событий IV–VI веков, возникновение на развалинах античного рабовладельческого общества нового феодального мира, появление и распад варварских государств, преступления и кровопролития, христианизация, – все это не могло не оставить глубокого отпечатка на эпическом наследии Европы. Героев эпических произведений, выходцев из древней старины, отличали «храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, побуждавший видеть во всех общественных делах свое собственное дело» [1, с. 99].

Западноевропейскому эпосу, как и древнерусским былинам, были не чужды сюжеты о мифических героях, чудесах и волшебных атрибутах, сопровождающих героев в испытаниях. Т.А. Новичкова отмечает, что «эпическая история, какой она предстает перед нами в былинах, проникнута мифом, который поддерживал былинное слово и образ, защищал от исчезновения жанровую традицию и не противоречил своеобразным свойствам устной народной памяти» [2, с. 6]. Замысловатые приключения и запутанный сюжет, отсылки к многочисленным героям и сражениям, распространенные отступления несколько не умаляли интерес средневековой публики. Все это имело такое же огромное значение, как и реально происходящее. Причем включение таких элементов в героический эпос придавало ему особый колорит, который до сих пор привлекает внимание читателей и исследователей.

Основная часть. Изучением особенностей развития европейского эпоса занимались В.М. Жирмунский [3], Е.М. Мелетинский [4], Б.Н. Путилов [5], А.Н. Робинсон [6] и др. Сопоставление западноевропейского народного героического эпоса с древнерусским былинным эпосом позволяет выявить новые грани, способные вывести сравнительный анализ эпоса на новый уровень. Цель данного исследования заключается в историко-контекстуальном изучении крупнейших эпических памятников, отличительной особенностью которых являлась предшествующая письменной фиксации устная форма исполнения. Объект исследования – западноевропейский эпос «Беовульф», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», древнерусские былины. В рамках данной статьи предметом исследования является интерпретация эпоса в рамках исторического контекста.

Высказанное Е.М. Мелетинским мнение о том, что «эпос должен трактоваться как отражение исторической жизни народа, <...> как выражение прежде всего точки зрения широких народных масс на свое историческое прошлое» [4, с. 13], характерно, скорее всего, для восточноевропейского эпоса. Здесь следует уточнить, что эпическая история – это своя история, иногда не соответствующая реальной истории, но иной раз являющаяся для средневекового слушателя достовернее и могущественнее реальной истории. Говоря о западноевропейском эпосе, Б.Н. Путилов уточняет, что в эпосе присутствует «не отражение конкретной исторической эпохи, а представление народа о своем прошлом, в котором слились исторический опыт и традиции предшествующих эпох – и все это подвергнуто обработке эпическим сознанием» [5, с. 8]. Следовательно, для героического эпоса в общем имело значение не конкретное описание исторического события (его причины, хронология, участники), а впечатление народа от происходящего. Сегодня уже не является секретом, что для историков эпос выступает важной частью исследований, выступая источником для восполнения пробелов истории путем восстановления отдельных деталей происходивших в Средние века событий. В особенности это отличает былинный эпос, отразивший в художественных образах историческую действительность (Л.Н. Пушкирев) или примечательный эпизод истории (Т.В. Зуева). Для периода записи былин «было характерно сосуществование разных способов отношения к прошлому: архаического, мифопоэтического и конкретно-исторического, не подвергающего имена и события

радикальной перестройке в связи с сюжетным замыслом, хотя на любом уровне мы встречаемся с явной мифологизацией образов» [2, с. 6], – отмечает Т.А. Новичкова.

Эпос выполнял в обществе особую роль: он служил для утверждения комплекса идеалов и норм социального порядка, поведения, нравственности, мировоззренческих принципов, жизненных позиций в сфере истории и отношений между людьми [5, с. 16]. А.Я. Гуревич указывает: «Эпос давал законченную и всеобъемлющую картину мира, объяснял его происхождение и дальнейшие судьбы, включая и самое отдаленное будущее, учил отличать добро от зла, наставлял в том, как жить и как умирать» [7, с. 6].

Как правило, герои западноевропейского эпоса вне зависимости от времени его создания перенесены автором в историческую эпоху древнегерманских войн и междоусобиц периода «Великого переселения народов» («Беовульф» (рук. около 1000) [8], «Песнь о Нибелунгах» (конец XII – начало XIII века [9]) или во времена борьбы христиан с неверными в крестовых походах («Песнь о Роланде» вторая половина XII века [10]). Это поворотные события эпохи Средневековья, нашедшие отражение не только в общественно-политической, но и культурной жизни народов Европы. Для средневекового автора эпоса важным критерием являлась значимость исторического лица в реальной действительности, например, «Песнь о Роланде» отсылает к Карлу Великому, «Песнь о Нибелунгах» – к Аттиле и Теодориху, «Слово о полку Игореве» (ок. 1185) – к Игорю Святославичу, былины – к князю Владимиру и его богатырям. «Радзивиллиада» (1592) стала эпосом, воздавшим славу Николаю Радзивиллу. Нередко подвиги приписывались не конкретному историческому лицу, а некоторому идеальному эпическому герою, не имеющему прототипа в истории, например, Беовульф или Зигфрид, отдельные черты которых угадываются в различных героях исторической действительности. Между тем эпический размах произведению придавало и сведение воедино нескольких великих героев реальной истории, легенд и сказаний. Сама величественность эпоса требовала этого.

Однако не только историческая основа отличает европейский эпос, – существует множество типологических черт. Подробнее об этом писал А.Н. Веселовский, который, рассматривая связи древнерусского народного эпоса с эпосом Востока и Запада, пришел к выводу, что «народный эпос всякого исторического народа по необходимости международный» [11, с. 401]. На наличие сходства героического эпоса разных народов указывал В.М. Жирмунский, усматривая его причины в том, что сходство «основано в конечном счете на художественном обобщении сходной социальной действительности и на одинаковом уровне развития общественного сознания» [3, с. 29]. Так, восточнославянский эпос, представленный «Словом о полку Игореве» (ок. 1185), хронологически совпадает с западноевропейским и отражает, как правило, кровопролитные события в борьбе за независимость Киевской Руси. Древнерусские былины воспевают подвиги богатырей, стоявших на страже их государства. Многострадальный исторический путь белорусского народа, описанный в «Радзивиллиаде» (1592) – эпосе, прославившем подвиги Николая Радзивилла, имел положительный результат. Ж.В. Некрашевич-Короткая отмечает: «Бясконцыя войны, што грывелі па нашай зямлі, спараджалі не толькі гаротныя ахвяры, кроў і слёзы, але таксама высокія подзвігі, нечуваныя дагэтуль прыклады воінскай доблесці, якія патрабавалі велічнага ўслаўлення» [12, с. 93]. И.В. Саверченко отмечает, что только в эпоху Ренессанса «былі створаны выдатныя ў мастацкіх адносінах белетрызаваныя эпічныя творы¹, аснову якіх утваралі важныя палітычныя і грамадскія падзеі» [13, с. 128]. В европейских странах такого рода исторические события вызвали к жизни появление древнерусских былин, украинских дум, сербских юнацких песен и других эпических жанров. В западноевропейскую эпическую традицию вошли англосаксонский эпос «Беовульф», французский эпос «Песнь о Роланде» и немецкая «Песнь о Нибелунгах».

С первых страниц «Беовульфа» прослеживается контраст между радостью и горем. Но, если в «Нибелунгах» автор использует намек на грядущую трагедию, и после убийства Зигфрида долгое время ничего не происходит, а внимание читателя удерживается нагнетанием обстановки; то смена радостного тона повествования «Беовульфа» происходит уже в начале эпоса. После пира в честь возведения королевского дворца на Хеорот нападает чудовище Грендель, каждый визит которого лишь делает неизбежным сражение с ним. Характерное для эпоса нарастание напряжения отличается и «Песнь о Роланде» в описании сцены, когда Роланд, не желая казаться трусом, отказывается трубить в рог и только потеряв своих воинов он наконец осознает преискуство сарацин, трубит, от напряжения у него на висках выступает кровь и струится по лицу. Драматизм ситуации усиливается и в изображении последних минут жизни Зигфрида в «Песни о Нибелунгах», когда он, смертельно раненный предателем в спину и терзаемый болью, пускает щит в убийцу и сбивает его с ног.

Несмотря на то, что в раннем Средневековье мотив предательства встречался довольно часто, в англосаксонском эпосе он отодвигается на второй план. Для Беовульфа сражение с драконом – дело всей его жизни, и предавшие его дружинники, отступившие перед страхом смерти, делают это неумышленно, словно предоставив герою возможность в одиночку сразиться с драконом; в «Песни о Роланде» Ганелон предает Роланда, затаив в сердце злобу и обиду на него; в «Песни о Нибелунгах» Зигфрид и предположить не мог о заговоре побратимов. В целом, эпос не свободен от мотивов мести, алчности, корыстолюбия и предательства, которые нередко упоминаются наряду с верностью, доблестью и честью эпических героев. На этом контрасте подчеркивается исключительное превосходство главных героев эпоса – Беовульфа, Роланда и Зигфрида. Для героев былин победа в бою также играет немаловажное значение и отождествляется с честью и славой.

¹ Среди произведений героического эпоса И.В. Саверченко называет не только «Радзивиллиаду» (1585) Я. Радвана, но и «Описание московского похода князя Радзивилла» (1582) Ф. Градовского, «Десятилетнюю повесть военных дел князя Криштоша Радзивилла» (1585) А. Римши [13, с. 136].

Ощущение трагизма создается не только благодаря нарастанию напряжения, автор включает различные знамения беды. Определенное значение в них играют сны героев. Если сон Карла Великого – это единственная уступка таинственности в «Песни о Роланде», то созданная позже «Песнь о Нибелунгах» изобилует наличием таких элементов в сюжете. Так, включенные в первую часть эпоса предсказания беды в вещих снах Кримхильды и её матери Уты во второй части «Нибелунгов» приобретают вовсе мифический характер: роль предсказательниц исполняют вещие жены-русалки. Героини былинного эпоса также наделены обостренным предчувствием беды (Василисушка Никулична) и придают значение снам (Настасья Окульевна) [14].

Неизбежность трагедии в «Беовульфе» создается благодаря повторяющимся нападениям чудищ на дворец, о снах нет и речи, причем этот факт не умаляет роли мифологического элемента в англосаксонском эпосе; равно как и отсутствие психологизма персонажей, в отличие от героев немецкого и французского эпосов. Ведь Хаген, обвиненный в трусости, готов идти на смерть, а Роланд, подозревающий о злых намерениях Ганелона, ни на миг не сомневается в правильности своего решения. Не смотря на плохое предчувствие, герои идут на смерть, делая свой выбор. Былины отличают повторы как лексико-синтаксических конструкций, так и сюжета. В отличие от героев западноевропейского эпоса, главных героев русского эпоса ждет слава и мирная жизнь. Славу богатырь стяжает в бою или в испытаниях: «Говорил Владимир стольнокиевский: / “Я схожу посла да поотведаю”. / “Ах ты, молодой Василий Микулич-де! / Не угодно ли с моими дворянами потешиться, / Сходить с ними на широкий двор, / Стрелять в колечко золоченое, / Во тоя остри ножевые, / Расколоть-то стрелочка надвое, / Чтоб были мерою равненьки и весом равны”» («Ставр Гоудинович») [14, с. 203].

Нередко автор создает трудно преодолеваемые испытания для эпического героя. В «Беовульфе» для победы над Гренделем автор переносит воина в логово чудищ, что значительно усложняет его подвиг. По мнению А.Я. Гуревича, герой, попав в другое пространство и потеряв связь со «своим», лишался прежней силы; следовательно, «его гибель была неизбежной и вполне мотивированной» [15, с. 128]. Но и здесь храбрый Беовульф одерживает победу. Объяснение этому можно найти в исключительных способностях героя, которые даже вопреки обстоятельствам помогают одержать победу. Неуязвимостью наделен и непобедимый Зигфрид, выведенный из повествования автором лишь по причине подлого предательства, отнявшего жизнь у храброго героя, что при иных обстоятельствах было бы невозможным. Кроме того, автор, позволив Хагену нанести удар в уязвимое место на спине Зигфрида, делает неизбежной месть за смерть героя. Убитый не в бою и неотомщенный, не мог считаться истинным героем, что знал и Хаген. Следовательно, немецкий эпос отличается большая несправедливость по отношению к главному герою по сравнению с англосаксонским и французским эпосами, где эпическому герою предоставляется возможность погибнуть в бою, т.е. героически. Тем острее представляется данная проблема, если экстраполировать древнегерманские представления о чести, характерные для IV–V веков на «Песнь о Нибелунгах», согласно которым, в небесное царство Водана, бога войны и победы, «попадал лишь тот, кто пал в битве» [16, с. 20]. Недопустимая несправедливость по отношению к эпическому герою стала возможной в придворно-рыцарской культуре начала XIII века. Вместе с тем кульминацией эпического повествования является гибель героя.

В одной из песен «Беовульфа» во время пира певец упоминает Сигмунда и бой с драконом, словно намекая на предстоящее сражение Беовульфа. Но если во вставном эпизоде «Беовульфа», как и в «Песни о Нибелунгах», мотив драконоборчества является отголоском языческого мировоззрения, то в «Беовульфе» пережитком языческих преданий о героях [6, с. 133] является убийство болотного зверя Гренделя, а сражение с драконом становится освободительной битвой, избавляющей родину от врага, превратив Беовульфа в национального героя. На примере «Беовульфа» прослеживается эволюция религиозных представлений, отражающая переход от язычества к христианству. Так, постепенно подвигу змееборчества «стало придаваться значение религиозного, вассального, а затем и национального долга» [6, с. 132]. Подобную интерпретацию приобретает сражение со змеем в русских былинах: «Змея ему да тут смолилася: / “Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич! / Будь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат, / Я тебе да сестра меньшая. / Сделаем мы же заповедь великую: / Тебе-ка-ва не ездить ныне на гору сорочинскую, / Не топтать же зде-ка мелееньких змееышков, / Не выручать полону русского; / А я тебе сестра да буду меньшая, / – Мне-ка не летать да на святую Русь, / А не брать же больше полону да русского, / Не носить же мне народу христианского”» («Добрыня и Змей») [14, с. 101].

Из биографии героев, предшествующей визиту славных воинов к королю, становится известным о юношеских подвигах как Беовульфа, так и Зигфрида, о которых наслышаны за пределами их государств. Оба героя – пришлые воины и должны испытывать судьбу вдали от родины в нескольких состязаниях: Беовульф сражается с чудищами, а Зигфрид побеждает в войне с саксами и данами, проходит испытания девой-воительницей. Конечно, цель визита у них различна, но и оказываются они в различных условиях: Зигфрид – в придворном окружении, а Беовульф – в германском королевстве, осаждаемом нападениями чудовища. При дворе несет службу и Роланд. Эпические герои Беовульф, Зигфрид и Роланд выступают в роли помощников короля, обладая, вместе с тем, рядом добродетелей. И нидерландский королевич, и конунг гаутов, и французский граф демонстрируют должную силу, отвагу и честь. Для героев характерно должное воспитание: Зигфрид посвящен в рыцари, Беовульф воспитан дядей конунгом. Немалую славу стяжают и богатыри былинного эпоса: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Глеб Володьевич, Василий Буслаев и др.

Знание воинского дела, владение принятым в дар мечом, верность вождю, добыча сокровища, сражения с чудовищами, встреча с коварной судьбой и гибель героя – это типичные мотивы не только «Беовульфа» и «Песни о Нибелунгах», но и других памятников средневекового европейского эпоса. В отличие от них Роланду,

обладающему многими добродетелями, чужды дохристианские ценности, и он не сталкивается с выходцами из другого мира. Вместе с тем ему присущи воинские добродетели эпического героя. Он не сражается с мифическими существами, как Беовульф и Зигфрид. Здесь имеет место определенного рода трансформация мотива змеборчества в христианский мотив, имеющий национальное значение.

Наряду с типологическими сходствами существуют и отличия, связанные, с одной стороны, со спецификой мировоззрения, а с другой, – с личностью автора эпоса. Например, единым ядром повествования в эпосе является борьба со злом, но в каждом национальном эпосе зло имеет свое воплощение. Если в англосаксонском «Беовульфе» зло – это чудовищные существа (исполин Грендель, женочудовище и огнекрылый дракон), то в «Песни о Нибелунгах» дракон не является таковым. Здесь антагонистом Зигфрида представлен Хаген – воплощение коварства и предательства. Хотя Хагену и придают черты нечеловеческого происхождения (Хаген – сын альба, карлика), он остается, прежде всего, верным вассалом, несущим свою службу. Создается впечатление, что Зигфрид вовсе не видит в нем угрозы. Подобное поведение демонстрирует и герой французского эпоса Роланд, словно не догадывающийся о замысле Ганелона. Вместе с тем убивает его не Ганелон, а воинственные магометане, что делает его смерть героической, в отличие от предательского убийства. Роланд, как и Зигфрид и Беовульф, слишком самоуверен, даже не желает допустить мысли о возможной своей гибели, поскольку удачливый в бою не испытывает страха. Такое бесстрашие отсылает к русской былине о Василии Буслаеве, который не страшится предсказаний человеческой головы: «Где лежит пуста голова, / Пуста голова молодецкая, / И лежать будет голове Васильевой!» («Смерть Василия Буслаева») [14, с. 300]. Смерть Василия нелепа, и наказан он за гордыню.

Зигфриду везде сопутствует удача и все дается ему легко. Победа над великанами Шильбунгом и Нибелунгом, клад Нибелунгов достаются ему словно мимоходом. Нельзя сказать, что удача покидает Зигфрида в момент его убийства. Она словно отодвигается на второй план. Здесь автор, обращаясь к внутреннему миру героев, говорит о другом герое эпоса, герое, наделенном психологизмом. Такой подход оказывается неуместным в характеристике героев «Беовульфа». Как Хродгара, так и Беовульфа отличает удачливость в бою, которая однажды покидает датского короля, а затем и его помощника. Мотив предательства упоминается лишь вскользь, когда воины Беовульфа отступили в заключительной схватке. В свой предсмертный час Беовульф говорит напутственные слова народу и державе, отдав за них свою жизнь. Свою гибель он не считает напрасной, поскольку имеет реальное тому подтверждение – сокровища дракона: «... и я, увидев казну издревнюю, насытив зренье игрой самоцветов и блеском золота, возлягу рядом и без печали жизнь покину и власть земную» (2746–2750) [8, с. 202]. Одновременно с этим Беовульф вверяет себя Божьей воле: «Я мирно властил и ждал урочного срока и жребия: не жаждал распрей и лживыми клятвами не осквернялся, чему сегодня, смертельно раненный, я радуюсь в сердце, ибо Создатель не попрекнет меня убийством родичей – так пусть же изыдет душа из тела!» (2735–2742) [8, с. 201–202].

Здесь сталкиваемся с еще одним из аспектов чести, связанным с отношением к кровным родичам. Данный факт удручает Зигфрида, в словах которого слышится упрек и ненависть к бургундам, совершившим бесчестный поступок – предательское убийство побратима: «Надѣлали вы этимъ / не мало бѣдь своей роднѣ. // И всѣхъ потомковъ вашихъ / позоръ, бесчестье ждеть: // За ваше злое дѣло / ихъ всякій упрекнетъ» (989,4–990,2) [9, с. 258]. Не теряя рассудка, Зигфрид осознает весь драматизм происходящего и негодует об участи своей семьи. В данном отношении поведение Роланда отлично от англосаксонского и немецкого героев. Роланд отпускает все земное и взывает к Богу, прося о спасении души и отпущении всех прегрешений. Он не забывает о своей воинской чести и славе: «Граф под сосною на холме лежит. // К Испании лицо он обратил, // Стал вспоминать о подвигах своих, // О землях, что когда-то покорил, // О милой Франции и о родных, // О Карле, ибо тот его вскормил» [10, с. 98]. Следует заметить, что вне зависимости от национальной принадлежности герои вспоминают о своих родных, одновременно с этим, их заботит и честь державы, тогда как Зигфриду чужды ценности национального героя. Поведение Зигфрида отлично от Беовульфа и Роланда в их предсмертный час, в чем усматривается возможная связь с причиной его убийства, а также со спецификой мировоззрения, нашедшего отражение в «Песни о Нибелунгах». Это доказывает более глубокий уход в мифическую древность, свободную от национальных ценностей.

В преддверии смерти герои демонстрируют свое отношение к судьбе. С одной стороны, Беовульф перед заключительной схваткой с драконом, осознавая свою участь, делает собственный выбор: «Не уступлю я пламенвержителю в битве ни шагу!» (2523), но перед боем он прощается с гаутами, словно предчувствуя сердцем «соседство смерти, Судьбы грядущей» (2419) [8, с. 180]. И здесь Судьба отождествляется с удачей: «казалось ратнику, что щит, защитник души и тела, не так надежен, как то хотелось бы герою, коль скоро впервые в жизни Судьба не хранит его в единоборстве, в победной битве» (2569–2574) [8, с. 190]. Подобное отношение к судьбе встречается и в более поздней «Песни о Нибелунгах», герои которой идут навстречу судьбе, делая свой осознанный выбор. Нибелунгам предугазан исход судьбоносными знаками, которые в форме пророчеств присутствуют и в «Беовульфе»: о пожаре, в котором сгорит Хеорот (82–85), о вражде среди наследников датского престола, о судьбе дочери Хродгара (2024–2069), о гауто-шведских войнах, грядущих после смерти Беовульфа (2900–3027).

В «Песни о Нибелунгах» можно вспомнить опасения Хагена перед поездкой к гуннам, но не следует отрицать и внешних проявлений грядущей беды: река разлилась, словно удерживая воинов от гибели, встреча с вещими девами, сулящими смерть всему войску, отказ перевозчика переправить войско на другой берег – все это имеет символическое значение. Возможно, здесь сказывается влияние языческого мировоззрения, когда человек ощущал себя частью всего мироздания и все имело свои причины. Бесспорным является отношение к судьбе в «Песни о Роланде»: он сражается во имя Господа. Одновременно с желанием нести христианскую

веру, Роланд верно служит своему королю. Но лишь однажды он оказывается попрекнутым в излишней горячности, приведшей всех к гибели. Вряд ли эта горячность роднит Роланда с героями древности. Он, скорее, отвечает требованиям идеального героя своего времени, тогда как Беовульф и Зигфрид видят в судьбе злой рок.

Везение, удача героя часто вызвали желание обладать хотя бы частью этого счастья, что особенно характерно для древнегерманских представлений, согласно которым, приобрести удачу можно посредством обладания атрибутами счастья. А.Я. Гуревич объяснял это так: «свое благополучие можно приумножить, получив в дар от вождя драгоценный подарок (меч, гривну, кольцо, плащ), ибо в этих предметах материализуется “везенье” “богатого удачей” вождя» [17, с. 18]. Поэтому клад Нибелунгов вызывает у героев эпоса жажду обладания сокровищами, что для них равнозначно не только удаче, но и источнику власти. Однако самого Зигфрида нисколько не заботит клад Нибелунгов, также чуждо материальное желание и Беовульфу, которому достаточно лишь созерцания отнятого у дракона сокровища. В плане сокровищ смерть героев оказывается бесполезной. Но в отношении к кладу у его обладателей есть существенная разница.

Так, даны отказываются от возвращенного им клада, а не пытаются заполучить его как источник власти, что, напротив, отличает героев «Песни о Нибелунгах». Смерть Зигфрида и вызвана отчасти желанием иметь клад Нибелунгов. Но после смерти Зигфрида Хаген погружает клад в Рейн, унеся в могилу тайну его местонахождения. Беовульфу же клад необходим, скорее, для славы и восстановления справедливости. Так, алчность Нибелунгов в отношении клада разнится с мировоззрением Беовульфа. Возможной причиной тому является наличие в «Песни о Нибелунгах» не только древних представлений, но также их преднамеренное и одновременно органичное включение автором в сюжет повествования; имеющие значение материальные ценности дохристианской эпохи оказываются уместными в придворно-рыцарском окружении. «Песнь о Роланде» является отражением борьбы христиан с язычниками, что свидетельствует о прочной связи христианской религии с военным долгом. Включенный в эпос мотив предательства Ганелона отодвигается на второй план, и благодаря армии Карла справедливость христианской веры торжествует. В то же время, в «Беовульфе», по крайней мере, внешнее, проявление христианства уже достаточно укрепилось в представлении автора.

Так, Беовульф сражается с Гренделем как дьявольским бастардом. Необходимо отметить, что Грендель, бесчинствующий исключительно в ночное время суток, ненавидящий род людской и живший изгоем в болотах, отождествляется автором с адским существом, противопоставляемым Богу. В период создания рукописи «Беовульфа» англосаксонские племена были уже христианизированы, но более ранние события эпоса позволяют предположить о еще недостаточно сформировавшемся представлении героев о христианском вероучении. Так, если престол конунга был окружен ореолом святости, то о советниках знатного конунга говорится: «Сидели знатные, судили мудрые, в совете думали, как бы вернее людей избавить от страшной участи; молились идолам, душегубителям, и, воздавая им жертвы обетные, просили помощи и подкрепления – то суеверие, обряд языческий, то поклонение владыке адскому!» (172–179) [8, с. 28–29]. Вместе с тем эпос просто изобилует упоминаниями Бога. По большей части горе, постигшее данов, автор видит в непоклонении Богу и тем самым объясняет нападение на них Гренделя, «потомка Каина». Однако представление о религии у героев эпоса еще смутное: жажда славы, а главное, мести за родичей выступают чуть ли не императивом поведения эпических героев. «Должно мстить за друзей, а не плакать бесплодно!» (1384) [8, с. 112] – главная заповедь древнего германца, акцентируется в англосаксонском памятнике. Понятие «родичей» здесь распространяется на народ и державу. Одновременно с этим, правда меча совершается отнюдь не во благо религии. Все эти понятия чужды христианству.

Отличия в изображении картины мира при всей общности ценностей и понятий приобретают выраженный характер непосредственно сквозь призму авторского начала. Уже указанная роль автора в оставшихся анонимными произведениях народного героического эпоса позволяет говорить о значении сюжета, выбранного среди множества бытующих в устной поэзии и положенного в основу эпоса. Так, например, «сохраненный в народном создании факт разгрома арьергарда Карла в Ронсевальском ущелье в 778 году» [10, с. 19] приобрел иную форму в сознании автора и стал основой «Песни о Роланде». Кроме того, что автор изменяет исход битвы, что также сделано во благо сюжета, он сохраняет историческое зерно – идею борьбы с магометанством – и концентрирует события битвы арьергарда Карла Великого в исторически реальном пространстве – в Ронсевале. Сложнее представлен сюжет «Беовульфа», основу которого образует не конкретное историческое событие, а целая эпоха древнегерманских королей и дружинников, пиров и поединков. Автором упоминаются датчане, шведы, гауты, множество имен королей, которые правили ими в исторической действительности.

Беовульф сражается с мифическими существами, не существующими в реальной действительности, но соответствующими эпохе и мировоззрению древних германцев. Исходя из утверждения А.Я. Гуревича, изложенного ученым в статье «Средневековый героический эпос германских народов. Беовульф» (2006), «в существовании великанов и драконов тогда все верили безоговорочно» и «соединение подобных историй с рассказом о войнах между народами и королями было вполне естественным» [8, с. 6], особого внимания заслуживает наличие двух хронотопов эпоса: исторического и фольклорно-мифологического. Необходимость в их разделении подчеркивается в сравнении с «Песнью о Роланде», где события разворачиваются в одно время. Автор «Беовульфа» также создает впечатление одновременности фольклорно-мифологических и исторических элементов сюжета, что указывает, прежде всего, на мастерство средневекового поэта. В дополнение к вышеуказанным хронотопам он включает частные хронотопы, обращаясь к материалу застольных песен, рассказов о деяниях Сигмунда, Херемода, Хамы, Финна, Хенгеста и иных великих представителей германской древности.

По всей вероятности, данный опыт послужил примером для создания немецкой «Песни о Нибелунгах», автор которой превзошел своих предшественников в мастерстве. Если автор англосаксонского эпоса использовал сюжет борьбы эпического героя с чудовищем, а французский трувер обратился к сюжету борьбы христиан с неверными, то автору «Нибелунгов» удалось придумать гениальный сюжет, объединивший фольклорно-мифологическое, легендарное и историческое. Впечатленный мифическими подвигами и воинской доблестью Сигурда-Зигфрида, он извлек легендарную личность из мифической древности, используя германо-скандинавское мифологическое наследие, и подал героя сразу в двух эпохах: в эпохе «Великого переселения народов» и куртуазной (христианской) эпохе конца XII века. Автор, творивший в рамках куртуазной культуры, переносит героя прошлого в свое настоящее, тем не менее преобразовав разновременные события прошлого в единую эпическую историю, ставшую основой «Песни о Нибелунгах». Разгром бургундского королевства (436) и смерть Аттилы (453), измененные и дополненные авторским вымыслом, становятся содержанием «Песни о Нибелунгах». Исторический Аттила умер в 453 году, много лет спустя после гибели бургундов. Однако в эпосе умирает не Аттила, а Кримхильда, которую старый воин Хильдебранд разрубает на куски.

Таким образом, средневековый поэт не только сводит воедино разновременные события, но и преобразует их до неузнаваемости. Ключевым выступал образ Зигфрида, который стал главной сюжетной находкой автора. Очевидно, его внимание привлек этот легендарный образ, для раскрытия которого автору потребовалось обратиться как к мифическим подвигам солнечного героя, так и к предательству, характерному для времен переселений. Кульминация эпоса – смерть Зигфрида – стала отправной точкой для разворачивания нового сюжета – мести Кримхильды. Создатель эпоса соединил два сюжетообразующих конфликта, сделав женский образ Кримхильды центром повествования второй части. Такое обращение с материалом, воздвигшее «Песнь о Нибелунгах» в ранг уникальных памятников, не находит аналогов ни в англосаксонском, ни во французском, ни в каком-либо другом западноевропейском эпосе. При сравнении с русским эпосом, который был ближе к истории и достовернее, автор «Нибелунгов» проявляет более вольное обращение с историей. Поскольку, если, по утверждению С.Ю. Неклюдова, «в эпическом конфликте преломляются воспоминания о действительных исторических событиях» [18, р. 17–24], то немецкая «Песнь о Нибелунгах» явно отличается от французской «Песни о Роланде». Вместе с тем мифологизм более раннего «Беовульфа» также не находит своего проявления в «Нибелунгах» в той степени, насколько он выражен в англосаксонском эпосе. Но и отрицать наличие мифологического, как и исторического, элементов в «Песни о Нибелунгах» также невозможно. Исходя из мысли С.Ю. Неклюдова, утверждающего, что в эпосе «образы эпических героев и их антагонистов демифологизированы, а место демонических противников занимают обобщенные фигуры исторических врагов» [18, р. 17–24], можно предположить о враждебных отношениях бургундов и Нидерландского королевства. Однако исторической науке известен факт о бургундском противостоянии гуннам [19]. Даже если экстраполировать данный конфликт на события второй части эпоса, то и здесь обнаруживается нарушение хронологических рамок.

Эпическая фигура Зигфрида, великого и многогранного, могла быть раскрыта только в запутанном сюжете с включением фольклорно-мифологического, исторического и куртуазного хронотопов, в которых живет один и тот же герой. Несомненно, Зигфриду не всегда удастся соответствовать тому времени-месту, куда его перемещает автор. При бургундском дворе в нем просыпается древняя природа и вместо сватовства вспыхивает желание захватить бургундские земли, а в окруженной мифом резиденции Брюнхильды он представляется не драконоборцем (что было бы уместным), а вассалом Гунтера. Такого рода изменения не характерны ни для Беовульфа, ни для Роланда, ни для былинных богатырей, выступающих в одной ипостаси в течение всего повествования.

Следует отметить, что наличие нескольких эпох отличает и англосаксонский эпос «Беовульф». Кроме того, что события рассматриваются с различных ракурсов: с точки зрения героев и с точки зрения автора и читателей, которым сообщается намного больше, «эпическое прошлое в поэме расслаивается и внутри себя: за временем основных событий прозреваются иные эпохи» [16, с. 18]. «Расслоение героико-эпического времени осложняется к тому же введением мотивов христианской истории мира» [16, с. 19]. В «Беовульфе», в отличие от «Песни о Нибелунгах», где несколько времен соседствуют друг с другом, наблюдается различие времени в первой и второй частях эпоса. Так, события первой части принадлежат эпическому прошлому, события второй части составляют историю и лишаются эпической линейности, а изображаются, согласно воле автора, отрывочными эпизодами о военных действиях шведов, гаутов, гепидов. Присутствуют как отсылки в прошлое, так и в будущее. Вполне вероятно, что автору «Нибелунгов» был знаком текст «Беовульфа», но он усложнил хронотоп «Песни», придумав запутанный сюжет. Но, если в англосаксонском эпосе, подобно немецкому эпосу, присутствует «время шахматных часов» (А.Я. Гуревич), то важным отличием является отсутствие переходов от одного события к другому. Сюжет «Песни» сложен, но, благодаря отсылкам в будущее, нить повествования не теряется, создается впечатление непрерывного повествования, что также подчеркивает мастерство средневекового поэта. В «Песни о Роланде» главный герой эпоса и выходец из христианского мира чувствует себя чужим в мире магометан. В то же время его образ остается статичным и, несмотря на его активную роль, не претерпевает развития.

Заключение. Таким образом, «Песнь о Нибелунгах» обладает рядом отличительных особенностей. Наличие в эпосе типологических черт характеризует западноевропейский средневековый эпос, сложившийся в период зарождения варварских государств и их христианизации. Речь идет об исторической условности; о противопоставлении горя и радости, добра и зла; мотивах змеборчества, предательства и мести; о наличии трудных испытаний, преодолеть которые герою помогают сила, отвага и честь; о материальных благах и отношении героя

к судьбе, а также о гибели героя. Данные черты связаны с наличием элементов устной поэзии в эпическом жанре, которые рождены из синтеза языческого и христианского мировоззрений. В то же время имеющую общие черты с европейским эпосом «Песнь о Нибелунгах» выделяет и ставит в ранг уникальных произведений в эпической традиции запутанный сюжет, обусловивший наличие сложного хронотопа, одновременное существование в котором возможно для главного героя эпоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. История немецкой литературы. В 5 т. / редкол.: Б.И. Пуришев, В.М. Жирмунский. – М.: АН СССР, 1962–1976. – Т. 1: История немецкой литературы (IX–XVII вв.) / Б.И. Пуришев, Р.М. Самарин, И.М. Фрадкин. – 1962. – 470 с.
2. Новичкова Т.А. Эпос и миф. – СПб.: Наука, 2001. – 248 с.
3. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. – М.–Л.: ГИХЛ, 1962. – 437 с.
4. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. – М.: Восточная литература, 2004. – 462 с.
5. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. – Л.: Наука, 1988. – 224 с.
6. Робинсон А.Н. Древнерусский народный эпос в соотношениях с эпосом Востока и Запада // Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII вв.) / А.Н. Робинсон. – М.: Наука, 1980. – Гл. III. – С. 116–151.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
8. Беовульф: Эпос / пер. с др.-англ. В. Тихомирова. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 288 с.
9. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М.И. Кудряшев – СПб.: Тип. Лебедева Н.А., 1889. – 440 с.
10. Песнь о Роланде / пер. Ю.Б. Корнеева // Библиотека всемирной литературы; под ред. М. Ваксмахера, С. Шлапоберской. – Сер. 1. – Т. 10: Песнь о Роланде. Коронация Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. – М.: Худ. лит-ра, 1976. – С. 27–144.
11. Веселовский А.Н. Южнорусские былины. – Т. 2: III–XI. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1884. – 411 с.
12. Радван Я. Радзівіліяда... / пер. Ж.В. Некрашэвіч-Кароткая // Маладосць. – 2011. – № 1. – С. 93–99.
13. Саверчанка І.В. Беларуская літаратура эпохі Рэнесансу // Полымя. – 2013. – № 8. – С. 128–139.
14. Былины. – М.: Эксмо, 2019. – 320 с.
15. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
16. Бочкарева Т.В. Картина времени в «Беовульфе»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1999. – 278 л.
17. Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Мифология женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т.А. Михайлова. – М.: Индрик, 2005. – С. 12–22.
18. Неклюдов С.Ю. Типология и история в памятниках героического эпоса // The Armenian Epic «Daredevils of Sassoun» and the World Epic Heritage. – Yerevan: National Academy of Sciences of Armenia, 2003. – Р. 17–24.
19. Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). – М.: МГУ, 1984. – 256 с.

Поступила 27.11.2023

"THE NIBELUNGENLIED" IN THE CONTEXT OF EUROPEAN EPIC TRADITION

E. LUSHNEVSKAYA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article considers the German heroic epic "The Nibelungenlied" in the context of the Western European epic (on the example of "Beowulf" and "Song of Roland") and Old Russian byline epic. It is emphasised that the researched epics are characterised by commonality at the plot and thematic level. It is about historical convention; about the opposition of grief and joy, good and evil; about the motives of snake-fighting, betrayal and revenge; about the presence of difficult trials, which the hero is helped to overcome by strength, courage and honour; about material benefits and the hero's attitude to fate, as well as about the hero's death. The author concludes that these features are associated with the presence of elements of oral poetry in the epic genre, which are born from the synthesis of heathen and Christian worldviews. As a result, along with typological similarities, the differences were revealed, connected, on the one hand, with the specificity of culture, and, on the other hand, with the personality of the author of the epic, in particular "The Nibelungenlied".

Keywords: epic, bylina, typology, historical convention, honour, betrayal, revenge, fate, hero's death.

УДК 398.42

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-23-27

**МІФ ПРА ДЗІКАЕ ПАЛЯВАННЕ Ў ЕЎРАПЕЙСКІМ ФАЛЬКЛОРЫ
І АПОВЕСЦІ У.С. КАРАТКЕВІЧА «ДЗІКАЕ ПАЛЯВАННЕ КАРАЛЯ СТАХА»****А.М. МАТВЕЕВА***(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)*

У артыкуле праводзіцца параўнанне распаўсюджанага ў еўрапейскім фальклоры міфа пра Дзікае паляванне з аповесцю У.С. Караткевіча «Дзікае паляванне караля Стаха». Вылучаюцца найбольш характэрныя рысы міфа ў еўрапейскім (у прыватнасці, нямецкім) фальклоры, такія як: склад Дзікага палявання, наяўнасць правадыра, спадарожнікаў-жывёл, месца і час з'яўлення прывідаў, наступствы сустрэчы з Дзікім паляваннем). Адзначаецца наяўнасць прывязкі міфа да каляндарнага цыкла. Прыводзяцца прыклады падобных легенд у беларускім фальклоры, робяцца дапушчэнні адносна магчымых вытокаў вобраза Дзікага палявання ў творы У.С. Караткевіча.

Ключавыя словы: «Дзікае паляванне», нямецкі фальклор, еўрапейскі фальклор, беларускі фальклор, У.С. Караткевіч, міф, легенда.

Уводзіны. «Дзікае паляванне» – адзін з найбольш вядомых і яркіх еўрапейскіх фальклорных архетыпаў, які ўзыходзіць да старажытных вераванняў германскіх народаў. У каталогу фальклорных матываў Аарнэ-Томпсана «Дзікае паляванне» (*The Wild Hunt*) знаходзіцца пад нумарам E501 [9, с. 917]. Дадзеная назва аб'ядноўвае сукупнасць міфаў пра прывідных вершнікаў, якія ў пэўны час з'яўляліся на небе і ўспрымаліся людзьмі як мноства зданяў, прывідаў ці душ, што сыходзяць у пекла [4, с. 188]. Гэты міф шырока распаўсюджаны ў краінах Заходняй Еўропы і мае розныя лакальныя назвы: напрыклад, у Германіі – *Das Wütende Heer*, *Wilde Jagd*, *Wildes Heer*, *Wodenjäger* альбо *Der Wilde Jäger*, у Англіі – *Herla's assembly*, *Gabriel's Hounds*, у Францыі – *Chasse sauvage*, *Chasse Aérienne*, *Chasse Fantastique*, *Chasse du roi Hérode* ці *Mesnie Hellequin*, у Нарвегіі – *Oskorei(d)a*, *Stålesferda*, *Lussiferda*, у Швецыі і Даніі – *Odens jakt* альбо *Odinsjægeren*. Ён сустракаецца ў фальклорных легендах, сагах і паданнях, а таксама ў пісьмовых крыніцах: так, напрыклад, згадкі пра «Дзікае паляванне» можна знайсці ва «Усеагульнай хроніцы» Экехарда з Аўры 1123 г., працах Гіёма Авернскага XIII ст., «Страсбургскай хроніцы» 1516 г., «Швабскай хроніцы» сяр. XVI ст., а таксама ў вершы Ганса Сакса XVI ст. і г.д. [12, с. 100].

Існуюць розныя тэорыі паходжання міфа пра «Дзікае паляванне». Адна з іх належыць да міфалагічнай школы. Так, згодна з гэтай тэорыяй, міф з'явіўся ў Паўночнай Еўропе падчас хрышчэння народаў і быў выкліканы нежаданнем людзей забыць старых багоў – гэта тлумачыць тое, што з часам яны трансфармаваліся і набылі жудаснае аблічча. У міфалагічным слоўніку Е.М. Мелецінскага адзначаецца, што «Карані ўяўленняў пра Дзікае Паляванне сыходзяць у кельцкую і германскую язычніцкую старажытнасць. Хутчэй за ўсё яны звязаныя з паданнямі пра войска мерцвякоў, якое імчыць па небе на чале з Одзінам» [20, с. 188]. Аднак, як лічыць даследчыца Ю. Шляконітэ, гэтую тэорыю можна абвергнуць шырокім арэалам распаўсюджання міфа [8, с. 48]. Паходжанне веры ў Дзікае паляванне таксама тлумачаць з пункту гледжання яго прыроднай сутнасці: так, само Дзікае паляванне лічыцца ўвасабленнем ветру і дажджу (асабліва ў горных ці атлантычных рэгіёнах); гукі, што яго суправаджаюць, ствараюць зграі пералётных птушак, асабліва калі з'яўленне прывідаў прымеркавана да асенняга ці веснавага перыяду [1, с. 80]. Яшчэ адна тэорыя паходжання міфаў пра Дзікае паляванне звязана з культам мёртвых – лічылася, што ў зімовы перыяд адчыняўся тагасвет, і духі памерлых маглі наведваць дамы і блукаць па ваколіцах. З'яўленне Дзікага палявання таксама інтэрпрэтуюць як адлюстраванне рытуальных шэсцяў, якія мелі месца ў рэальнасці [8, с. 48].

Мэта даследавання – вылучыць найбольш характэрныя рысы міфа пра Дзікае паляванне ў еўрапейскім фальклоры, параўнаць яго з вобразам, створаным У.С. Караткевічам у аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха».

Асноўная частка. Міф пра «Дзікае паляванне» мае ў народнай творчасці розных рэгіёнаў Германіі і іншых краін Еўропы шэраг агульных рысаў. Удзельнікамі шэсця, як правіла, з'яўляюцца нябожчыкі ці міфічныя істоты (пазней, пад уплывам хрысціянства, імі таксама сталі пакараныя грэшнікі). Так, напрыклад, у Альпах гэта душы няшчасных людзей, якія загінулі пад лавінамі і не знайшлі супакоення [13, с. 170]. У Шлезвіг-Гольштэйне існуюць паданні пра паляўнічага, які разам з канём наляцеў на камень і загінуў, і з таго часу палое ў лесе з трыма ганчакамі [6, с. 360]. У гэтым жа рэгіёне паляўнічы апісваецца як чалавек у шэрым адзенні, які трымае ў руках сваю галаву [6, с. 370]. У Паўночным Рэйн-Вестфаліі сустракаюцца легенды, у якіх паляванне складаецца з аднаго чалавека, які быў пакараны за парушэнне забароны (паляванне ў нядзелю ці падчас святаў) альбо злачынства (забойства аленя, які быў увасабленнем Хрыста) [5, с. 315]. Падобныя легенды таксама трапляюцца і ў Славеніі [3, с. 246]. У Ніжняй Саксоніі можна сустрэць сюжэт пра тое, як выдатны паляўнічы добраахвотна адмовіўся ад вечнага жыцця і папрасіў у Бога магчымасці працягваць займацца сваім рамяством пасля смерці [4, с. 277]. Часта Дзікае паляванне атрымлівае і хрысціянскае пераасэнсаванне: яго ўдзельнікамі могуць быць душы грэшнікаў, якія, узначаленыя Ірадам і Каінам, праносяцца па аблоках [13, с. 76]. Аднак Дзікае паляванне не заўжды складаецца з душ памерлых людзей. Так, напрыклад, Э. Хайдэ адзначае, што «ў многіх традыцыях зразумела, што паляванне – гэта мноства памерлых духаў. У іншых, напрыклад, у ісландскай традыцыі, імі з'яўляюцца эльфы» [1, с. 80].

Правадыром Дзікага палявання можа быць як невядомы чалавек, так і гістарычная, легендарная асоба, альбо боства [20, с. 188]. Напрыклад, у Аксітаніі кіраўніком Дзікага палявання быў сам кароль Артур [2, с. 6]. Э. Хайдэ піша пра тое, што «там, дзе ў Дзікага палявання ёсць правадыр, пад ім часам разумеюць легендарнага героя ці караля: Сігурда ў Нарвегіі, Вальдэмара Аттэрдага ў Даніі, Дытрыха Бернскага ў Германіі, Караля Артура ў Англіі і г.д.» [1, с. 80]. У Ніжняй Саксоніі ролю кіраўніка зданьў мог выконваць Водан, бог буры і мёртвых, які ў гэтым рэгіёне меў імя Хакельберг [13, с. 154]. Таксама правадыром палявання маглі быць і жанчына – Перхта ці Фрау Холле ў некаторых рэгіёнах Германіі [1, с. 78], альбо – Гура Рыссерова ў Нарвегіі [1, с. 77]. Магло здацца і такое, што ў палявання зусім не было кіраўніка, як, напрыклад, у паўночных рэгіёнах Германіі [1, с. 78].

Дзікае паляванне суправаджалі жывёлы, часцей за ўсё, коні і сабакі. Так, у Ірландыі поруч з паляваннем беглі пякельныя гончыя, у Паўночнай Англіі – гончыя Габрыеля, у кельтаў – сабакі Аннуна [8, с. 46]. У Даніі, паўднёвай Швецыі [1, с. 77] і Славеніі паляванне таксама суправаджалі сабакі і коні [3, с. 56]. У паданнях Шлезвіг-Гольштэйна ўзгадваліся тры сабакі, якія мелі вогненныя вочы і языкі [6, с. 360]. У гэтым жа рэгіёне распавядалі пра белага трохногага каня, які бег хутчэй за вецер [6, с. 360]. Е.Ю. Зубарава адзначае, што «правадыр “Дзікага палявання” нярэдка прымаў аблічча каня ці вершніка, які скача на чарадзейным кані» [12, с. 109]. У Дзікага палявання былі, аднак, і больш незвычайныя суправаджальнікі: напрыклад, у Нарвегіі козы ці казляныты маглі ісці разам з прывідамі ў якасці верхавых ці цягавых жывёл [1, с. 77].

Улюбёным месцам Дзікага палявання з’яўляецца лес [7, с. 11]. Акрамя гэтага, яно магло ўзнікаць у закінутых, бязлюдных месцах – руінах замкаў ці іх ваколіцах, пра што сведчаць паданні Шлезвіг-Гольштэйна [6, с. 360] і Швабіі [12, с. 106]. У Баварыі верылі, што паляванне выходзіць з гары [12, с. 106]. Але, паколькі здані здольныя вандраваць паміж мірамі, яны маглі таксама ўзнікаць і ў нябеснай прасторы: падобныя ўяўленні існавалі ў Аксітаніі [2, с. 6], Нарвегіі [1, с. 77], Даніі і Паўднёвай Швецыі [1, с. 77], Славеніі [3, с. 64].

З’яўленне Дзікага палявання звычайна мае пэўную прывязку да пары года: часцей за ўсё, прывідныя вершнікі прыходзяць у перыяд паміж Раством і Святам трох цароў (у час паміж зімовымі святамі, які ў германскай традыцыі называўся *Zwölten*), а таксама ўвосень і ўвесну [8, с. 47]. Звычайна здані прыходзілі ўначы час – пра гэта сведчаць паданні, зафіксаваныя ў Шлезвіг-Гольштэйне [6, с. 365], Брандэнбургу [4, с. 58], Швабіі [12, с. 105] і Баварыі [12, с. 106]. У паданнях Нарвегіі [1, с. 77], Даніі і паўночнай Швецыі [1, с. 77] адзначаецца, што прывіды ўзніклі падчас буры ці навальніцы.

У Скандынавіі і Германіі існавалі павер’і і абрады, звязаныя з Дзікім паляваннем, якія сведчаць пра сувязь міфа з земляробчым календарным цыклам. Нягледзячы на тое, што Дзікае паляванне маглі быць небяспечным для тых, хто трапіўся на яго шляху, яго з’яўленне, як лічылі людзі, было звязана з плоднасцю палёў [14, с. 159]. Так, напрыклад, у Паўднёвай Скандынавіі і Паўночнай Германіі апошні сноп пакідалі каням Одзіна, а хлеб, піва, ці заколатую жывёлу маглі выносіць сабакам Дзікага палявання – усё гэта павінна было спрыяць добраму ўраджаю і жывёлагадоўлі [1, с. 80]. Таксама існавалі рытуалы, якія дапамагалі людзям засцерагчы сябе ад небяспекі. На працягу зімовых святаў, менавіта ў той час, калі з’яўлялася паляванне, дом, ежу, жывёл і свіраны крапілі святой вадой і акурвалі ядлоўцам. У Нідэрландах і Бельгіі існавала традыцыя трубіць уначы ў спецыяльны калядны рог, які вырабляўся з альховага дрэва ці метала [13, с. 170].

Неад’емнай часткай Дзікага палявання з’яўляюцца гукі і агні. Так, пры з’яўленні прывідных вершнікаў можна пачуць гучныя галасы, браханне сабак, лязгат зброі. Але ў некаторых рэгіёнах Германіі (напрыклад, у Баварыі і Паўночнай Германіі) яно мае вельмі незвычайнае гукавае суправаджэнне: «Калі прывіды “Дзікага палявання” праносяцца над зямлёй, то гучыць пшчотная, невымоўна прыгожая музыка» [12, с. 106]. Гэтая музыка здольная зачараваць чалавека і павесці яго ўслед за паляваннем. Е.Ю. Зубарава звяртае ўвагу на тое, што ўяўленні пра шэсце “прывіднага войска”, якое суправаджала дзівосная музыка, сустракаюцца і ў нямецкай Швейцарыі. Так, пісар магістрата горада Люцэрн Рэвант Цызат запісаў: “У месяцы студзені 1608 года ў горадзе Люцэрн і яго ваколіцах можна было сустрэць дзівосны і жахлівы прывід. І пры з’яўленні гэтага прывіда ў глухую поўнач можна было чуць самую цудоўную музыку, быццам бы самі сабой гралі арфы, лютні, скрыпкі, віолы, цытры і падобныя музычныя інструменты” [12, с. 107]. Іншай важнай асаблівасцю Дзікага палявання, якая падкрэслівае яго тагасветнасць, з’яўляецца таямнічае з’яўленне, якое акаляе вершнікаў. Пра яго, напрыклад, узгадваюць у паданнях з Швабіі [12, с. 100] і Баварыі [12, с. 106].

Наступствы ад сустрэчы з Дзікім паляваннем могуць быць даволі рознымі. У Нарвегіі, Даніі і Паўднёвай Швецыі лічылі, што Дзікае Паляванне прадвясчае смерць і няшчасныя выпадкі, можа забіраць коней і людзей, асабліва на дарогах [1, с. 77] У гэтых жа рэгіёнах, а таксама ў Паўночнай Германіі, паляванне маглі ездзіць па дамах людзей, піць каляднае піва і есці святочную ежу [1, с. 78]. Аднак у Ніжняй Саксоніі, напрыклад, верылі, што ў Хакельберга, правадыра палявання, ёсць як ворагі, так і сябры – сябрам ён нешта прыносіць, у ворагаў жа адбірае [13, с. 154]. У Памераніі лічылі, што Дзікае Паляванне не ўчыняе шкоду пастушкам (ці тым, хто спакойна ідзе сваім шляхам па дароце) – іх можа абараніць малітва ці нават проста маўчанне [7, с. 29]. Разам з гэтым было распаўсюджана павер’е, што, калі патурбаваць паляванне размовай, здані могуць адказаць неасцярожнаму чалавеку, скінуць яму конскую нагу і жудасна спалохаць [6, с. 360]. Напрыклад, падобны сюжэт сустракаецца ў Ніжняй [4, с. 277] і Сярэдняй Саксоніі [4, с. 58]. У Брандэнбургу было зафіксавана паданне пра музыку, які апоўначы вяртаўся дадому і ў лесе пачуў дзікае паляванне. Адзін з паляўнічых наблізіўся да дрэва, за якім хаваўся музыка, і ўсадзіў у дрэва тапор. Ад гэтага ў музыцы з’явіўся вялізны горб, пазбавіцца яд якога ён змог, толькі вярнуўшыся роўна праз год да таго самага дрэва [4, с. 65].

Як ужо было адзначана вышэй, міф пра Дзікае паляванне мае германскае паходжанне і шырока распаўсюджаны ў Германіі, Англіі, Францыі і Скандынаўскіх краінах. Аднак паданні з падобнымі матывамі сустракаюцца і ў суседніх з Беларуссю краінах – у Польшы і Літве. Ю. Шляконітэ даследавала тэксты, зафіксаваныя збіральнікам казак В. Калвайцісам у XIX стагоддзі, у якіх маюцца згадкі пра Дзікае паляванне, і прыйшла да высновы, што яны змяшчаюць у сябе як рысы германскага фальклору, так і вобразы, якія могуць быць расшыфраваныя толькі ў кантэксце літоўскай народнай творчасці [8, с. 45]. У тэкстах, якія аналізуе даследчыца, паляванне апісваецца як візуальнымі, так і слухавымі сродкамі. Сярод іх – агні, галасы паляўнічых, браханне сабак, іржанне коней, свіст, стрэлы, смех, лясканне ў далоні. Паляванне з’яўляецца ўначы, у нябеснай сферы, але таксама можа і судатыкацца з зямлёй. Акрамя таго, да апісання палявання дадаецца традыцыйнае вераванне літоўцаў пра тое, што коні маюць здольнасць бачыць формы трансцыдэнтнага свету, адчуваць прывідаў і прадчуваць смерць.

В. Шведа апісваў паданні пра Дзікае паляванне, якія былі зафіксаваны ў Познані [7, с. 27]. У іх важную ролю адыгрывае водная прастора, а таксама скрыжаванні і лясы, звычайны ж час з’яўлення зданяў – ноч. Распаўсюджаным з’яўляецца матыў вершнікаў без галавы. Акрамя таго, прывідаў акаляе агонь: «Як сабакі і коні, сам вершнік таксама выпраменьвае агонь з вачэй, рота, носа і вушэй. Ён нясе ў сабе полымя і аколаны ім» [7, с. 27]. В. Шведа адзначае, што матыў вогненнага дыхання часта падкрэсліваецца ў аналагічных польскіх сагах і вар’іруецца ў розных варыянтах» [7, с. 27]. Спадарожнікі палявання – сабакі і коні чорнага ці белага колеру.

У Беларусі таксама існуюць паданні, якія некаторымі сваімі элементамі могуць нагадваць старажытны германскі міф. Так, у вёсцы Навасёлкі Слонімскага р-на было зафіксавана наступнае паданне: «Паміж вёскамі Навасёлкі і Мілошавічы ёсць хвойнік. Называюць яго Баяры. Расказваюць, што жылі ў гэтай мясцовасці багатыя баяры. Памёршых баяр хавалі ў гэтым хвойніку. На магілах баяр ставілі вялікія высечаныя камяні. Яны і зараз ёсць у гэтым лесе, толькі абраслі мохам. Кажуць, што баяры адзін раз у год выходзяць з таго свету. Тады падымаецца ў лесе страшная бура, вецер ломіць дрэвы. Каго ў гэты дзень яны застаюць на сваіх магілах – разрываюць на кукі. Гавораць яшчэ, што гэтыя баяры спяваюць з ваўкамі песні і да самай раніцы кладуць агонь» [18, с. 323]. Як і ў германскіх міфах, зданямі тут з’яўляюцца прадстаўнікі ваеннага саслоўя, яны прыходзяць у гэты свет адзін раз у год, іх з’яўленне суправаджаецца незвычайнымі з’явамі прыроды і небяспекай для людзей.

Акрамя таго, у некаторых легендах пра схаваныя скарбы сустракаюцца згадкі пра прывідную постаць каня альбо вершніка: «... тут час ад часу старажылы бачаць блакітнага каня, які гарцуе і пры прыбліжэнні да яго ўцякае і правальваецца ў зямлю» [18, с. 413]. «Не раз людзі нібы бачылі на Галубцы сівага старца на белым кані. Ён з’яўляўся на яго вяршыні і знікаў, як толькі набліжаліся да яго людзі. То з’яўлялася пара вялізных дзіўных коней. Верылі, што гэта яны вартуюць схаваныя ў магіле скарбы» [18, с. 413].

Паданні пра прывіднае паляванне ўзгадваюцца ў франтавой хроніцы ваеннага ўрача і пісьменніка Л.Н. Вайталоўскага [11, с. 288]. У сваёй кнізе аўтар прыводзіць апісанне размовы з Матвеем Бандарчуком, мясцовым старажылам, падчас іх знаходжання ў самым сэрцы Палесся. Стары чалавек распавядае старажытныя легенды, у тым ліку пра душы праведных паляўнічых і «панскае паляванне». Згодна з першым паданнем, вечнае паляванне ўспрымалася як узнагарода за праведныя паводзіны. «Праведны паляўнічы – гэта той, хто ніколі не забіваў цецеруючую самку на яйках, не знішчаў зайчыку з зайчанятамі ў чэраве, не краў яйкі з гнязда, хто не застрэліў за ўсё жыццё ніводнага галуба і забіў шмат чаек» [11, с. 288]. Такі чалавек пасля смерці мог вечна атрымліваць асалоду ад паспяховага палявання на берагах крывавай ракі, у якую сцякалася кроў з жыл забітых звяроў і птушак. Забойства чаек лічылася добрым учынкам – людзі верылі, што гэтыя птушкі маюць сувязь з д’яблам, бо ўзімку яны не лятаюць у вырай, а правальваюцца праз балота ў пякельны змрок. Згодна з паданнем, сам д’ябал перыядычна выходзіў на паверхню зямлі – кожны год за тры дні да Пятра і Паўла ён падымаўся з пекла і спраўляў на балотах выселле. Калі чалавек станаўіўся сведкам гэтай падзеі, ён да канца жыцця не мог пазбавіцца ад ліхаманкавай дрыготкі і страшных зданяў [11, с. 291].

Асаблівай увагі заслугоўвае іншае паданне з кнігі Л.Н. Вайталоўскага, якое мае назву «Панскае паляванне». «Панскім паляваннем» людзі называлі дыван з кветак, якія раслі на балоце паміж двума вялізнымі камянямі. Камні маюць назвы «Маўчы» і «Устань». Адноўчы адзін багаты пан зладзіў пір, на якім сабралася шмат іншых паноў з жонкамі, дзецямі, чэлядзю. Пасля гуляння яны вырашылі зладзіць паляванне. Па дарозе паляванню патрапіўся стары чалавек, які пакланіўся і папярэдзіў паноў, што зараз не час для палявання. Паны пачалі сварыцца і смяцца са старога. Раптам пачуўся гук пахавальных званоў і гул з-пад зямлі. Над каменем «Маўчы» з’явілася цёмная постаць, прагучаў грозны голас, які загадаў маўчаць. Зямля расчынілася пад панамі і паглынула іх. Пасля на гэтым месцы з’явілася багна, пакрытая кветкамі. Паданне завяршаецца словамі пра тое, што закліцце калісьці знікне: з каменя «Устань» пачуецца голас, кветкі зноўку пераўтворацца ў людзей, але яны будуць ужо зусім іншымі.

Старажытны міф пра Дзікае паляванне, безумоўна, прысутнічае і ў беларускай літаратуры – да вобраза Дзікага палявання звяртаўся вядомы беларускі пісьменнік Уладзімір Караткевіч у апавесці «Дзікае паляванне караля Стаха» [14]. У паданні, якое чуе галоўны герой твора, удзельнікамі Дзікага палявання з’яўляюцца Кароль Стах і яго паляўнічы атрад, якія былі забітыя ў выніку здрады пабраціма караля – Рамана Яноўскага. Стах аддаў душу д’яблу і паабяцаў пераследваць здраднікаў да дванацатага калена. У вобразе здані ён носіць капялюх з заломленым полем, які насунуты на яго вочы, а ногі яго прывязаны да сядла. У апавесці гаворыцца аб тым, што паляванне з’яўляецца ў прызначаны час: «была восень, час, калі паляванне караля Стаха з’яўляецца асабліва

часта» [15, с. 42]; «нават калі яны з'яўляюцца часта, яны не прыходзяць у ночы на святыя дні, а таксама ў сераду і пятніцу. <...> На нядзелю Бог даў ім дазвол, бо, як памятаеце, Стах быў забіты таксама ў нядзелю» [15, с. 44]. Месца з'яўлення палявання – лес, дрыгва. Асабліваю цікаўнасць выклікае яго акустычная характарыстыка: «Не бразгалі цуглі, не звінелі мячы. На конях сядзелі маўклівыя коннікі» [15, с. 40]. «І раптам забегалі недзе ззаду сінія балотныя агні, і даляцеў з таго боку спеў рагоў і ледзь чутны стук капытоў. А пасля з'явіліся цямняныя цені коннікаў. Грывы коней веялі па ветры, беглі перад дзікім паляваннем гепарды, спускаючы са шворак. І бязгучна па верасе і дрыгве ляцелі яны. І маўчалі коннікі, а гукі палявання даляталі аднекуль з другога боку. І перад усімі скакаў, асветлены месяцам, туманны і вялізны кароль Стах. І гарэлі вочы коней, і людзей, і гепардаў» [15, с. 40]. Дадзенае апісанне таксама дае інфармацыю пра наяўнасць тагасветнага ззяння, што сыходзіць ад палявання, і пра яго спадарожнікаў – гепардаў. Такім чынам, можна пабачыць, што шмат элементаў сугучныя з германскімі міфамі, якія былі разгледжаны вышэй (час з'яўлення, гукі, містычнае ззянне, удзельнікі і правадыр, таксама назва «Дзікае паляванне» мае адпаведнік менавіта ў нямецкім варыянце міфа «Wilde Jagd»), але таксама мае свае арыгінальныя дэталі (матывацыя – помста за здраду, спадарожнікі – гепарды).

Можна дапусціць, што Уладзімір Караткевіч натхніўся германскімі міфам падчас свайго навучання на філалагічным факультэце Кіеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Т.Р. Шаўчэнкі. Вядома, што першы варыянт аповесці пісьменнік стварыў пасля першага курса, летам 1950 года. Па ўспамінах самога пісьменніка, ён вельмі шмат часу праводзіў у бібліятэцы: «Там [у Кіеўскім універсітэце] былі лепей упарадкаваныя бібліятэкі (асабліва аддзелы рэдкіх кніг і рукапісаў) і архівы... Кнігі, залашчаныя сотнямі рук, і кнігі (часта не менш цікавыя), якія за сто год не разрэзала нічыя рука, і тады ты першаадкрывальнік. І – некалькі разоў – ледзь не выключэнне з універсітэта за тое, што я не хаджу на многія лекцыі, а замест гэтага прападаю ў бібліятэцы» [16, с. 110]. Акрамя таго, па ўспамінах сяброў і знаёмых вядома, што Уладзімір Сямёнавіч выдатна ведаў нямецкую мову і быў добра знаёмы з нямецкай літаратурай: «Ён добра ведаў нямецкую і лацінскую мовы, выкарыстоўваў у “Каласах...” французскія дыялогі» [19, с. 37]; «У той вечар Валодзя таксама прачытаў верш з рэфрэнам “Ліофеля, дочь короля”, навеяны нейкай нямецкай легендай» [16]; «Уласны пераклад вершаванага тэксту з паэмы “Германія. Зімовая казка” нямецкага паэта Генрых Гейнэ падаў у п’есе “Млын на Сініх Вірах”, якую закончыў 11 красавіка 1957 г.» [10, с. 89].

Да таго ж вядома, што пісьменнік шчыра цікавіўся беларускім фальклорам і прымаў удзел у этнаграфічных экспедыцыях: «22–31 (?) ліпеня 1971 г. у складзе экспедыцыі “Збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі” Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР даследваў Бешанковіцкі, Чашніцкі і Лепельскі раёны Віцебскай вобласці» [10, с. 226]. Аднак наяўнасць вялікай колькасці падабенстваў у апісанні Дзікага палявання ў яго аповесці і ў нямецкім фальклоры, хутчэй, сведчыць пра тое, што пісьменнік натхняўся менавіта нямецкімі міфамі пра містычнае начное шэсце прывідных вершнікаў.

Заклучэнне. Такім чынам, міф пра Дзікае паляванне, шырока распаўсюджаны ў еўрапейскім фальклоры, мае германскае паходжанне. Як правіла, Дзікае паляванне складаецца з душ памерлых людзей. Яго ўзначальвае легендарная ці гістарычная асоба, суправаджаюць жывёлы (часцей за ўсё, коні і сабакі). Дзікае паляванне з'яўляецца ў бязлюдных месцах (такіх як лес, руіны, горы) у пэўны перыяд (паміж зімовымі святамі альбо ўвосень ці ўвесну). У Германіі існавалі абрады, звязаныя са з'яўленнем Дзікага палявання, што можа сведчыць пра існаванне прывязкі міфа да земляробчага цыкла.

У беларускім фальклоры таксама можна знайсці легенды, якія перагукаюцца з характарыстыкамі Дзікага палявання ў еўрапейскім фальклоры. Аднак, прааналізаваўшы вобраз Дзікага палявання ў аповесці Уладзіміра Караткевіча, можна зрабіць выснову, што ён больш набліжаны да вобраза, характэрнага для германскага фальклора. Так, удзельнікамі палявання ў аповесці з'яўляюцца памерлыя людзі, якія не знайшлі супакоення пасля смерці і прагнуць помсты. Іх правадыром з'яўляецца гістарычная асоба – кароль Стах. У аповесці таксама прысутнічаюць жывёлы-спадарожнікі палявання. Акрамя гэтага, адзначаецца, што Дзікае паляванне караля Стаха, як і Дзікае паляванне ў германскай традыцыі, прыходзіць у пэўны час – увосень, але пры гэтым пазбягае з'яўлення ў ночы на святыя дні. Характэрнае месца з'яўлення палявання – бязлюдная дрыгва. Таксама ў творы У.С. Караткевіча маюцца такія вызначальныя рысы Дзікага палявання, як тагасветныя агні і незвычайныя гукі. Усё гэта набліжае вобраз Дзікага палявання ў аповесці беларускага пісьменніка, аздоблены самабытнымі культурнымі і гістарычнымі дэталімі, да старажытнага германскага міфа.

ЛІТАРАТУРА

1. Arv-Nordic Yearbook of Folklore, Vol.75 / ed. A. B. Amundsen. – Uppsala: The Royal Gustavus Adolphus Academy, 2019. – 227 с.
2. Bach X., Bernard P. J. Le rey Artus, texte occitan du xviiiè siècle // Revue des Langues Romanes. – 2020. – № 1. – P. 129–140.
3. Kropelj M. Supernatural beings from slovenian myth and folktales. – Ljubljana: Scientific research centre of the slovenian academy of sciences and arts, 2012. – 284 p.
4. Kuhn A. Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche. – Leipzig: Brockhaus, 1848. – 508 p.
5. Kuhn A. Sagen, Märchen und Gebräuche aus Westfalen. – Leipzig: Brockhaus, 1859. – 627 p.
6. Müllenhof K. Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg. – Kiel: Schwessche Buchhandlung, 1845. – 622 p.
7. Schweda V. Die Sagen vom wilden Jäger und vom schlafenden Heer in der Provinz Posen. – Gnesen: Graphische Anstalte J.B. Lange, 1915. – 107 с.

8. Šlekonytė J. Lietuvinių sakmės apie "laukinę medžioklę": vaizdinio kilmės klausimu // Tautosakos darbai. – 2014. – № 47. – P. 43–68.
9. Thompson S. Motif-index of folk-literature : a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. – Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. – 2465 p.
10. Верабей А.Л. Блізкае і дарагое: выбраныя артыкулы Уладзіміра Караткевіча / навук. рэд. У.В. Гніламёдаў. – Мінск: Беларуская навука, 2020. – 310 с.
11. Войтовский Л.Н. Выходил кровавый Марс: По следам войны. – М.: Воениздат, 1998. – 430 с.
12. Зубарева Е.Ю. «Неистовое войско» («Das wütende Heer») или «Дикая охота» («Die wilde Jagd») в структуре традиционных мифологических представлений германских народов // Stephanos. – 2016. – № 3(17). – С. 99–118.
13. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники / Редкол.: С.А. Токарев (отв.ред.) – М.: Наука, 1973. – 350 с.
14. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники / Редкол.: С.А. Токарев (отв.ред.). – М.: Наука, 1978. – 295 с.
15. Караткевіч У.С. Дзікае паляванне караля Стаха: апошняя апавесць «Сямейных паданняў роду Яноўскіх», расказаная Андрэем Беларэцкім. – Мінск: Беларусь, 2020. – 175 с.
16. Караткевіч У. Збор твораў: У 8 т. – Т. 8. Кн. 2. З жыццяпісу, нарысы, эсэ, публіцыстыка, постаці, крытычныя творы, інтэрв'ю, летапіс жыцця і творчасці. – Мінск: Маст. літ-ра, 1991. – 493 с.
17. Крыгман Л. Баляда аб школьным сябры [Электронны рэсурс]. – URL: <https://karatkevi.ch/uspamini/krygman.html>. (Дата звароту: 15.09.2023).
18. Легенды і паданні / рэд. т. А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.
19. Мальдзіс А. Уладзімір Караткевіч – пісьменнік беларускі і еўрапейскі // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.). – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – С. 35–39.
20. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 672 с.

Паступіў 07.11.2023

МИФ О ДИКОЙ ОХОТЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПОВЕСТИ В.С. КОРОТКЕВИЧА «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА»

А.Н. МАТВЕЕВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье проводится сравнение распространенного в европейском фольклоре мифа «Дикая охота» с повестью В.С. Короткевича «Дикая охота Короля Стаха». Выделяются наиболее характерные черты мифа в европейском (и, в частности, в немецком) фольклоре, такие как: состав Дикой охоты, наличие предводителя, спутников-животных, место и время появления призраков, последствия встречи с Дикой охотой). Отмечается наличие привязки мифа к календарному циклу. Приводятся примеры схожих легенд в белорусском фольклоре, делаются предположения касательно возможного источника образа Дикой охоты в произведении В.С. Короткевича.

Ключевые слова: «Дикая охота», немецкий фольклор, европейский фольклор, белорусский фольклор, В.С. Короткевич, миф, легенда.

THE MYTH OF THE WILD HUNT IN EUROPEAN FOLKLORE AND IN THE NOVEL «KING STACH'S WILD HUNT» WRITTEN BY U. S. KARATKIEVICH

A. MATVEYEVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article compares the myth of the Wild Hunt, which is widespread in European folklore, with «The Wild Hunt of King Stach» written by U. S. Karatkevich. The most characteristic features of the myth in European (and in particular in German) folklore are highlighted, such as: the participants of the Wild Hunt, their leader, accompanying animals, the place and time of the appearance of ghosts, the consequences of meeting with the Wild Hunt). The article highlights that the myth has a connection with the calendar cycle. Examples of similar legends in Belarusian folklore are given, assumptions are made as to the possible source of the Wild Hunt motif in the book written by U. S. Karatkevich

Keywords: «Wild Hunt», German folklore, European folklore, Belarusian folklore, V. S. Korotkevich, myth, legend.

УДК 821.411.21

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-28-31

ЕДИНСТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБСКОЙ ОБРАМЛЕННОЙ ПОВЕСТИ «КАЛИЛА И ДИМНА», «СИНДБАД-НАМЕ»

канд. филол. наук А.А. СМУЛЬКЕВИЧ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В настоящей статье изучаются принципы организации обрамленного повествования в единое тематическое и идейное произведение на примере средневековых арабских версий книг индийского происхождения. Данное исследование основывается на важности изучения «Калилы и Димны» и «Синдбад-наме» в рамках описания формирования традиции обрамленного сборника повествований, анализа рамочной конструкции. Обе книги приобщают к близкому по тематике, порядку расположения рассказов и структуре содержание своих индийских источников к национальной специфике и авторским задачам. Для «Калилы и Димны» характерно отсутствие политеистических верований, наличие светского дидактизма, юмористическое функционирование персонажей-животных. Создатель «Синдбад-наме» закрепляет за собой авторство книги, стремится таким образом увековечить не только источник мудрости, но и свое имя. Отличительной особенностью арабских книг становится формирование четкого авторского обрамления, включающего предисловие («Калила и Димна», «Синдбад-наме») и послесловие («Синдбад-наме»). Эти структурные элементы служат эффективным способом прямого указания читателю на идейное содержание произведения. За счет упрощения переходов от повествования к повествованию, уменьшения многоуровневости рассказов посредством выделения рассказов третьего и четвертого уровня в самостоятельные главы и их подчинения идее общего обрамления повествование становится более плавным и последовательным. Жанровое единство достигается с помощью притчи.

Ключевые слова: средневековое обрамленное повествование, притча, светский дидактизм, авторское обрамление, национальная специфика.

Введение. Средневековая западноевропейская литература насыщена многочисленными странствующими сюжетами, заимствованиями, особенно заметными в поучительных «сводах» малых повествований. Неудивительно, что такое «литературное общение» распространялось не только на европейской территории, но включало и восточные страны. Так, широкую популярность в Европе Средних веков приобретают обрамленные повествования из Индии: «Панчатантра», ее арабская переработка «Калила и Димна», «Книга Синдбада». Средневековому читателю из Европы содержание «Панчатантры» более известно в ее арабском варианте, появившемся в VIII веке из-под пера переводчика-перса Ибн аль-Мукаффы под названием «Калила и Димна». Именно с этой книги и начинается путешествие индийской жемчужины мудрости в европейской и славянской литературах, в процессе которого она видоизменяется и приспосабливается к национальной культурной среде. В качестве примера жанра обрамленного сборника европейскому читателю более известны арабские версии книг «Тысяча и одна ночь» [1, с. 11]. Одной из частей этих «ночей» является сюжет обрамления книги «Синдбад-наме» (известной как «Книга Синдбада» или «Семь римских мудрецов»), также имеющей индийское происхождение [2, с. 39].

Актуальность данной статьи обусловлена значимостью вышеуказанных книг для формирования традиции обрамленного сборника, а также для анализа рамочной конструкции как основы внутренней и внешней целостности сборников. Цель исследования – изучить способы создания единства арабских обрамленных повествований. В качестве объекта исследования выступают книги «Калила и Димна» Ибн аль-Мукаффы и «Синдбад-наме» Мухаммада аз-Захири ас-Самарканди. Предметом исследования являются тематические, идейные, жанровые особенности указанных повествовательных сборников.

Основная часть. В предисловии арабского варианта «Панчатантры» и введении от переписчика рукописи помещена история создания книги «Калила и Димна» индийским мудрецом Байдабой по приказу царя Дабшалима. Царь поставил целью книги увековечить свое имя и заключить, кроме явного смысла, тайный, посвятив её теме правления царством и народом. Байдаба после долгого раздумья разрешил этот вопрос с помощью двойственного содержания историй: мудрость скрыта под покровом внешне простых и смешных рассказов о животных, которые поступают и говорят, как люди. По виду сочинение казалось «собранием забавных рассказов для увеселения знатных особ и простолюдов, а по сути своей было бы пищей для избранных» [3, с. 41]. Такой принцип напоминает «Панчатантру» с той разницей, что автор данного предисловия прямо призывает читателей книги «хорошенько прочесть все, что в ней содержится, а потом поразмыслить над тайнами, в ней скрытыми, и убедиться в её пользе и преимуществе над другими сочинениями» [3, с. 24].

В сборнике также присутствует стремление заинтересовать читателя: с помощью напряженного ожидания, как разрешится участь Байдабы, и успешного преображения Дабшалима в справедливого правителя после разговора с философом, который по заказу царя и написал книгу мудрости и просил хранить её от персов, а также с помощью нарочитого создания легендарного характера истории «Калилы и Димны». Отдельная глава посвящена истории о путешествиях придворного лекаря Бурзое, которому с большим трудом удалось переписать охраняемую индийцами «Панчатантру» и дать возможность своему и другим народам черпать из неё мудрость, в ней утверждается популярность и необходимость перевода «Панчатантры» на другие языки. Б.Я. Шидфар отмечает,

что эта легенда «как бы подчеркивает общечеловеческое значение "Калилы и Димны": заключенная в ней мудрость <...> поучительна и необходима не только индийцам или персам, но всем народам и всем людям, желающим приобщиться к ней...» [3, с. 4]. В подтверждение значения данной книги следует отметить, что перевод «Калилы и Димны» на еврейский в XIII веке стал основой латинской версии под названием «Наставление человеческой жизни» Иоанна Капуанского, которая была переведена на немецкий, итальянский, старофранцузский языки, а перевод книги с арабского на греческий в XI веке лег в основу славянского перевода в XIII веке и проник в Московскую Русь под названием «Стефанит и Ихнилат» [4, с. 262].

Несомненным достоинством книги является предисловие переводчика, намечающее структуру и содержание книги. Побуждая читателя вникнуть в забавные повествования о животных и извлечь из них мудрые уроки жизни, Абдаллах Ибн аль-Мукаффа приводит примеры-притчи для подтверждения своих слов. Уже в предисловии Ибн аль-Мукаффа использует технику рассказа-в-рассказе на двух уровнях по образцу вставных притч переводимого источника. Он также прямо посвящает читателя в предназначение книги: привлечь к чтению знатных людей занимательными притчами о бессловесных тварях, изъясняющихся, «словно люди, красноречивыми словами»; увеселить сочинение; передать мудрость, постичь которую суждено лишь мудрецу и философу [3, с. 64].

Арабский вариант многое принимает из оригинала, но многое и изменяет. Общей целью книги остается отражение отношений человека и общества, стремление показать путь «формирования личности разумного человека» [3, с. 5]. Основными темами остаются принципы управления, характеристика и описание поведения настоящего правителя, его справедливости к подданным, отличие человека от животного. Автор также рисует образец разумного человека, деятельного и знающего, достойного счастья и уважения. Очевиден намек на национальную специфику персидской литературы. Б.Я. Шидфар указывает на отличия между индийской и арабской книгами, свидетельствующие о литературной самостоятельности каждой из них. Эти отличия коренятся в разном мировоззрении: индийский фольклор и политеистические верования исчезают, как и орнаментальная фантастика индийской мифологии, и «антибрахманская тенденция» [3, с. 18]. Монотеизм и современность, а также юмористические образы животных и тенденция к этико-нравственному руководству в светском духе характерны для «Калилы и Димны».

В своей основе индийская структура была сохранена, однако со значительными добавлениями при персидской переработке: история Бурзое и история появления книги на персидском языке, предисловие Ибн аль-Мукаффы, дополнительные главы. Многие вставные рассказы персидская версия опускает. Так, например, в главе о дружбе голубя, крысы, вороны, черепахи и газели автор «Калилы и Димны» не вводит в историю спасения голубей из-под сети многочисленные мудрые изречения и притчу о двуглавой птице, как в «Панчатантре», которые и подталкивают голубей действовать сообща. В персидской книге голубиному царю достаточно лишь призвать своих друзей для спасения всей стаи.

Как и в «Панчатантре», цель всей книги – описать всё, что необходимо в земной жизни, – обширна и объясняет выбор тем, но не их порядок. Вначале четко прослеживается порядок книг «Панчатантры» с введением истории суда над Димной, входящих в состав четырнадцати книг Байдабы. За счет изменения обрамляющей истории усиливается тематическая фрагментарность и гибкость: царь Дабшалим просит философа Байдабу рассказать ему притчу на определенную тематику без мотивировки своего выбора. Такой прием помогает автору вводить бесконечное число вставных притч без изменения сюжета рамы, что и подтверждают другие рукописи «Калилы и Димны» [5], в которых некоторые рассказы отсутствуют или их расположение не совпадает. Выбор темы последующего рассказа Дабшалимом не имеет логической последовательности. Все главы связаны формально: в каждой главе царь подытоживает предыдущий рассказ мудреца словами «Я понял твою притчу (о том, что...)». Переход к следующей притче осуществляется словами «А теперь поведай мне...». Начало каждой главы содержит краткий пересказ Дабшалимом последующего повествования, напоминающий стихотворный обзор каждой вставной притчи в «Панчатантре». Окончание притчи не всегда содержит мораль. Многоуровневость вставных рассказов, свойственная «Панчатантре», уменьшается в самостоятельно добавленных персидских главах. Переходы между уровнями стираются, превращая повествование в плавный рассказ. Более частое использование приема сюжетного и тематического дублирования превращает структурную многоуровневость, примененную в «Панчатантре» в качестве взаимосвязи структуры и содержания, в способ соединения рассказов.

Первые четыре главы о потере друзей, наказании за клевету друга, о настоящей дружбе и о врагах под личиной друга связаны между собой на основе противопоставления и дополнения/продолжения истории. Например, главы о благочестивце и мангусте и об Иладе, Шадираме и Ирахт связаны темой о поспешном поступке, который не должен совершать ни монах, ни тем более повелитель. Рассказ о льве и благочестивом шакале сюжетно перекликается с главой о льве, быке и шакале (только конец изменен на счастливый), а тематически – с главами о необдуманных поступках. Львица, мать царя, предостерегает его от поспешных действий, желая оградить от ошибок. Такие действия способствуют ассоциированию её образа с положительным образом советника Илада. Отсутствие рассказов о лживости женщин также доказывает положительное к ним отношение автора. В притче, использующей сюжет пятой книги «Панчатантры», автор «Калилы и Димны» сокращает рассказ до истории об опрометчивом убийстве мангуста, защитившего ребенка; из вставных историй третьего уровня оставлена только одна – о беспочвенных мечтаниях и дележе шкуры неубитого медведя. В оригинале она использовалась для обличения алчности брахмана, в «Калиле и Димне» – для предупреждения от преждевременных надежд, вставная история дублируется по примеру обрамляющей. Это делается, чтобы облегчить понимание сути выражаемой вставными притчами идеи. Уменьшение количества вставных историй фокусирует внимание читателя

на обрамляющей притче, которая Ибн аль-Мукаффей ценится больше, чем частные замечания о жизни. Поскольку вставные рассказы, в отличие от оригинальных, лишь дублируют ситуацию обрамляющей истории, проецируют её исход и направлены на усиление эффекта поучения (история Ирахт и убитой голубки, гостя, желавшего изучить арамейский язык, и вороны, желавшей научиться походке фазана).

Последующие добавленные Байдабой истории доказывают отсутствием в них рассказов третьего уровня стремление книги к концентрированности в одной главе на одном действии. Только в рассказе о благочестивом человеке и его госте содержится притча персонажа из рассказа Байдабы. Имеется один пример рассказа четвертого уровня в главе о мышинном царе и его вазирах, однако, он дублирует идею обрамляющей истории о желании мышей победить кошек и идею притчи о желании царя заделать дыру в горе. Они отличаются от тех глав, которые следуют сюжету пяти книг «Панчатантры». Новые главы характеризуются самостоятельной организацией, хотя и вписаны в общую раму, согласно которой царь Дабшалим просит рассказать ему притчу на определенную тему. Каждая глава открывается словами Дабшалима и когда сжатой, а когда и развернутой моралью/поучением Байдабы, но редко глава возвращается к обрамляющей истории, тем самым превращая все повествование в постепенное, плавное. Интересно также превращение вставной притчи третьего уровня «Панчатантры», используемой шакалом для убеждения царя в подлости и коварности его друга быка, в самостоятельную историю второго уровня «Калилы и Димны», ориентированную на обличение неблагодарности спасителю и доказательство того, что «благоедеяния следует оказывать надежным и верным людям» [3, с. 260]. В «Панчатантре» она необходима для того, чтобы склонить царя к мнению шакала, а в персидской версии выступает средством суждения о приближении к себе разумным человеком добрых или злых людей. Таким образом, связи между главами осуществляются не только с помощью общей рамы и её идейной направленности, но также и тематически, на сюжетном и образном уровне.

Жанровый вопрос решается в «Калиле и Димне» посредством использования притчи, являющейся «основным художественным компонентом повествования» [4, с. 261]. Все вставные повествования отсылаются от основной притчи о дружбе быка и льва и сведены к дидактической цели. Использование животных, как указывал аль-Мукаффа, обусловлено не жанром басни, но лишь стремлением развлечь с дидактической целью.

Как и в случае с «Калилой и Димной», отличительной чертой книги «Синдбад-наме» пера Мухаммада аз-Захири ас-Самарканди является наличие сложного предисловия. В нем автор воздает хвалу Аллаху и похвалу своему непосредственному правителю за его мудрость и справедливость; также имеется предисловие от автора, в котором он поясняет причины создания книги (судьба повелела ему убрать редкие мысли украшениями, которые не разорвет круговорот времени), а также раздел, описывающий естественное стремление человека к сохранению мудрости и свои цели написания книги: чтобы увековечить память, возвысить достоинство, возвеличить сан и превознести величие [6, с. 7]. С помощью такого расширенного предисловия создатель «Синдбад-наме» закрепляет за собой авторство книги, предупреждает читателя о том, что ему нужно искать в книге. Примечательно и логичное окончание книги, некое послесловие, написанное автором, в котором он выражает надежду на то, что труд его останется жить в веках.

Сюжет обрамления книги «Синдбад-наме» сначала затрагивает тему воспитания наследника как идеального правителя, благородного и справедливого. Снова мы видим историю об обучении принца. Он за десять лет ничему не смог обучиться, но позже одолел все тонкости наук за шесть месяцев под руководством мудреца Синдбада. Мотивом, изменяющим ход плавного рассказа и вполне ожидаемого перехода к дидактическому содержанию, является новость о том, что юноша не может в течение семи последующих дней произнести ни слова, не подвергнув себя опасности. Наложница его отца с целью разговорить юношу предлагает ему отравить шаха и сделаться повелителем. Шахзаде отказывается, и наложница клеветает на него, пытаясь уничтожить. В результате такого сюжетного поворота обрамление сводится к популярной средневековой теме о женском коварстве и традиционной для индийских сборников темы необдуманного поступка. Желая оправдать себя, наложница клеветает на принца и в течение семи дней добивается его казни. Семь мудрецов, рассказывая императору каждый день новую историю о последствиях необдуманного поступка и коварстве женщин, убеждают его не казнить принца. По истечении семи дней принц оправдывает себя сам и советует, как поступить с наложницей и как благодарить мудрецов. И снова сюжет меняет идейную направленность, возвращая читателя к теме идеального правителя: шах восхищается красноречием и мудростью своего сына.

В «Синдбад-наме» интерес к повествованию основывается не на предвосхищении его содержания или утверждении его значимости, но на сюжетной интриге и переживаниях за участь принца. Повествование мотивируется отсрочкой казни принца. Обрамление здесь приобретает черты чисто художественного повествования, а не только лишь формального приема.

Формальная рама и переход к другим рассказам аналогичны используемым в «Панчатантре»: мудрецы и наложница сравнивают поступки царя с историями людей, он просит рассказать о них подробнее. Мудрецы приводят рассказы о коварстве женщин, наложница оправдывается. Некоторые рассказы сюжетно сходны с притчами «Панчатантры». Обусловленные сюжетом обрамления, большинство рассказов тематически и сюжетно ограничиваются темами о доверии, коварстве и уловках женщин, о необдуманных поступках. Соответственно несколько фиксированной представлена и структура книги: некий «спор повествованиями». Энциклопедичность и гибкость также свойственны этому обрамлению: в конце сборника принц рассказывает притчи на разнообразные темы. Многоуровневая структура и фрагментарность отсутствуют, что сближает «Синдбад-наме» со сборниками XIV века.

Идейной отличительной чертой книги является отход от шаблонных описаний образа правителя: политический деятель изображен как личность в её сложности и характеризуется непостоянством и противоречивостью. Исследователи отмечают, что «центральными проблемами становятся не голые схемы дурного и хорошего,

а вопросы взаимоотношения мужчины и женщины, роли разума и методов управления государством» [4, с. 145]. Претерпевает изменения и отношение к женщине: среди сладострастных изменщиц попадают и те, кто может отвергнуть домогательства даже высокопоставленных поклонников (рассказ везира о государе-женолюбе – не обдуманый поступок), и честные женщины (например, старушка в рассказе о мальчике, старушке и ворах славится честностью и правдивостью (рассказывает шахзаде, доказывает свое красноречие)). Как и в «Калиле и Димне», автор «Синдбад-наме» ограничивается жанром притчи, что облегчает его задачи.

Заключение. Арабский сборник характеризуется тесной взаимосвязью содержания, тематического дублирования и структуры для выражения авторского замысла. Последний проявляется более четко в структурно выделяемом авторском предисловии («Калила и Димна», «Синдбад-наме») и послесловии («Синдбад-наме»). Строгое в индийских источниках дублирование дидактической цели автора и главного героя обрамления ослабляется в «Калиле и Димне» и «Синдбад-наме», поскольку в арабских книгах авторы заявляют о большем количестве целей: не только создать сокровищницу мудрости и сделать свой труд нетленным, но и развлечь читателя, зафиксировать свое авторство. Вопрос жанрового единства решается на основе формальной унификации повествований с помощью притчи.

Стоит отметить верность восточного сборника государственной тематике: даже при явном отклонении притч на тему женского коварства в «Синдбад-наме» автор в итоге приводит читателя к обсуждению образа идеального правителя и его человеческих достоинств. Дидактизм удается сохранить не только с помощью мотива обучения или перевоспитания героев обрамления, использования многочисленных назидательных изречений, но и с помощью прямых высказываний автора в его предисловии.

Интерес читателя к содержанию источников мудрости поддерживается сюжетом обрамления: влияние философа-создателя книги на главного героя «рамы» («Калила и Димна») и откладывание казни («Синдбад-наме»), – а также авторским обрамлением с легендарной историей путешествия книги («Калила и Димна»). Постепенно создатели книг стараются вынести скрытые смыслы сборников в авторское обрамление, облегчить читателю процесс обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ryder A. W. The Panchatantra. – New York: Macy, 1972. – 470 p.
2. The Book of Sindibad; Or, the Story of the King, His Son, the Damsel, and the Seven Vazirs / With Introduction, Notes and Appendix by W. A. Clouston. – Glasgow. – 385 p.
3. Аль-Мукаффа Ибн. Калила и Димна / Пер. с араб. Б. Шидфар. – М.: Худ. лит-ра, 1986. – 303 с.
4. Литература Востока в Средние века. Ч. II. / Под ред. акад. Н.И. Конрада и др. – М.: Издат-во Моск. ун-та, 1970. – 464 с.
5. Kalilah and Dimnah, Or the Fables of Bidpai / Transl. into Engl. by W. Knutchbull. – Oxford, 1819. – 366 p.
6. Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбад-наме / Пер. М.Н. Османова. Пер. стихов А.В. Старостина. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1960. – 312 с.

Поступила 08.12.2023

UNITY OF MIDDLE-AGE ARAB FRAME STORIES "KALILAH AND DIMNAH", "THE BOOK OF SINDIBAD"

A. SMULKEVICH
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The present article studies frame story organization principles into a thematic and idea unity on the example of middle-age Arabic versions of Ancient Indian books. Such an examination is based on the importance of study of "Kalilah and Dimnah" and "The Book of Sindibad" for the description of how frame collections were initially formed and for the analysis of frame construction. Both of the books adapt thematic contents, structure and tale order, which are very close to their Indian original sources, to national peculiarities and the goals provided by the authors. "Kalilah and Dimnah" is characterized by the absence of polytheistic beliefs, presence of secular didacticism and humoristic functioning of animal characters. The creator of "The Book of Sindibad" asserts his authorship, thus aiming at perpetuating not only the wisdom source, but also his own name. A distinctive feature of the Arab books is the formation of a clearly distinguished author's frame that includes the foreword (as in "Kalilah and Dimnah" and "The Book of Sindibad") and the afterword (as in "The Book of Sindibad"). These structural elements serve for the purpose of quite an effective means to directly orient the reader to the book's message. Narration becomes more consecutive and connected while simplifying the mechanism to change from one tale to another, while simplifying the multilayer tale structure with the help of making the third- or forth-layer tales into separate chapters and making them reflect the general frame message. Genre unity is acquired through applying a single parable basis to all of the stories.

Keywords: middle-age frame tale, a parable, secular didacticism, author's framing, national peculiarities.

УДК 821.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-32-36

**ПОЛІФАНІЧНЫ ХАРАКТАР АПОВЕДУ
Ў АПАВЯДАННІ РЫГОРА БАХТЫ «ПАДАРУНАК НА ПАЗІЦЫІ» (1928)**

д-р філал. навук, дац. З.І. ТРАЦЦЯК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)
e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

Артыкул прысвечаны комплекснаму аналізу апавядання «Падарунак на пазіцыі» Р. Бахты. Твор вызначаецца нелінейнай наратыўнай структурай, якая характарызуецца наяўнасцю некалькіх поліфанічных сюжэтных ліній. Яны разгаліноўваюцца дзякуючы разважанням апавядальніка пра сутнасць Першай сусветнай вайны, уключэнню ліставання персанажаў ці рэтраспектыўных эпізодаў. Вялікая ўвага нададзена лексічнаму складніку твора, у якім Р. Бахта эксперыментуе са словам, каб вылучыць найбольш эфектыўныя маўленчыя практыкі, што захоўваюць мысленне асобнага персанажа і, у той жа час, дазваляюць разглядаць феномен вайны хутчэй з надасобасных філасофскіх пазіцый. Узнімаецца пытанне захавання памяці пра падзеі 1914–1918 гг. Яно турбавала пісьменніка, чые назіранні за сучаснікамі сведчылі пра магчымасць згубіць агульную памяць пра перажытае, бо той вопыт закасоўваўся новымі праявамі навалы-кантынума.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, беларуская літаратура, Рыгор Бахта, поліфанія, прыём змены апавядальных ракурсаў.

Уводзіны. Апавяданне Р. Бахты «Падарунак на пазіцыі» – «забыты» твор пра Першую сусветную вайну, згаданы Я. Скрыганам у артыкуле «Юбілейная дата»: «у Любоніцкай сямігодцы <...> выкладчыкам беларускае мовы і літаратуры быў маладняковец Рыгор Бахта, у нумары другім бабруйскага літаратурнага альманаха “Уздым” за 1928 год ён надрукаваў сваё апавяданне “Падарунак на пазіцыі” пра салдата Першай сусветнай вайны, у пекле якой пабываў сам» [1, с. 256]. Жыццёвы і творчы шлях пісьменніка практычна невядомы. Асобныя звесткі пра Р. Бахту змешчаны ў першым томе біябібліяграфічнага слоўніка «Беларускія пісьменнікі» [2] і ў артыкуле «Кіраўшчына літаратурная» Я. Клімуца [3].

Твор Р. Бахты адмыслова ўваходзіць у сістэму беларускай паэзіі, прозы і драматургіі, прысвечаных Першай сусветнай вайне. Айчыннае літаратуразнаўства [4–12] паступова выпрацоўвае фармальныя крытэрыі для эфектыўнай працы са знымі і малавядомымі кнігамі пра 1914–1918 гг., акрэслівае матэрыял даследавання, які час ад часу пашыраецца за кошт твораў, на пэўны час пакінутых на перыферыі навуковых росшукаў. Плён крэатыўнай рэфлексіі беларускіх аўтараў на тэму Першай сусветнай пакуль што чакае стварэння сваёй падагульняючай тыпалогіі, якая б вызначыла асноўныя нацыянальна маркіраваныя мастацкія ідэі і прыёмы, што вылучаюць яе на фоне літаратурных узораў іншых народаў. Такім чынам, паглыблены аналіз максімальнай колькасці тэкстаў, у якіх раскрываецца або толькі закранаецца тэма Першай сусветнай вайны, дазваляе паскорыць вырашэнне згаданай вышэй задачы.

Мэта артыкула – правесці комплексны аналіз апавядання «Падарунак на пазіцыі» Р. Бахты; вызначыць спецыфіку аўтарскага ўвасаблення падзей 1914–1918 гг.

Асноўная частка. Рэалістычна дэталізаванае месца дзеяння ў апавяданні «Падарунак на пазіцыі» – франтавы акуп, шырэй вайсковая пазіцыя – паўстае як адмысловы мікракосм памежжа, што функцыянуе паводле законаў баявых дзеянняў, падпарадкоўваецца логіцы актуальных грамадска-палітычных змен, трансфармуе традыцыйныя каштоўнасці, змяняе асобу чалавека. Нягледзячы на тое, што апавядальнік знаходзіўся ў адносна зацішным месцы, яго вабілі тыя пазіцыі, дзе «ворагаў дзялілі нейкія 30, на Залатой Горцы – 40 крокаў <...> Каб стрэцца з ворагам вачыма, немцы глядзелі зверху, рускія – знізу» [13, с. 3]. Блізкасць да «чужых» зачароўвала персанажаў, якія спрабавалі зразумець логіку паводзін людзей, што знаходзіліся па іншы бок нейтральнай прасторы. Аднак немагчымасць наладжвання сапраўднага доўгатэрміновага кантакту выклікала да жыцця безліч чутак, вымушала насцярожана рэагаваць на любое дзеянне немцаў. Культываваліся замежнай літаратуры, прысвечанай Першай сусветнай вайне, П. Фасэл, звярнуў увагу на тое, як шараговы вайсковец стэрэатыпна ўспрымаў ворага на самым пачатку сваёй франтавой кар’еры: «“мы” – усе тут, па гэты бок; “вораг” існуе недзе там. “Мы” – асобы са сваімі імёнамі і самасвядомасцю; “ён” – проста калектыўная істота. Нас бачна; а яго – не. Мы – звычайныя; ён – недарэка. Нашы правы – нешта натуральнае; ix – нейкая анамалія» (‘We’ are all here on this side; ‘the enemy’ is over there. ‘We’ are individuals with names and personal identities; ‘he’ is a mere collective entity. We are visible; he is invisible. We are normal; he is grotesque. Our appurtenances are natural; his, bizarre) [14, р. 75]. Гэтыя ўяўленні карэктаваліся пад уплывам непасрэднага баявога і акупнага вопыту ў першую чаргу, бо персанаж аналізаваў сапраўдныя, а не праграмаваныя прапагандай сітуацыі міжкультурнай камунікацыі.

У апаведзе Р. Бахты спалучаны тры пласты: падрабязны, натуралістычна дэталізаваны малюнак акупнай вайны ў яе будзённасці, што перарывалася яскравымі жажлівымі эпізодамі атак і контр-удараў; гісторыя поўнага Георгіёўскага кавалера палешука Ціхона Цыўкі, яго рахункі з сусветнай бойняй і «царом белым», апантаным абаронцам якога доўгі час быў менавіта гэты персанаж; гісторыя хлопчыка Тадэйкі (пляменніка Ціхона, бежанца, які беспрытульна блукаў па чужых людзях, пакуль дзядзька не прывёз яго да сябе на фронт).

Калі звярнуць увагу на ўвасабленне Р. Бахтам будзённасці акупнай вайны, то апавядальнік у яго часцей за ўсё апісвае новыя для сябе праявы, суадносячы іх з ранейшым жыццёвым вопытам: «часта ўсцьцяж пазыцыі ціха і важна праялялі самалёты, часам рабілі, як ястраб над іржышчам, шырокія плыткія кругі, зорка віжучы за тым, што ўнізе робіцца» [13, с. 3]; «тырчалі ў небе цэлыя ланцугі “каўбас” – назіральных пунктаў. Як і раней час ад часу пелі лёгка, фыркалі цяжкія гарматныя набоі» [13, с. 5]. Заўважаецца, што звышновае, з якім бясконца і спрэс сутыкаліся навабранцы, дастаткова хутка пачало ўспрымацца як будзённае. Акрамя таго, аўтар вырашаў дастаткова складаную мастацкую задачу: слоўную абалонку набывалі тыя праявы вайны, якія хутчэй адчуваліся, чым вербалізаваліся персанажам. А ён вытрымаў артабстрэл, газавую атаку, назіраў за паветранымі баталіямі («Толькі раз моцна заняла акапінца душа. Пасапраўднаму заняла, аж сутарга прабегла па целу <...> загуў, заварушыўся, задрамцеў сьвет <...> Апрыч густых працяжных рагаценьняў-гулаў у раёне палка гэта аддалося яшчэ выразнымі зыбаньнямі зямлі, бы нехта злосны асілак падабраўся пад яе грудзі, трос іх са здавальненнем» [13, с. 4]). Відавочна, што Р. Бахта не скіроўвае ўвагу на спецыяльную вайсковую лексіку, не заглябляецца ў салдацкі жаргон. Аўтар стылізуе падобныя апісанні пад фальклор ці славянскі гераічны эпас, бо іх эстэтычныя сляды захаваныя ў сьведомасці і чытача-сучасніка, і яго наступніка. Падзеі той вайны, верагодна, успрымаюцца большасцю чытачоў як «ажыўшы» гістарычны факт, падобны да плёну вусна-народнай творчасці ў яе самых яскравых праявах.

Форма апавядання ўскладнялася, бо аўтар шмат увагі надаваў рэтраспектыўным эпізодам, каб стварыць аб'ёмныя і выразныя псіхалагічныя партрэты двух галоўных персанажаў (Ціхона і Тадэйкі), якіх паяднала не толькі жыццё на пазіцыі, але і няўдалыя ўцёкі з фронту, што скончыліся ў нямецкім палоне. Акрамя таго, у тэксце прысутнічае выразны эпістальны складнік (ліст нямецкіх салдатаў да рускіх, лісты простых людзей з тылу да шарагоўцаў на фронце, злосны допіс Тадэйкі, звернуты да царыцы), які мадэлюе багатую на адценні мову звычайнага чалавека, узнаўляе спецыфіку яго стаўлення да свету, сябе і іншых. Прыём рэтраспекцыі, паводле задумы Р. Бахты, дазваляў рэалізаваць і іншыя аповедавыя стратэгіі. Так, у працытаваным ніжэй урывку мінулае і сучаснасць параўнаны праз кантрасты: «прыпомніліся дні, яшчэ нядаўныя і такія, здавалася, непаўторныя. Далёка яны, і цэлая эпоха гора і бяды адгарадзіла ад іх. Гора вымушанага і неапраўданага. Бо хіба ж тое, што дзеялася, было апраўданнем: калецтва, разбурэнне, прыгнёт» [13, с. 5].

Адметнай рысай твора з'яўляецца імкненне аўтара да шматаспектнага адлюстравання ваеннай рэчаіснасці: франтавое жыццё Ціхона Цыўкі ішло поруч з быццём яго пляменніка ў тыле, а салдацкі побыт на Залатой Горцы, як у люстэрку, адбіваўся ў існаванні «Фердынандавага носу». Насельнікі гэтых мясцін пакутавалі ад артабстрэлаў, працы снайпераў, рыхтаваліся да атакі ці абароны. Шэрая паўсядзённасць змянялася рэдкімі святамі (кшталту Вялікадня), якія раптоўна і гвалтоўна абрываўліся недарэчнымі загадамі афіцэраў. Чытачу раскрываецца досвед Георгіеўскага кавалера, які памятаў усю гісторыю свайго палка з пачатку вайны. Гэты досвед рабіўся ўсё больш адмысловым – дзякуючы назіранням за навабранцамі, якія часцей за ўсё мелі цьмяныя ўяўленні пра гонар і ганьбу для зухаватага салдата; думкі дарослага ўступалі ў дыялог з самапачуваннем дзіцяці, якое пакутавала ад ваеннай навалы.

Цікавым падаецца і той эксперымент Р. Бахты з мовай апавядання «Падарунак на пазіцыі», што мае на ўвазе спалучэнне слоў персанажаў з маўленнем апавядальніка, якое можа пераходзіць у стылізаваны сказ, характэрны для гераічнага эпасу. Няўласна-простую мову такога кшталту назіраем, напрыклад, у фрагменце з падсумаваннем ваяўнічых памкненняў Ціхона Цыўкі абараніць «цара белага» ад германца-супастата і ўнутраных ворагаў: «ведаў, што крыўда незаслужаная і яшчэ нязмытая, неспагнаная прышла і сыціснула землю рускую. Не таму, што так павучалі, шчыра бараніў цара белага, праваслаўнага. Чуцьцём сэрца гарачага адчуў неперажоўную праўду гэтага <...> І стаяў. І бараніў. Роты веў. Батальёны спужаныя пераймаў, выстрайваў у рады стройныя і веў на перамогі крываваыя» [13, с. 6]). Праз маўленне падкрэсліваецца не толькі светапогляд персанажа, але яшчэ і тая дыстанцыя, якая існуе паміж ім і новай будучыняй. Ціхон пакуль далёкі ад актуальных грамадскіх праблем, таму новая лексіка (добра знаёмая аўтару-маладнякоўцу) Ціхону чужая, бо найчасцей яна ўвасабляла пратэст супраць вайны і сацыяльнай неўпарадкаванасці. Яна абурала персанажа, які яшчэ не меў патрэбы ў крытыцы імператара і падсвядома жахаўся ад перспектывы сутыкнення з ідэямі, афарбаванымі відавочна рэвалюцыйна. Вартасць такіх ідэй для яго ў навіну, яна не выпрабавана часам. Пазней Цыўка адчуў, што выпадкова пачутыя размовы іншых прыцягвалі яго ўвагу, турбуючы прадчуваннем нейкага адкрыцця, якое дапаможа пераадолець пачуццё экзістэнцыяльнага крызісу. Персанаж больш не мог адгарадзіцца ад свету за ілюзорным служэннем «царю-батюшке»: «дух аслаб. Што-та ў нутрах загаварыла. Смокча і грызе. І сапраўды: слупы – гнілыя. І ў бацькаўшчыны і ў веры – разам. Дый што бацькаўшчына. Калі ня маці, а мачыха яму яна» [13, с. 7]. Удзел у сусветнай бойні ўсё больш выразна губляў разумны сэнс для царскіх вайскоўцаў, а новы жыццёвы імператыў палягаў у заключэнні «персанальнага міру»¹, у дызерцтстве, якое дазволіла б Ціхону вызваліцца ад навалы-кантынума і распачаць жыццё наноў.

Р. Бахта падкрэсліў, што расчараванне персанажа ў вялікадзяржаўнай ідэалогіі, адмаўленне ад яе пафасу не заўсёды сведчыла пра абмежаванасць мыслення ці прынцыповы эскапізм вайскоўцаў. У сітуацыі, калі жыццё рабілася выключна ланцугом з экстрэмальных выпрабаванняў, паводзіны чалавека таксама ператвараліся ў непрадказальныя. Дастаткова згадаць эпізодычнага персанажа – дзеда Тадэйку, які назваў татальную вайну, сустрэтую напрыканцы жыцця, «руінай». Гэтым словам карысталіся даўней яго сваякі. Аўтар вынес у падтэкст:

¹ Адмысловым аналагам «персанальнага міру» ў замежнай літаратуры можа быць «сепаратны мір», згаданы ў зборніку апавяданняў «У наш час» і рамане «Бывай, зброя!» Э. Хемінгуэя.

які эпизод даўняй гісторыі прыгадаў Тадэйка, якія асацыяцыі змусілі яго скарыстацца тым словам, што мела для яго выключныя па інтэнсіўнасці негатыўныя канатацыі? Але згадалася менавіта яно, калі Тадэйка ўпершыню апынуўся сам-насам з жahlівай навалай.

Вялікая ўвага ў апавяданні Р. Бахты нададзена тапонімам. Яны лаканічна, але ёміста звязваюцца з гісторыяй вайны, увасабляюць яе для цэнтральнага персанажа. Тамашоў, Прасныш, Млава, Шаўлі, Дзвінск сведчылі пра мінулае палка, у якім служыў Ціхон Цыўка. Кожная назва выклікала ў яго шэраг успамінаў і асацыяцый, няясных для іншых вайскоўцаў, якія не мелі настолькі глыбокага баявога досведу. У шырэйшым кантэксце прыгадваў вайну аўтар: Вердэн, Суасон, Іпр – месцы, дзе напоўніцу разгарнулася крывавая трагедыя 1914–1918 гг., якая пад час напісання твора паціху сыходзіла з памяці, нават з успамінаў яе ўдзельнікаў. Моладзь з наступных пакаленняў ужо будзе звяртацца да розных інфармацыйных рэсурсаў дзеля таго, каб гэтыя тапонімы распавялі пра свае таямніцы. Тэма памяці і яе захавання, ускосна закранутая ў сувязі з тапонімамі, зацікавіла Р. Бахту ў 1920-я гг., калі Першая сусветная і яе наступствы, з аднаго боку, непасрэдна ўплывалі на шараговага беларуса, але, з другога, быццам бы губляліся за даляглядамі гісторыі, якая літаральна за дзесяць насычаных грамадскімі катаклізмамі год адпрэчыла чалавека ад падзей 1914–1918 гг., якія здаваліся чужымі ды маргінальнымі на фоне стварэння савецкай дзяржавы. Письменнік падкрэсліў, наколькі лёгка знікалі звесткі пра ахвяр сусветнай вайны. Прышоўшы на вайсковыя могілкі, Ціхон Цыўка спыніўся каля новага пахавання і заўважыў, што «на крыжы можна было разабраць зверху лічбу 68. Гэта ясна значыла, што пахаваны служыў у 68 пяхотным Барадзінскім палку, які за два тыдні перад гэтым займаў пазіцыю. Імя і прозвішча разабраць было нельга – напісана было хімічным карандашом і што дажджы спаласкалі, што ад сонца выліняла» [13, с. 17]. Татальнае забыццё – лёс гэтых могілак у недалёкай будучыні – стала метафарай самой Першай сусветнай, якая праз кароткі тэрмін часу схавалася ў глыбінях памяці яе сучаснікаў.

Фармальна пісьменнік не аднойчы звяртаўся да прыёму проціпастаўлення, разважаючы пра рускіх і нямецкіх салдатаў – антаганістаў па загадзе, а не паводле ўласных перакананняў. Нягледзячы на тое, што месца дзеяння мае на ўвазе сутыкненне «сваіх» і «чужых», Р. Бахта не імкнуўся да мастацкага ўвасаблення гэтай дыхатаміі-стэрэатыпу, замест якой аўтар ілюструе важкую ідэалагему савецкага часу: блізкасці працоўнага людзю з розных краін, прыгнечанага правамоцнымі. Гэта не адзіны прыклад выкарыстання прыёму: Ціхон Цыўка ўспрымаецца іншымі шараговымі салдатамі як «свой чужы», бо яго светапогляд і каштоўнасці арыентацыі дысануюць з уяўленнямі таварышаў па службе. Персанаж не застаецца статычным і, паводле задумы Р. Бахты, расчароўваецца ў грамадска-палітычным упарадкаванні на прасторы Расійскай імперыі. Асабліва востра новы досвед пачаў турбаваць Ціхона пасля таго, як на пазіцыі ён атрымаў «падарунак» з тыла, што выглядаў мізэрна і абразліва ў параўнанні з «дарамі», якія патрапілі да афіцэраў. Персанаж усвядоміў, што нягледзячы на высокія афіцыйныя ўзнагароды, абазнанасць у вайсковым рыштунку і правілах вайны, патрыятычны настрой і жаданне надалей здзяйсняць подзвігі ў імя імператара, ён не можа быць роўным з вышэйшымі па званні, таму Ціхон Цыўка наноў адкрывае народную стыхію, з якой ён некалі выйшаў.

Сюжэтная лінія Тадэйкі канцэптуальна пашырае змест твора, дазваляе засяродзіць увагу чытача не толькі на быцці фронту, але і скіравацца ў тылавую і бежанскую лініі. Дзякуючы аповедам пляменніка, Ціхон Цыўка даведаўся, «як корчылася і гінула ў цёмным глухім кутку Палесся падпаленая казакамі, яго родная вёска Бароўка» [13, с. 18]. Письменнік падкрэсліў, наколькі глыбока хлопчык Тадэйка адчуў сутнасць вайны, якая для яго была «невёдамай і страшнай сілай» [13, с. 20], што фактычна скончыла яго маленства: «пачынаюцца новыя дні для Тадэйкі, – работа не па сілах, разважаньне не па розуму. Тадэйка цяпер не дурасвет, а гаспадар – увесь час падмагае драхламу дзеду ўпраўляцца з непаслухмянаю ні старым, ні дзіцячым рукам гаспадаркаю» [13, с. 20]. Кульмінацыйнай яго датэрміновага сталення стаў час, калі да вёскі пачаў падыходзіць фронт, а яе жыхароў чакаў «апафеоз вайны»: знішчэнне родных хат і забойства «сваіх» «сваімі», сыход у невядомае. Для Тадэйкі гэты момант супаў з поўнай дэарыентацый, бо на яго вачах ад рук казакоў загінуў дзед, згубілася маці, а сам персанаж апынуўся сярод чужых яму людзей.

Р. Бахта падкрэсліў, што знаходжанне дзіця на пазіцыі мела адмысловы (пераважна станоўчы) уплыў на дарослых вайскоўцаў: «у палку цяпер Тадэйка ўсім патрэбен і міл. Камандзірам і большасці афіцэраў ён рэзрыўка ад нуды жыцця аднастайнага; для салдат ён жывая нежная сувязь з далёкім, інтымна-каханым сялом» [13, с. 18]. Поруц са старэйшымі хлопчык трываў розныя выпрабаванні ваеннага часу, спрабаваў высветліць вытокі сацыяльнай няроўнасці. Свае крыху наіўныя назіранні за жыццём персанаж занатоўваў ва ўласных лістах. Першы з іх, адрасаваны невядомай дзяўчыцы ў тыле, дазваляў уявіць, як траўмаваны баявымі дзеяннямі і бежанствам герой маляваў сваю будучыню: «як вырасту, то на вайну не пайду, нават за афіцэра. Бо царыца гадкая і я не хачу яе абараняць» [13, с. 22–23]. У другім лісце Тадэйка звяртаўся да прыкрай царыцы, якая ў дзіцячай свядомасці шчыльна звязана з усімі нягодамі, якія напаткалі яго на жыццёвым шляху: «мне ня трэба тваіх падарункаў. Падатры ім нос свайму цару, або аддай генэралу. А мне ня трэба. Вярні мне тату і маму. Я хачу дамоў. А наш дом у немцаў» [13, с. 23].

Р. Бахта надзвычай востра адчуваў татальную несправядлівасць сусветнай вайны, збегчы ад якой, заключыўшы «персанальны мір», немагчыма. Намінальна стаўшы дэзерцірам, Ціхон, які забраў Тадэйку з фронту, патрапіў у нямецкі палон. Гэта сюжэтная калізія падкрэслівала звыроднасць навалы-кантынума, якая фатальна адбілася на лёсах Ціхона («Ня пусьцілі яго немцы дамоў, а ў шахты рэйнскія запёрлі» [13, с. 25]) і Тадэйкі («Не пабачыў ён мамы. Яго адарвалі ад мілага, добрага дзядзькі і загналі ў прытулак. А там з дня на дзень вучылі

маршыраваць і крычаць: Дойчлянд юбэр алес!» [13, с. 25]). Адкрыты фінал апавядання шматзначны, паралельна ён скіроўвае чытача ўжо ХХІ ст. да разважання пра патэнцыяльную будучыню персанажаў, наўрад ці вядомую Р. Бахту і яго сучаснікам.

Заклучэнне. Апавяданне Р. Бахты «Падарунак на пазіцыі» канцэптуальна пашырае абсягі беларускай ваеннай літаратуры, прысвечанай падзеям Першай сусветнай. Абраная аўтарам наратыўная стратэгія дазволіла шматбакова разгледзець складаны для мастацкага ўвасаблення і асэнсавання феномен татальнай вайны. Прысутнасць постацей апавядальніка і двух галоўных персанажаў забяспечыла майстэрскае авалоданне прыёмам змены апавядальных ракурсаў («пунктаў гледжання»). Дзякуючы такой будове кожны эпізод меў сваюсэнсавую самастойнасць і завершанасць і, адначасова, уваходзіў у адмысловы асацыятыўны палілог, заснаваны на прынцыпе камплементарнасці, з іншымі сюжэтнымі лініямі. Непарыўнасць вайны і міру, стасункаў салдат па абодва бакі нейтральнай прасторы, тылу і фронту, досведу дарослых і дзяцей-ахвяр баявых дзеянняў неаднаразова падкрэсліваецца Р. Бахтам, які адной са сваіх мэт у апавяданні бачыць захаванне памяці пра Першую сусветную, што досыць хутка страціла актуальнасць нават для чытача-сучасніка. Праблема памяці ішла поруч з праблемай мовы мастацкага твора – з задачай вербалізацыі вопыту, набытага чалавекам на татальнай вайне. Аўтар апавядання не скіроўваецца выключна ў рэчышча неалагізмаў і прафесіянальнай вайскавай лексікі, а шукае новы патэнцыял слова, якое, прачытанае няўважліва, можа падацца выключна архаічным па форме і змесце. Аднак, гэтая архаічнасць дазваляла правесці паралелі з вопытам людзей розных эпох, для якіх вайна паўстала выключна жahlівай навалай, расказаць пра якую дапамагаў лад маўлення, зафіксаваны яшчэ ў летапісных вайсковых аповесцях.

ЛІТАРАТУРА

1. Скрыган Я. Юбілейная дата // Выбраныя творы: у 2 т. – Мінск: Маст. літ-ра, 1985. – Т.2: Апавяданні. Аповесці. Літаратурны роздум. – С. 255–258.
2. Багдановіч І. Бахта Рыгор // Беларускія пісьменнікі: Біябібл. сл. У 6 т. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1992. – Т. 1. – С. 264.
3. Клімуць Я. Кіраўшчына літаратурная // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica IV: зб. нав. арт. – Магілёў: МДУ імя А. Куляшова, 2010. – С. 125–134.
4. Адамовіч А. Взаимодействие белорусской и русской «военной прозы» с европейской литературной и гуманистической традицией // Собрание сочинений: в 4 т. – Мінск: Маст. літ-ра, 1982. – Т.3: Хатынская повесть; «Врата сокровищницы своей отворяю ...», эссе; Статьи, выступления, интервью. – С. 539–543.
5. Адамовіч Г. «Дадумваць да канца» і вопыт класічнай літаратуры пра вайну // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні: мат. Міжнар. навук. канф., Мінск, 7–8 кастр. 2014 г. – Мінск: Права і эканоміка, 2014. – С. 86–90.
6. Бугаёў Д. Максім Гарэцкі. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – 239 с.
7. Васючэнка П. Першая сусветная вайна і беларускі літаратурны сімвалізм // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні: мат. Міжнар. навук. канф., Мінск, 7–8 кастр. 2014 г. – Мінск: Права і эканоміка, 2014. – С. 77–81.
8. Кажамякін Г. Максім Гарэцкі і сусветная літаратура // Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2002. – № 2. – С. 8–12.
9. Лявонава Е. «І няма нічога вышэйшага ...»: Творчасць Максіма Гарэцкага ў кантэксце заходнееўрапейскай літаратуры пра Першую сусветную вайну // Агульнае і адметнае. – Мінск: Маст. літ-ра, 2003. – С. 65–72.
10. Мушынін М. Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі. Жыццёвы і творчы шлях Максіма Гарэцкага. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 510 с.
11. Сінькова Л. Беларуская проза ў люстэрку ідэй страчанага пакалення, рэмаркізму // Слова ў кантэксце часу: да 80-годдзя доктара філалагічных навук, прафесара Аркадзя Іосіфавіча Наркевіча: зб. навук. прац. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2009. – С. 367–373.
12. Тарасова Т. Проблема «человек и война» в творчестве Максима Горького и Анри Барбюса: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03; 10.01.05. – Мінск, 1986. – 131 л.
13. Бахта Р. Падарунак на пазіцыі // Уздым. Другі літаратурны зборнік бабруйскай філіі «Маладняка». – Бабруйск, 1928. – С. 3–25.
14. Fussell, P. The Great War and Modern Memory / P. Fussell. – New York, London : Oxford University Press, 1989. – 363 p.

Паступіў 08.11.2023

ПОЛИФОНИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ РЫГОРА БАХТЫ «ПОДАРОК НА ПОЗИЦИИ» (1928)

д-р филол. наук, доц. З.И. ТРЕТЬЯК
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Статья посвящена комплексному анализу рассказа Р. Бахты «Подарок на позиции». Специфика произведения определяется нелинейной повествовательной структурой, характеризующейся наличием нескольких полифоничных сюжетных линий. Они разветвляются благодаря размышлениям рассказчика о сути Первой мировой войны, включению в текст переписки между персонажами или ретроспективных эпизодов. Большое внимание уделено лексической составляющей работы, в которой Р. Бахта экспериментирует со словом с целью выделить наиболее эффективные речевые приемы, сохраняющие специфику мышления отдельного персонажа и, в то же время, позволяющие рассмотреть феномен войны скорее с надличностной философской точки зрения.

Поднимается вопрос о сохранении памяти о событиях 1914 – 1918 гг. Этот момент беспокоил писателя, чьи наблюдения за современниками указывали на возможность утраты общей памяти о пережитом, поскольку данный опыт аннулировался новыми проявлениями бедствия-континуума.

Ключевые слова: Первая мировая война, белорусская литература, Рыгор Бахта, полифония, приём смены повествовательных ракурсов.

**THE POLYPHONIC NATURE OF THE NARRATIVE
IN THE SHORT-STORY ‘A GIFT ON THE POSITION’ RYHOR BAKHTA (1928)**

Z. TRATSIAK

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article is devoted to a complex analysis of the short-story ‘Gift on the Position’ by R. Bakhta. The work is defined by a non-linear narrative structure characterized by the presence of several polyphonic plot lines. They branch out thanks to the narrator’s reflections on the essence of the First World War, the inclusion of correspondence between characters or retrospective episodes. Much attention is paid to the lexical component of the work, where R. Bakhta experiments with the word in order to highlight the most effective speech practices that preserve the thinking of an individual character and, at the same time, allow us to consider the phenomenon of war from a suprapersonal philosophical standpoint. The question of preserving the memory of the 1914 – 1918 events is raised. It worried the writer, whose observations of contemporaries indicated the possibility of losing the memory of the experience, because that experience was canceled by new manifestations of the continuous war.

Keywords: the First World War, Belarusian literature, Ryhor Bakhta, polyphony, the technique of changing narrative perspectives

УДК 82.01/.09

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-37-42

ВОБРАЗ БУДУЧЫНІ ПРАЗ БІНАРНЫЯ АПАЗІЦЫІ Ў “МАСАВАЙ ПАЭЗІІ” ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Д.А. ЮРКОЙЦЬ

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

e-mail: zmiceryurk@gmail.com

У артыкуле выяўляецца адметнасць раскрыцця “вобраза будучыні” ў творчасці прадстаўнікоў “масавай паэзіі” Заходняй Беларусі. Асноўны акцэнт робіцца на адлюстраванні тыповых “бінарных апазіцый” (на прыкладзе вершаў А. Іверса). Сцвярджаецца, што разгляд ідэйна-эстэтычнай спецыфікі літаратурнай творчасці патрабуе карэктнага выкарыстання тэрмінаў “вобраз будучыні”, “бінарныя апазіцыі”, “масавая паэзія”, “заходнебеларуская паэзія”. На канкрэтных прыкладах паказваецца, што аналіз розных варыянтаў адных і тых жа твораў (якія змешчаны ў перыядычным друку Заходняй Беларусі і савецкіх выданнях) дазваляе выявіць выразную тэндэнцыюнасць у эвалюцыі вобразаў будучыні.

Ключавыя словы: вобраз будучыні, бінарныя апазіцыі, масавая паэзія, заходнебеларуская паэзія, А. Іверс.

Уводзіны. Літаратура Заходняй Беларусі (1921–1939) – важная частка літаратурнага працэсу XX ст., якая неаднаразова становілася аб’ектам даследаванняў літаратуразнаўцаў. Яшчэ ў савецкія часы былі напісаны артыкулы А. Салагуба “Літаратурны фронт Заходняй Беларусі” (1932) [1, с. 1], “Мастацкая літаратура «Грамады»” (1933) [2, с. 155–165], П. Глебкі “Мастацкая літаратура Заходняй Беларусі” (1945) [3, с. 75–100], В. Таўлая “Ідэя ўз’яднання беларускага народа ў паэзіі” (1946) [4, с. 195–198] і інш. Аднак яны не былі пазбаўлены выразных ідэалагічных штампаў. Звярталася ўвага на літаратурны працэс Заходняй Беларусі і ў перыядычных выданнях БССР. Значны ўнёсак у даследаванні паэзіі Заходняй Беларусі зрабіў У. Калеснік, які з’яўляецца аўтарам асобных раздзелаў аб літаратуры Заходняй Беларусі у такіх фундаментальных працах, як “Гісторыя беларускай савецкай літаратуры” ў 2 частках (1982) [5, с. 126–160], “История советской многонациональной литературы” ў 6 т. (1971) [6, с. 414–420], “История белорусской советской литературы” (1977) [7, с. 90–123] і інш. Пэўную колькасць прац даследчык прысвяціў асобным паэтам: “Паэзія змагання: Максім Танк і заходнебеларуская літаратура” (1959) [8], “Ветразі Адысея: Уладзімір Жылка і рамантычная традыцыя беларускай паэзіі” (1977) [9], “Лёсам пазнаеся: выбраныя літаратурныя партрэты і нарысы” (1982) [10] і інш. Выдаў даследчык і вядомыя анталогіі заходнебеларускай паэзіі “Сцягі і паходні” (1965) [11] і “Ростані волі” (1990) [12]. Яшчэ адзін вядомы савецкі навуковец, які займаўся заходнебеларускай літаратурай, А. Ліс – аўтар артыкула “Літаратура Заходняй Беларусі” ў “Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя” ў 4 т. (1999) [13, с. 210–282] і шэрагу іншых прац. Нельга не згадаць і М. Арочку, аўтара прац аб асобных персаналях паэзіі Заходняй Беларусі: “Валянцін Таўлай: Крытыка-біяграфічны нарыс” (1969) [14], “Максім Танк: Жыццё ў паэзіі” (1984) [15].

Што датычыцца сучаснасці, то найбольш прадуктыўна ў напрамку даследавання заходнебеларускай паэзіі працуе М. Мікуліч (у 2010 г. была выдадзена манаграфія “Паэзія Заходняй Беларусі: 1921–1939” [16]). Акрамя гэтага, яшчэ у 2007 г. выйшла манаграфія В. Зарэцкай і М. Яніцкага “Гуманістычны пафас заходнебеларускай літаратуры” [17]. У 2014 г. беларускай даследчыцай С. Калядкай была выдадзена кніга “Максім Танк: новыя факты, матэрыялы, інтэрпрэтацыі” [18]. У 2021 г. выйшла кніга “Выбраныя працы па беларускім літаратурна-знаўстве” прафесаркі з Ольдэнбурга Гун-Брыт Колер, дзе, сярод іншага, у другім раздзеле ёсць артыкул пад назвай “Заходнебеларуская літаратура і беларускае літаратурнае поле (1921–1939). Спроба вызначэння іх месца” [19, с. 247–294]. Аднак казаць аб сістэмным вывучэнні заходнебеларускай паэзіі сучаснымі літаратуразнаўцамі ўсё ж не даводзіцца. М. Мікуліч слушна заўважае: “Прадметам шырокага, сістэмнага, канцэптуальна-цэласнага аналізу паэзія Заходняй Беларусі яшчэ не стала” [16, с. 37]. Тым больш даследчыкамі не вывучалася асобна тэма рэпрэзентацыі будучыні ў творчасці заходнебеларускіх паэтаў, як не праводзіўся і тэксталагічны аналіз твораў. На гэта ёсць шэраг аб’ектыўных прычын, сярод якіх галоўная – рэзкія змены ў грамадска-палітычным кантэксце XX ст. Такім чынам, важнасць звароту да абранага падыходу даследавання відавочная. Выяўленне бачання лёсу Беларусі ў творчасці заходнебеларускіх аўтараў дазваляе больш поўна рэканструяваць светаадчуванне беларускага народа, які пражываў на тэрыторыі Заходняй Беларусі, прасачыць яго светапоглядныя арыенціры. Памкненні да новай будучыні тлумачацца тым, што паэты, як правіла, паходзілі з сялянскіх сем’яў, адпаведна, яны як ніхто іншы пазналі цяжкасці жыцця ў Заходняй Беларусі, і ў большасці вершаў звярталася ўвага на сацыяльнае пытанне.

Пры вывучэнні заходнебеларускай паэзіі даследчыкі сутыкаюцца з пэўнымі перашкодамі, галоўная сярод якіх – шматлікія вершы ў савецкіх і часам найноўшых выданнях паўстаюць у відазмененым выглядзе, у адрозных варыянтах. Таму тэксталагічны аналіз, разгляд падтэкставых пластоў вершаў, што выдаваліся ў розныя часы, дазваляе вызначыць змены пафасу і мастацкіх сродкаў рэпрэзентацыі будучыні, праз якія заходнебеларускія аўтары выяўлялі імкненне да ўз’яднання Бацькаўшчыны.

Спосабаў і форм рэпрэзентацыі будучыні ў творчасці прадстаўнікоў заходнебеларускай паэзіі знаходзім шмат: зварот да моладзі (М. Васілёк “Да моладзі” (1926), С. Новіка-Пяюн “Да беларускае моладзі” (1929), М. Машара “Маладым песнярам” (1930) і інш.); вылучэнне тэмы “песні”, якая павінна спрычыніцца светлай будучыні,

або вобразы звона, клічу, якія людзі павінны пачуць (М. Машара “***Распалю ў вагні цярпення” (1931), С. Новік-Пяюн “Ой чаму званы?” (1926); апісанне сну (ён можа быць як добрым, у якім малюецца светлая будучыня, так і дрэнным, ад якога народ неўзабаве абудзіцца), і да т. п. У дадзеным артыкуле звернута ўвага на адзін са спосабаў выражэння адносінаў да будучыні ў творчасці прадстаўнікоў “масавай паэзіі” Заходняй Беларусі – праз бінарныя апазіцыі. Гэта былі супрацьпастаўленні мастацкіх вобразаў кшталту: раніца – дзень, дзень – вечар; зіма – вясна, восень – зіма і інш.

Яшчэ У. Калеснікам, знаўцам заходнебеларускай паэзіі, была высока ацэнена творчасць Анатоля Іверса (Івана Дарафеевіча Міско, 1912 – 1999). Для пачатковага этапу творчасці гэтага аўтара былі характэрны тыповыя, шаблонныя канструкцыі вершаў, якія сустракаюцца і ў іншых прадстаўнікоў “масавай плыні”. Пазней А. Іверс зрабіўся самабытнай творчай адзінкай, аднак казаць аб шматбаковым аналізе яго творчасці сучаснымі даследчыкамі не даводзіцца.

Мэта артыкула – на прыкладзе творчасці прадстаўніка “масавай паэзіі” Анатоля Іверса з улікам тэксталагічнага аналізу разгледзець бінарныя апазіцыі, праз якія апасродкавана выказваецца стаўленне да будучыні, – папярэдне абгрунтаваўшы тэрміналагічнае значэнне такіх выразаў, як “вобраз будучыні”, “заходнебеларуская масавая паэзія”.

Асноўная частка. Выкарыстоўваючы ў навуковым дыскурсе паняцці “вобраз будучыні” і “заходнебеларуская масавая паэзія”, акрэслім, перадусім, іх тэрміналагічны змест. Гэтыя паняцці выкарыстоўваюцца навукоўцамі ХХ ст. у розных кантэкстах і як тэрміны ў вялікай ступені канвенцыянальнымі (нават для Беларусі і Польшчы). Прычына такога становішча – тая надзвычайная складанасць гісторыка-літаратурнага жыцця на захадзе Беларусі (з 1921 па 1939 г.), плён якога мусяць апісваць названыя канвенцыянальныя вызначэнні, спаквалі робячыся ўсё больш спецыялізаванымі ды набліжанымі да дэфініцый. Перад тым, як перайсці да дыферэнцыяцыі паняццяў “масавая паэзія / масавая літаратура” і “заходнебеларуская масавая паэзія”, абгрунтуем тэрміналагічнае значэнне выразу “вобраз будучыні”.

Важна гэта таму, што замест лексемы “вобраз”, уласна кажучы, можна было б выкарыстаць у аналагічным функцыянальным значэнні, да прыкладу, найменні “карціна”, “мадэль”, “контур”, “праект”, “праекцыя” і пад. Аднак тут варта заўважыць, што прадстаўнікамі розных навук усе згаданыя найменні (нават “контур” у нейкай ступені) ужо маюць зусім пэўныя тэрміналагічныя канатацыі, традыцыі канвенцыянальнага выкарыстання ў сталых тэрмінасістэмах. Практыка пераносу тэрмінаў з адной навуковай галіны ў другую ўвесь час пашыраецца, але залішне часта гэта робіцца без належнага абгрунтавання. Відавочна, што пералічаныя вышэй найменні немэтазгодна запазычваюць для філалагічнага аналізу фікцыянальных тэкстаў, і асабліва – паэзіі. Да прыкладу, “праект будучыні” разумеецца як праграма, разлічаная на яе выкананне. Ці “мадэль”, якая, як слухна заўважае І. Жолцікава [20, с. 76], з’яўляецца ў любым выпадку штучнай, мэтанакіравана створанай канструкцыяй, і таму “мадэль” не дазваляе падкрэсліць, што чаканне будучыні ў лірыцы – гэта інтэнцыя, яна мае спантанны характар. У той жа час для апісання кананічных жанравых структур (напрыклад, антыўтопій, у якіх таксама ствараецца фікцыянальны свет) тэрміны “мадэль”, “карціна” і пад. могуць ужывацца прадуктыўна, таму што там будучыня ёсць дадзенасць, створаная па законах жанру. У нашым жа выпадку мы маем справу не з дадзенасцю, а з прадчуваннем, спадзяваннем (часцей), бачаннем, уяўленнем (радзей). Што не дзіўна, бо паэзія, усё ж, больш тонкая матэрыя, дзе адзін з найгалоўнейшых складнікаў – эмоцыя. Калі ў некаторых вершах заходнебеларускіх паэтаў (дэкламацыйнага характару) таксама можна ўбачыць “інструкцыю”, якая досыць канкрэтна апісвае план дзеянняў для найхутчэйшага надыходу будучыні, той самай абстрактнай “лепшай долі”, то гэта будзе яскрава дэкламацыя з утапічным (або антыўтапічным) жанравым зместам.

Гаворачы пра “вобраз будучыні” ў сацыяльна-філасофскім дыскурсе, даследчыкі спасылаюцца ў асноўным на працу Ф. Полака “The image of the future”. І нават аўтар манаграфіі з такой назвай не дае канкрэтнай дэфініцыі, што маецца на ўвазе пад “вобразам будучыні”. Згаданая даследчыца І. Жолцікава заўважае, што “*у сучаснай публіцыстыцы таксама, як і ў гуманітарных даследаваннях, выраз «вобраз будучыні» выкарыстоўваецца ў якасці ўстойлівага выразу*”, і што ўжываецца гэты ўстойлівы выраз “*хутчэй інтуітыўна, чым рацыянальна*” [21]. Сапраўды, калі ставіць мэту даць канкрэтную дэфініцыю гэтаму паняццю, то для яе выканання спатрэбіцца разгледзець незлічонае мноства сітуацый, дзе яно запатрабавана і выкарыстана (што ёсць кампетэнцыяй хутчэй кагнітыўнай лінгвістыкі, чым літаратуразнаўства). Такім чынам, невыпадкова тэрмін “вобраз” у літаратуразнаўстве не мае адной універсальнай дэфініцыі, але пры гэтым застаецца адным з самых частотных, чыё ўжыванне абумоўлена нібы апырэры (бо мастацкая літаратура – гэта спасціжэнне свету праз мысленне ў вобразах).

Вывучаючы паэзію, мэтазгодна ўдакладніць: лірык часцей мысліць асацыятыўна, і з улікам гэтага запатрабаваным робіцца словазлучэнне “асацыятыўны вобраз”. Так, у вершах заходнебеларускіх творцаў “будучыні” самой па сабе, як правіла, няма, але ёсць бінарныя апазіцыі кшталту “сучаснасць – будучыня” (“зіма – вясна”, інш.); гэта значыць, стаўленне да будучыні выказваецца апасродкавана.

“Будучыня” ў заходнебеларускіх паэтаў канкрэтызаваная ў тым сэнсе, што яна абмяжоўваецца, у большасці сваёй, бачаннем сацыяльнага пытання пасля вызвалення народа Заходняй Беларусі з-пад панскага прыгнёту, пасля кардынальных зменаў грамадска-палітычнага плану (якія бачыліся ў асноўным у аб’яднанні з БССР). Адпаведна, уяўленне пра “будучыню” ў абсалютнай большасці творцаў будзе падобным па сваёй сутнасці. “*Калектыўны вобраз – гэта вобраз, агульны для дадзенага соцыуму, які ўспрымаецца канкрэтнымі яго членамі, але*

не фарміруецца кімсьці з іх персанальна. Калектыўны вобраз будучыні з'яўляецца медыянай сацыяльных чаканняў пэўнай групы ў той ці іншы перыяд часу", "вобраз будучыні, звязаны з эвалюцыяй дзяржаўнага ладу ... са зменаў форм зямельнай уласнасці, зацвярджэннем свабоды слова ... не з'яўляецца плодам творчасці канкрэтнага аўтара, ён узнікае з агульнасці прадчуванняў, супадзення настрояў, адзінства адносінаў да будучыні. Гэта не аўтарскі, а калектыўны вобраз будучыні" [20, с. 79]. Такім чынам, мы маем справу з творчасцю паэтаў, якія бачаць будучыню Заходняй Беларусі лепшай у сацыяльным плане – гэта агульнае. Адрознае ж – мастацкія сродкі рэпрэзентацыі гэтай будучыні. Умоўна можна вылучыць дзве групы вершаў па спосабах рэпрэзентацыі будучыні: праз прызму мінулага (у асноўным у нацыянальна скіраваных паэтаў) і праз прызму сучаснасці (у камуністычна заангажаваных). У першым выпадку гераічнае мінулае (з гісторыі ВКЛ, да прыкладу) дазваляе казаць паэтам аб магчымасці адраджэння нацыі ў межах незалежнай дзяржавы; у другім жа выпадку – цёмная сучаснасць процістаўляецца светлай будучыні ў складзе БССР. Зразумела, што не заўсёды будучыня ўяўлялася радаснай і бестурботнай; няпэўнасць, трывога, выказаныя ў вершах, таксама сустракаліся.

На пачатку творчасці аб'ядноўваў усіх паэтаў рамантычна-ўзнёслы пафас, у якім прасочвалася (часам вярзана) нацыянальная скіраванасць. Плынь масавай паэзіі, у асноўным, грунтавалася на другім варыянце разумення гістарычных перспектывы для беларусаў, што абсалютна лёгка тлумачыцца: іх сацыяльнае паходжанне спарадзіла іх жаданні. Каб зразумець, што маецца на ўвазе пад "масавай паэзіяй Заходняй Беларусі", варта звярнуцца да дэфініцыі самога паняцця "масавай літаратуры". У артыкуле, напісаным Н. Мельнікавым для энцыклапедыі літаратурных тэрмінаў, сярод іншага чытаем: "*Нярэдка пад масавай літаратурай разумеюць увесь масіў мастацкіх твораў пэўнага культурна-гістарычнага перыяду (ці якогасці літаратурнага напрамку), якія разглядаюцца як фон найлепшых дасягненняў пісьменнікаў першага шэрагу <...> творы характарызуюцца эстэтычнай другаснасцю, нявыяўленасцю індывідуальна-аўтарскага пачатку*" [22, с. 514]. Акрамя іншых характарыстык "масавасці" (асноўныя з якіх нам вядомы ў сучасным кантэксце: камерцыйны попыт, пэўная жанравая прыналежнасць), гэтыя – найбольш прыдатныя для нашай сітуацыі.

Прадстаўнікі масавай паэзіі, як правіла, рэфлексавалі на конт сучаснасці і будучыні, беручы пад увагу, як было згадана, сацыяльны і грамадска-палітычны аспекты. У. Калеснік, напрыклад, пісаў: "*У канцы 20-х гадоў з асяроддзя масава-самадзейнай літаратуры вылучаюцца імёны здольных паэтаў Міхася Васілька і Міхася Машары*" [8, с. 3]. Важнае тут тое, што не ўсім удалося "вылучыцца": у кагосьці перыяд "масавасці" застаўся на пачатку творчага шляху, а хтосьці так і не пераадолеў "бар'ер аматаршчыны" (тэрмін У. Калесніка). Гэта значыць, абсалютная большасць паэтаў пачынала свой творчы шлях на, умоўна, узроўні "масавасці", а пасля хтосьці вылучаўся сваімі вершамі з шэрагу аднатыпных твораў, а хтосьці – не. Тых, хто адразу здзіўляў сваімі творчымі знаходкамі, было няшмат сярод паэтаў, якія асэнсоўвалі сацыяльнае пытанне (таму што яно само па сабе звужае круггляд, пазначае ўсё адным памкненнем).

Намі ўжо быў згаданы тэрмін "бінарная апазіцыя". Масавае паэзія Заходняй Беларусі, у якой асэнсоўваецца лёс роднага краю, як правіла, пабудавана на дастаткова тыповых супрацьпастаўленнях: "зіма – вясна", "цёмра – святло" (якое бачыцца, як правіла, "у далі"), "туман – яснае надвор'е", "ноч – раніца" і пад. (гэта ў сітуацыях, калі паэт верыць у надыход лепшай долі); часам сустракаецца і няпэўнасць: напрыклад, "восень – зіма". Вядома, зводзіць паэзію да схематычнага ўзроўню няварта, як вядома і тое, што любая з прыведзеных апазіцый "абрастае" арыгінальнымі сродкамі мастацкай выразнасці (дарэчы, і сярод іх часта бачым "універсальныя": аднатыпныя метафары, да прыкладу). Аднак пры разглядзе творчасці пэўнага паэта Заходняй Беларусі, думаецца, усё ж важна звяртаць на такія асацыятыўныя вобразы ўвагу. Як мінімум таму, што калі схема не змяняецца напрацягу ўсёй творчасці пісьменніка, то паўстае пытанне: а ці эвалюцыянаваў ён увогуле ў мастацка-эстэтычным плане? Асвятленне цяжкага жыцця ў Заходняй Беларусі (асабліва камуністычна-заангажаванымі паэтамі) дазваляла вельмі лёгка звязаць творчасць заходнебеларускіх паэтаў з савецкай ідэалогіяй, праз што літаратурная крытыка асноўную ўвагу надавала не тым паэтам, якія вынаходзілі новыя вершаваныя формы, творчасць якіх вылучалася арыгінальнымі сродкамі мастацкай выразнасці, а тым, хто пісаў ідэалагічна-актуальныя вершы.

Усё гэта дазваляе казаць пра абсалютна зразумелае скептычнае стаўленне да творчасці масавай плыні паэтаў з боку пазнейшых даследчыкаў, якія заўважалі брак мастацка-эстэтычнага. Аднак для стварэння агульнай карціны вобразных уяўленняў пра будучыню неабходна браць пад увагу ўсе плыні аўтараў. Прадстаўнікі масавай паэзіі, як правіла, паходзілі з сялянскіх сем'яў, адпаведна, пазналі цяжкасць жыцця як ніхто іншы. Тым больш, банальная схема не перашкаджае аўтару карыстацца самабытнымі, толькі ім абранымі мастацкімі сродкамі.

Разгледзім важнасць бінарных апазіцый на прыкладзе творчасці А. Іверса. Адрознае абмовімся, што творчасць аўтара была высока ацэнена яшчэ У. Калеснікам: "*Аднаму толькі паэту са слонімскага гнязда ўдалося адолець бар'ер аматаршчыны – Анатолю Іверсу, а выйскі за межы рэгіянальнасці на прасцяг нацыянальнай паэзіі – Валянціну Таўлаю*" [10, с. 253]. Аднак нягледзячы на майстэрскае стварэнне пейзажных матываў, вершы А. Іверса пачатковага перыяду творчасці не былі пазбаўлены штампамі і недахопамі. Не будзем галаслоўнымі, прывядзем у прыклад цытату з рэдакцыйнымі ацэнкамі часопіса "Наша воля" (№ 8 за 1936 г): "*За вершы дзякуем. Выкарыстаем. Толькі з некаторымі катастрофа: («На прадвесні»). Проста жыццём узятая з Васілька, з Ільяшэвіча і яшчэ раз з Васілька; або «па горле лебядзей» – жывы Есенін. Не радзім фатаграфіаваць, бо маеце свой талент*" (аўтарская арфаграфія і пунктуацыя вытрымак з перыядычных выданняў тут і далей захавана – Д. Ю.) [23, с. 6].

Гэта з рубрыкі “*Паштовае скрынка*”, дзе рэдакцыя адказвала сваім чытачам і аўтарам, давала парады пісьменнікам – шмат цікавага адтуль можна вынесці... Згаданага верша не захавалася (нават назва цалкам капіруе аднайменны твор В. Таўлая, напісаны яшчэ ў 1928 годзе). Аднак вобраз вясны тыповы для ўсіх прадстаўнікоў масавай паэзіі – А. Іверс не выключэнне. Глядзіш змест зборніка вершаў паэта [24, с. 285–291], звяртаеш увагу на пачатковы перыяд творчасці і бачыш: “*Веснавыя думы*”, “*Гэта вясна*”, “*****Я шукаў яшчэ вясною*” ...

Варта заўважыць, што “бінарныя апазіцыі” ў нашым выпадку неабходна разглядаць не схематычна, а ў іх рэалізацыі праз мастацкія сродкі, выкарыстання ў вершы. Напрыклад, у вершы “*Веснавыя думы*” апазіцыя “зіма – вясна” паўстае ў адзінаковым аўтарскім варыянце. Лірычны герой быццам бы і радуецца надыходу вясны (“*Сум я свой расплэскаў // У сонечным прасторы*” [25, с. 100]), аднак як толькі наступае ноч, думы яму не даюць спакою: “*А зярнят ні жмені – // Што пажну ўлетку?*” [25, с. 100]. У канцы верша – робіцца задумліва-разважлівай настраёнасць, з’яўляецца рамантычная ўзнёсласць (хоць вецер і “*б’е па твары*”, “*над ціхай вёскай – сонечныя мары*”), у пазнейшых выданнях, дарэчы, “*сонечныя мары*” пераўтвараюцца ў “*хмары*”, каторыя “*наганяе вецер*” [24, с. 20] – да пытання аб магчымасці прасочвання пазнейшага светаадчування лірычнага героя, а таксама яго выяўлення ў захаваных ці адрэдагаваных варыянтах.

Апазіцыя “ноч – дзень” таксама сустракаецца часта, у прыватнасці, у вершах “*Зорныя дарогі*”, “*Хтось расчэсваў зялёныя сосны*”, “*Ноччу*”, “*Вясёлай раніцай*” і інш. Напісаў А. Іверс і верш “*Пасля ночы*”, які не ўключаны ў пазнейшыя выданні, хаця чаго варта адзін толькі выраз “*зару апалонікам п’юць кусты альховыя*”. Тут назіраецца тыповая апазіцыя “ноч – раніца”, значыць, жыццё абнаўляецца: на змену змрочнай халоднай ночы прыходзіць ясная раніца. У першых чатырох строфах быццам бы канцэпцыя вытрымліваецца: “*На ўзгорках раніцай // Дзень гарыць узорами*”, “*Жаўранкі грамадаю // Раніцу адзначылі*” [26, с. 198], аднак у апошніх дзвюх – замест наступлення дня фарбы згुшчаюцца: “*Сёння пухам сцелюцца // Ветры непадкутыя...*”, “*Ў вёсцы дым кудзеліўся*” [26, с. 198]. І ўнікае быццам бы дысананс, працэс наступлення яснага дня, аднаўлення жыцця перарываецца, верш заканчваецца мінорнымі радкамі: “*– Дзе лісты падзеліся?! – // Плакала бярозанька*” [26, с. 198].

Асобную вагу мае вобразна асэнсаваны “туман”. Ён сустракаецца ў вершах “*У шуме жыта*”, “*На бруку*”, “*****Ізноў ліюцца песні, песні...*” і інш. Пра гэта пісаў яшчэ Алесь Дудар пад псеўданімам Тодар Глыбоцкі ў крытычным артыкуле аб творчасці Т. Кляшторнага (з крытыкай мы не згодны, прыводзім у прыклад толькі слушную фразу наконт вобраза “туману”): “...як толькі ня здызекваліся ў нас над гэтым няшчасным туманам” [27, с. 3].

Верш “*На бруку*” друкуецца ўпершыню ў часопісе “*Калоссе*” за 1938 г. У кнізе “*Аўсяныя росы*” (2011) твор не відазменены, а вось у савецкім выданні ёсць выдавочныя праўкі. Звяртаючыся да Беларусі, паэт піша: “*Сёння ў далі з-за густых чэстаколаў // на сінеючу далі паглядзі*” [28, с. 210]. Пазней радкі змяняюцца: “*Бо на ўсход з-за густых частаколаў // З захапленнем, надзеяй глядзіш*” [24, с. 28]. Тут з’яўляецца дастаткова тыповы вобраз “*усходу*”, на які глядзяць з захапленнем і надзеяй; часам можна ўбачыць і “*сонца з усходу*”. Страфа “*Гэта зоры разсеяны густа, // каб прарэзаць туманаў плыты, // каб калосьсе зары з нашых пустак // зашумела ў вагнёх залатых*” [28, с. 210] замяняецца “*Ноччу зоркі рассеяны густа // І прарэжуць туманаў плыты. // І вясной ураджай з нашых пустак, // Будзем жаць ураджай залаты*” [24, с. 28]. Арыгінальны вобраз “*калосьсе зары*” знікае. Другое двухрадкоўе чытаецца як набор слоў, награваных толькі дзеля стварэння рыфмы. Апошняя страфа надзвычай важная, у арыгінале яна гучыць так: “*Ці ня радасць прыдзе пасля суму, // ці ня ўдараць ў званы пасля сну?.. // Ня нам думу горкую думаць // спатыкаючы нашу вясну!..*” [28, с. 210]. Задумлівы тон і няўпэўненае пытанне з надзеяй напачатку змяняецца воклічам, пасля якога шматкроп’е: лірычны герой бадай што і не верыць, што ўсё будзе добра, але быццам бы падбадзёрвае сябе. У савецкім выданні былая настраёнасць губляецца цалкам, з’яўляецца цвёрдая ўпэўненасць, знаёмая і па вершах многіх іншых аўтараў: “*Прыйдзе радасць, як дзень пасля ночы, // Звон народны разбудзіць ад сну. // Будзем верыць і будзем прарочыць, // Спатыкаючы нашу вясну*” [24, с. 28]. Тут ужо няма ніякіх пытанняў і ваганняў, таму што тое, што прыйдзе радасць (пазначэнне савецкай ўлады), – настолькі выдавочна, як што пасля ночы настае дзень. Тут і дзень і ноч, і вясна, і туманы...

На адной старонцы са згаданым творам змешчаны яшчэ адзін верш А. Іверса “*Залацілася раніца*”. У першаварыянце аўтар так апісвае жыццё ў Заходняй Беларусі: “*гэтак ніклі у цьму дні жыцця – невясёлыя // паміж соснаў зялёных і голых асін...*” [29, с. 18]. У пазнейшым выданні “*цьма*” ператвараецца ў “*туман*” – надзвычай важная змена. Ужо па двух згаданых вершах і ўбачаных зменах можна рабіць выснову пра тое, што ў першаварыянтах надзея, вера ў светлую будучыню ў лірычнага героя няпэўная, а ў пазнейшых рэдакцыях яна адназначная: складваецца ўражанне, быццам бы лірычны герой дакладна ведае, што ўсё будзе добра. Так і тут: “*цьма*” – гэта нешта трывала непасветнае, а “*туман*” заўсёды толькі часовае з’ява (тут варта прасцыраваць гэта на нібыта веды пра тое, што Беларусь была раз’яднана часова, а не назаўсёды). Працитуем апошняю страфу: “*Мо’ прыдзеца яшчэ зімаваць недагрэтымі – // хмары воўкам кудлатым паўзуць з-за Карпат... // Але песню сваю дапаём недапетую // сярод ніў залатых, пад напавы сярпа*” [29, с. 18]. Як бачна, верш гэты і так увасабляе сабой надзею, што ўжо хутка часткі Беларусі аб’яднаюцца ў адну сацыялістычную краіну (“*напавы сярпа*”), але простае згадванне “*сярпа*”, відаць, было вырашана ўзмацніць, больш пэўна звязаць з рэаліямі савецкага жыцця. Таму ў пазнейшым выданні чытаем: “*Мо’ прыдзеца зіму сустракаць не за комінам, // Хмары воўкам кудлатым плывуць з-за Карпат. // Біяграфія наша яшчэ не запоўнена // Ў звоне цяжкага молата, звоне сярпа*” [24, с. 25]. Праўда, у гэтым варыянце ёсць свае хібы. Напрыклад, мастацкая вартасць зніжаецца: цяжка зразумець, чым матывавана замена “*недапетай песні*” на “*недапісаную біяграфію*”, гэта ж не проза. А апошні радок гучыць так, як

павінен, напэўна, ён гучаць у сапраўднага савецкага паэта: у сярпа не можа быць напеваў, як то было ў арыгінале, цяпер ён звініць ды яшчэ й разам з цяжкім молатам.

Заклучэнне. Разгляд ідэяна-эстэтычнай спецыфікі літаратурнай творчасці патрабуе карэктнага выкарыстання тэрмінаў “вобраз будучыні”, “бінарныя апазіцыі”, “масавая паэзія”, “заходнебеларуская паэзія”. Для разумення светаадчування заходнебеларускіх паэтаў і бачання імі будучыні неабходна звярнуцца да разгляду літаратурнага працэсу 1920 – 1930-х гг. у яго цэласнасці, з улікам узаемаўплываў як розных творчых індывідуальнасцей, так і цэлых адрозных плыняў. Паэзія за межамі БССР мела свае прыкметныя набыткі. Пасля з’яднання нацыі некаторыя ўзоры і масавай творчасці і вершы больш выбітных аўтараў былі перавыдадзены. Параўнанне розных варыянтаў адных і тых жа тэкстаў (на матэрыяле вершаў А. Іверса) дазваляе выявіць выразную тэндэнцыйнасць у эвалюцыі вобразаў будучыні, што ўтрымліваюцца на старонках савецкіх выданняў заходнебеларускай лірыкі. Прыведзеныя прыклады па творчасці А. Іверса з’яўляюцца характэрнымі для ўсіх іншых яго сучаснікаў – прадстаўнікоў “масавай паэзіі”.

ЛІТАРАТУРА

1. Салагуб А. Літаратурны фронт Заходняй Беларусі // Літаратура і мастацтва. – 1932. – № 1. – С. 1.
2. Салагуб А. Мастацкая літаратура “Грамады” // Полымя рэвалюцыі. – 1933. – Кн. 1. – С. 155–165.
3. Глебка П. Мастацкая літаратура Заходняй Беларусі // Збор твораў: У 4 т. – Т.4. – Мінск: Маст. літ-ра, 1986. – С. 75–100.
4. Таўлай В. Выбраныя творы / уклад., прадм. і кам. А. Клышкі. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – С. 195–198.
5. Калеснік У.А. Літаратура Заходняй Беларусі // Гісторыя беларускай савецкай літаратуры: вуч. дапам. для філалагічных факультэтаў універсітэтаў у 2 ч. Ч. 2 / пад рэд. І. Я. Навуменкі і інш. – Мінск: Выш. шк., 1982. – С. 126–160.
6. Колесник В.А. Литература Западной Белоруссии // История советской многонациональной литературы: в 6 т. – Т. 2. Кн. 1 / Акад. наук СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1971. – С. 414–420.
7. Колесник В.А. Литература Западной Белоруссии // История белорусской советской литературы / ред. И.Я. Науменко. – Минск: Наука и техника, 1977. – С. 90–123.
8. Калеснік У. Паэзія Змагання: Максім Танк і заходнебеларуская літаратура. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, Рэд. маст. літ-ры, 1959. – 251 с.
9. Калеснік У. Ветразі Адысея: Уладзімір Жылка і рамантычная традыцыя ў беларускай паэзіі. – Мінск: Маст. літ-ра, 1977. – 325 с.
10. Калеснік У. Лёсам пазнае: выбраныя літаратурныя партрэты і нарысы. – Мінск: Маст. літ-ра, 1982. – 556 с.
11. Сцягі і паходні: творы паэтаў з былой Заходняй Беларусі / склад., аўтар прадм. У. Калеснік. – Мінск: Беларусь, 1965. – 254 с.
12. Ростані волі: з заходнебеларускай паэзіі / уклад. і аўтар прадм. У. Калеснік. – Мінск: Маст. літ-ра, 1990. – 414 с.
13. Ліс А. Літаратура Заходняй Беларусі // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. У 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – Т. 2. – С. 210–282.
14. Арошка М. Валянцін Таўлай: крытыка-біяграфічны нарыс. – Мінск: Беларусь, 1969. – 166 с.
15. Арошка М. Максім Танк: жыццё ў паэзіі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 270 с.
16. Мікуліч М. У. Паэзія Заходняй Беларусі (1921–1939) / навук. рэд. У.В. Гніламёдаў. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – 462 с.
17. Зарэчка В., Яніцкі М. Гуманістычны пафас заходнебеларускай літаратуры. – Брэст: БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2007. – 187 с.
18. Калядка С.У. Максім Танк: новыя факты, матэрыялы, інтэрпрэтацыі. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – 485 с.
19. Колер Г.-Б. Заходнебеларуская літаратура і беларускае літаратурнае поле (1921–1939). Спроба вызначэння іх месца // Выбраныя працы па беларускім літаратуразнаўстве / склад. П.І. Навуменка; пад рэд. П.І. Навуменкі; пер. з ням. Н. Пахомчык і інш. – Мінск: БДУ, 2021. – С. 247–294.
20. Желтикова И. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 5(55). – С. 75–80.
21. Желтикова И. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 3 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-buduschego-v-interpretatsii-f-polaka>. (дата обращения: 14.11.2023).
22. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК “Интелвак”, 2001. – С. 514–517.
23. Вершаваная скрынка // Наша воля. – 1936. – № 8. – С. 6.
24. Іверс А. Аўсяныя росы: вершы, успаміны. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 292 с.
25. Івэрс А. Веснавыя думы // Беларускі летапіс. – 1937. – № 5. – С. 100.
26. Анатоль Івэрс. Пасля ночы // Беларускі летапіс. – 1937. – № 9. – С. 198.
27. Тодар Глыбоцкі. Пра літаратурныя справы: “Ледзяная гітара” // Савецкая Беларусь. – 1927. – 5 кастр. – С. 3.
28. Іверс А. На бруку // Калосьсе. – 1938. – № 4 (17). – С. 210.
29. Анатоль Івэрс. Залацілася раніца // Калосьсе. – 1938. – № 1 (14). – С. 18.

Паступіў 19.11.2023

ОБРАЗ БУДУЩЕГО СКВОЗЬ БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В “МАССОВОЙ ПОЭЗИИ” ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Д.О. ЮРКОЙТЬ

(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье выявляется своеобразие раскрытия “образа будущего” в творчестве представителей “массовой поэзии” Западной Беларуси. Основной акцент делается на изображении типичных “бинарных оппозиций”

(на примере стихотворений А. Иверса). Утверждается, что рассмотрение идейно-эстетической специфики литературного творчества требует корректного использования терминов “образ будущего”, “бинарные оппозиции”, “массовая поэзия”, “западнобелорусская поэзия”. На конкретных примерах показано, что анализ разных вариантов одних и тех же произведений (опубликованных в периодической печати Западной Беларуси и советских изданиях) позволяет выявить четкую тенденцию в эволюции образов будущего.

Ключевые слова: образ будущего, бинарные оппозиции, массовая поэзия, западнобелорусская поэзия, А. Иверс.

THE IMAGE OF THE FUTURE THROUGH BINARY OPPOSITIONS IN “MASS POETRY” OF WESTERN BELARUS

D. YURKOITS

(Belarusian State University, Minsk)

The article reveals the distinctiveness of revealing “the image of the future” in the work of representatives of the “mass poetry” of Western Belarus. The main emphasis is placed on the depiction of typical “binary oppositions” (on the example of poems by A. Ivers). It is claimed that consideration of the ideological and aesthetic specificity of literary creativity requires the correct use of the terms “the image of the future”, “binary oppositions”, “mass poetry”, “Western Belarusian poetry”. Using specific examples, it is shown that the analysis of different versions of the same works (which are included in the periodicals of Western Belarus and Soviet editions) allows us to reveal a clear tendency in the evolution of images of the future.

Keywords: *the image of the future, binary oppositions, mass poetry, Western Belarusian poetry, A. Ivers.*

УДК 81'272

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-43-47

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ГНЕЗДА КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ И ПОНЯТИЙНОЙ ДИНАМИКИ ОБЛАСТИ ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОСОЮЗА)

Е.Ю. АДАМЧУК*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1882-9311>e-mail: gacuk_ej@grsu.by

В статье представлен системный характер терминологии языковой политики Евросоюза посредством построения терминологических гнезд. В качестве методов исследования для достижения поставленной цели использованы приемы терминологического менеджмента (инвентаризация и упорядочение терминологии); деривационный анализ; прием построения терминологических гнезд; структурный анализ при выявлении терминологических элементов, типичных для целевой предметной области. Методологическую базу исследования составили труды известных ученых-терминологов. Материалом исследования послужили номинации, полученные в результате обработки терминологическими экстракторами исследовательского корпуса на базе текстов 340 англоязычных официальных документов, отражающих различные аспекты языковой политики ЕС, а также термины, представленные в глоссариях, сопровождающих данные документы. Построено 290 гнезд всех типов: 4 потенциальных гнезда, 75 элементарных гнезд, 66 гнезд-цепочек, 35 веерных гнезд и 110 комплексных гнезд. Установлено, что «гнездовой» подход является важным средством систематизации терминологии, с помощью которого возможно выделить микроучастки целевой предметной области и установить связи между ними. Системность внутри гнезда обеспечивается формальными и семантическими связями между терминами, а наличие общих терминологических элементов в различных гнездах отражает системность целевой терминологии.

Ключевые слова: терминологическое гнездо, терминологический элемент, потенциальные гнезда, элементарные гнезда, гнезда-цепочки, веерные гнезда, комплексные гнезда.

Введение. В процессе развития определенной области знания постоянно появляются новые понятия, что ведет к возникновению терминов для обозначения данных понятий. Системность понятий находит отражение в отношениях, которые существуют между формативами однословных терминов и структурными компонентами, входящими в многокомпонентные специальные номинации [1, с. 100–104] (здесь и далее перевод англоязычных цитат наш – Е.А.). В связи с этим принято «анализировать термины не по отдельности, а целыми терминологиями или их фрагментами, достаточно четко выделенными и автономными» [2, с. 202]. Одним из подходов к такому типу анализа является установление производности терминов и построение терминологических гнезд. Так, В.П. Даниленко отмечала в терминологиях повсеместное «усиление тенденции к гнездовому словообразованию, к созданию комплексов наименований, связанных общей производящей основой» [3, с. 207].

Исследованию терминологических гнезд посвящены работы таких ученых, как О.А. Макарихина [4], Л.В. Ивина [5], Н.А. Шурыгин [6], С.Г. Казарина [7], С.И. Богомолова [8], Р. Шимуля [9], Л. Богатая [10], М. Марциняк и А. Мыковецкая [11–12], М.В. Половец [13–14] и других исследователей. По мнению Л.В. Ивиной, «любая терминология – это система, состоящая из подсистем и микросистем, которые включают терминологические гнезда» [5, с. 75–76]. При этом терминологическое гнездо может включать «как словообразовательное гнездо данного термина, так и образованные от него словосочетания» [5, с. 76]. По мнению Л. Богатой, «детальный анализ ветвей терминологических гнезд позволяет исследовать тонкие деривационные процессы, рассматривая сами ветви как некие микротерминологические образования, своеобразные дискурсы-таксоны. В результате выявления терминологических гнезд появляется основание для существенного упрощения сложных гуманитарных информационных массивов, их соотнесения с уже сложившимися исследовательскими направлениями, обнаруживаются новые тематические линии» [10, с. 63–64].

Цель данной статьи – представить системность терминологии языковой политики Европейского Союза (далее – ЕС), нашедшую отражение в гнездовом терминологическом образовании.

Актуальность исследования, направленного на выявление деривативной системности терминологии новой подобласти социолингвистики, отражающей направления языковой политики, реализуемой на уровне межгосударственных интегративных формирований, представляется очевидной. Как утверждают С.В. Гринев-Гриневич и Э.А. Сорокина, «проблемы языковой политики и языкового строительства в настоящее время особенно актуальны в силу стремительного развития всех видов межгосударственных и внутригосударственных социальных отношений» [15, с. 21]. Тем не менее, абсолютное большинство социолингвистических исследований не затрагивает проблем наднациональной языковой политики, и в фокусе внимания ученых по-прежнему остаются внутригосударственные социальные отношения. На современном этапе развития наднациональных (надгосударственных) формирований только ЕС, несмотря на отсутствие общей теории, которая могла бы быть применима к «различным языковым ситуациям и использована для руководства любыми языковыми действиями» [16, с. 65], продвинулся в подготовке документации, которая касается языковой политики. Все документы такого рода представлены на официальных сайтах органов и институтов данного наднационального формирования. Известно, что к разработке официальных документов ЕС, касающихся языковой политики, были привлечены эксперты, специализирующиеся в этой

области знания. Кроме того, большинство таких документов снабжено терминологическими, т.е. содержит термины, сопровождаемые определениями соответствующих понятий. Все вышеизложенное позволяет рассматривать данные документы как основу для формирования инвентаря целевой терминологии. Нам представляется важным изучение накопленного опыта в этой области в аспекте рассмотрения его потенциальной применимости в наднациональных (надгосударственных) формированиях, в которые входит Республика Беларусь.

При проведении исследования были использованы следующие методы: приемы терминологического менеджмента (инвентаризация и упорядочение терминологии); деривационный анализ; прием построения терминологических гнезд; структурный анализ при выявлении терминологических элементов, типичных для целевой предметной области.

Основная часть. При проведении исследования за основу было принято понимание терминологического гнезда, предложенное Е.В. Бессоновой, которая считает, что терминологическое гнездо – это «группа терминов, объединенная на основании общности опорного терминологического элемента, который входит в качестве основной терминологической единицы в каждый термин гнезда и функционирует или как самостоятельный термин (терминологические гнезда с вершиной), или не функционирует как самостоятельный термин (терминологические гнезда без вершины)» [17, с. 102].

С целью выявления деривационной системности целевой терминологии была изначально осуществлена её инвентаризация путем обработки терминологическими экстракторами специально сформированного корпуса, содержащего тексты 340 официальных документов, подготовленных институтами и органами Европейского Союза и отражающих различные аспекты европейской языковой политики. Подробно представлен нами в [18].

Обработка корпуса терминологическими экстракторами позволила выявить общенаучные, междотраслевые, и отраслевые термины, а также узко специальные номинации различной степени терминологичности, принадлежащие к целевой предметной области. В материал исследования для данной статьи были включены 180 терминов из глоссариев, сопровождающих документы, составившие исследовательский корпус; все узко специальные номинации независимо от степени их терминологичности; общенаучные и междотраслевые термины, которые выполняют функцию вершин гнезд; отраслевые термины, если они отвечают одному из следующих критериев: а) являются производными от таких терминов, которые содержатся в глоссариях; б) входят в дефиницию(и) номинированных терминами понятий, представленных в глоссариях. Таким образом, непосредственный материал для построения терминологических гнезд, представленных в данной статье, составили 1897 специальных номинаций.

На следующем этапе анализа были выявлены «опорные», или базисные, компоненты, являющиеся вершинами гнезд. В результате деривационного анализа было выявлено, что функцию вершин гнезд выполняют 83 общенаучных термина, 35 междотраслевых термина, 72 отраслевых термина и 5 узко специальных номинаций. Кроме того, опорными элементами, выполняющими функцию вершины гнезда, оказались детерминированные лексемы, вошедшие в общее употребление, например, *support* 'поддержка', *barrier* 'барьер' и др. – всего 91 лексема. В соответствии с дефиницией Е.В. Бессоновой, указанной выше, такие терминологические гнезда рассматриваются как гнезда «без вершины» [17, с. 102]. 4 термина не вошли в состав гнезд, несмотря на то, что они представлены в глоссариях, сопровождающих официальные документы, регулирующие вопросы европейской языковой политики. Это такие термины, как: *beginner* 'начинающий', *diglossia* 'диглоссия', *idiolect* 'идиолект', *'kin-state'* 'родина национального меньшинства, где оно является большинством'. Согласно классификации, предложенной А.И. Моисеевым [19; 20] для словообразовательных гнезд, которая была использована нами в данном исследовании, такие термины можно рассматривать как «потенциальные гнезда» [19, с. 283].

При построении терминологических гнезд мы исходили из принципа «последовательного подчинения» [21, с. 89], согласно которому производные термины соотносятся с вершиной гнезда, «на основе формальных и семантических связей» [21, с. 89]. Семантические связи между терминами в гнездах и между гнездами достигаются общностью терминологических элементов. Терминологический элемент мы, вслед за В.П. Даниленко, рассматриваем как «широкое понятие, включающее в себя на равных основаниях производящую основу, словообразующую морфему, слово в составе терминологического словосочетания, символы, цифры, графические знаки, включаемые в особый тип символа-слов» [22, с. 79].

Всего, не считая потенциальных гнезд, нами было построено 286 терминологических гнезд, которые соответствуют всем типам словообразовательных гнезд, предложенных А.И. Моисеевым, что подтвердило релевантность использования классификации А.И. Моисеева для типологии терминологических гнезд: 75 элементарных гнезд («гнезд-пар слов»), 66 «гнезд-цепочек», 35 верных гнезд («гнезд-пучков») и 110 комплексных (комбинированных, полных) гнезд («гнезд-деревьев»).

Приведем примеры каждого из типов гнезд и рассмотрим связи, существующие между ними.

Примером непродуктивных, или элементарных, гнезд могут служить пары типа:

Effect —————> effect of compulsory language training
Model² —————> education / educational model

¹ Поскольку в русскоязычной социолингвистической традиции отсутствуют и аналогичное понятие и его номинация, мы использовали описательную семантизацию, выделив релевантные признаки, которые представлены в дефиниции этого понятия в целевом глоссарии.

² Полужирным шрифтом выделены термины, представленные в целевых глоссариях.

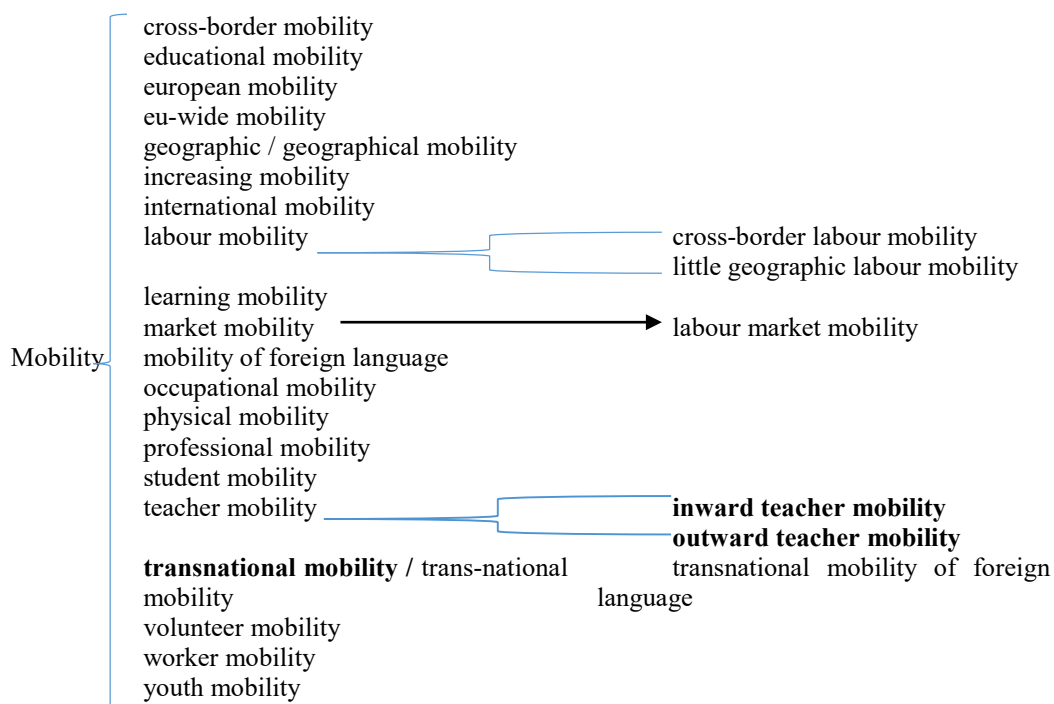
Примером гнезда-цепочки является терминологическое гнездо с вершиной *administration* ‘администрация’:

Administration → multi-lingual public administration → co-operative multi-lingual public administration

Примером веерного гнезда может служить терминологическое гнездо с вершиной *communication* ‘коммуникация’:

Пример комплексного гнезда с вершиной *mobility* ‘мобильность’ представлен ниже:

Анализ построенных терминологических гнезд позволил выявить общность ряда терминологических элементов, которые, в зависимости от конкретного гнезда, могут выполнять разные функции. Так, в терминологических гнездах с вершинами *model* и *communication* зависимыми терминологическими элементами являются, соответственно, номинации *education* ‘образование’ и *mother tongue* ‘родной язык’, которые одновременно являются вершинами в своих гнездах. Аналогичные функции в различных гнездах (и вершины, и зависимого терминологического элемента) могут выполнять следующие термины: *asylum* ‘убежище’, *background* ‘происхождение’, *climate* ‘климат’, *community* ‘сообщество’, *competence* ‘компетенция’, *country* ‘страна’, *course* ‘курс’, *dialogue* ‘диалог’, *diversity* ‘разнообразие’, *entrepreneurship* ‘предпринимательство’, *generation* ‘поколение’, *heritage* ‘наследие’, *knowledge* ‘знания’, *labour* ‘труд’, *language* ‘язык’, *literacy* ‘грамотность’, *minority* ‘меньшинство’, *mobility* ‘мобильность’, *mother tongue* ‘родной язык’, *pedagogy* ‘педагогика’, *people* ‘люди’, *policy* ‘политика’, *public* ‘общественность’, *refugee* ‘беженец’, *repertoire* ‘набор’, *resident* ‘житель’, *school* ‘школа’, *student* ‘учащийся’, *skill* ‘навык’, *society* ‘общество’,

technology ‘технология’, *youth* ‘молодежь’. Вышеперечисленные термины служат для связи между гнездами, обеспечивая деривативную системность терминологии целевой предметной области, в то время как каждое гнездо, отражая направления языковой политики, реализуемой на наднациональном уровне, репрезентирует микроучастки целевой предметной области.

Таким образом, наличие формальных и семантических связей внутри гнезда обеспечивает системность самого гнезда, а общность терминоэлементов, обеспечивая связи между гнездами, является важным фактором для формирования всей терминосистемы.

Заключение. Проведенное исследование позволило установить, что системность терминологии находит отражение в построении терминологических гнезд и экспликации системных связей между гнездами, что, во-первых, позволяет установить семантические связи между терминами как в гнездах, так и между гнездами, во-вторых, проследить динамику развития терминологии, в-третьих, представить направления развития отдельных микроучастков целевой предметной области, в-четвертых, вербализировать связи между понятиями и, в-пятых, выявить особенности терминообразования в целевой предметной области. Терминология языковой политики Евросоюза представлена системно организованными терминами в виде разных по количественному составу и типологии терминологических гнезд, которые объединены общими терминоэлементами, выполняющими системообразующую функцию. Наличие терминов в функциях вершины и зависимого терминоэлемента в терминологических гнездах обеспечивает деривативную системность терминологии целевой предметной области, отражая направления языковой политики, реализуемой на наднациональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cabré Castells M. T. Terminology. Theory, methods and applications. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999. – 248 p.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 304 с.
3. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
4. Макарихина О.А. К вопросу об изучении терминообразовательных отношений // Термин и слово. – 1981. – С. 29–38.
5. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
6. Шурьгин Н.А. Лексикологическая терминология как система. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. – 167 с.
7. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. мед. акад., 1998. – 276 с.
8. Богомолова С.И. Проблема формирования многокомпонентных терминосистем (на материале терминологии математической кибернетики) // Лингвистические проблемы формирования и развития отраслевых терминосистем. – Саратов, 1999. – С. 53–57.
9. Шимуля Р. Лексикализация словосочетаний как наиболее продуктивный способ пополнения терминологии (на примере подязыка информатики и вычислительной техники в русском языке) // Studia Wschodnioslowianskie. – 2006. – Т. 6. – С. 261–267.
10. Богатая Л. Выявление терминологических гнезд как один из методов современной гуманитаристики // Науковий вісник Чернів. ун-у. Філософія. – 2015. – Вип. 754-755. – С. 59–66.
11. Marciniak M., Mykowiecka A. Nested term recognition driven by word connection strength // Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. – 2015. – Vol. 21, iss. 2. – P. 180–204. DOI: <https://doi.org/10.1075/term.21.2.03mar>.
12. Marciniak M., Mykowiecka A. NPMI Driven Recognition of Nested Terms // Computational Terminology (Computerm): Proceedings of the 4th International Workshop / Dublin (23 August 2014). – Dublin, 2014. – P. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.3115/v1/W14-4805>.
13. Половец М. *Distance Learning* как гнездообразующий термин в предметной области компьютерной лингводидактики // Науковий вісник Східноєвроп. нац. ун-у ім. Лесі Українки. Сер. Філологічні науки (мовознавство). – 2014. – № 2. – С. 52–57.
14. Половец М.В. Терминологические гнезда как способ отражения системности терминологии (на примере англоязычных терминов компьютерной лингводидактики) // Изв. Рос. гос. пед. ун-а им. А.И. Герцена. – 2014. – № 170. – С. 56–61.
15. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестн. Моск. гос. област. ун-а. Сер.: Лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-5-18-28>.
16. Amorós-Negre C. Different paradigms in the history of Spanish language policy and planning // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2016. – Vol. 38, No. 1. – P. 65–78. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434632.2016.1165232>.
17. Бессонова Е.В. Методы лингвистического анализа терминологии // Термины в научной и учебной литературе. – 1988. – С. 98–105.
18. Адамчук Е.Ю. Инвентаризация специальной лексики, представленной в официальных документах сферы европейской языковой политики // Вестн. Моск. гос. област. ун-а. Сер. Лингвистика. – 2023. – № 2. – С. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2023-2-31-40>.
19. Моисеев А.И. Типы словообразовательных гнезд // Актуальные проблемы русского языка: тез. докл. V республ. научно-теор. конф. / ред.: А.Н. Тихонов; Самаркандский гос. пед. ин-т им. С. Айни. – Самарканд, 1987. – С. 263–264.
20. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 207 с.
21. Тихонова Е.Н. Словообразовательные гнезда в системе современной экономической терминологии // Вестн. Моск. гос. област. ун-а. Сер. Русская филология. – 2018. – № 2. – С. 87–96. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2018-2-87-96>.
22. Даниленко В.П. О терминологическом словообразовании // Вопросы языкознания. – 1973. – № 4. – С. 76–85.

Поступила 03.06.2023

**TERM NESTS AS A REFLECTION OF THE SYSTEM AND CONCEPTUAL DYNAMICS
OF THE FIELD OF KNOWLEDGE (ON THE EXAMPLE OF THE EU LANGUAGE
POLICY TERMINOLOGY)**

Ye. ADAMCHUK

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article presents the systematic nature of the terminology of the EU language policy through the construction of term nests. Terminological management techniques (inventory and ordering of terminology); derivational analysis; terminological nesting; structural analysis in identifying terminological elements typical for the target subject area are used to achieve the goal of the research. The methodology of the research is based on the works of leading scientists-terminologists. Nominations received as a result of processing by the terminological extractors Sketch Engine and AntConc of the research corpus based on the texts of 340 English-language official documents reflecting various aspects of the EU language policy, as well as the terms presented in the glossaries accompanying these documents make up the material of the research. 29 nests of all types, namely 4 potential nests, 75 elementary nests, 66 chain nests, 35 fan nests, and 110 complex nests, have been constructed. It has been found out that the term nests are an important means to systematize terminology, as they can be used to identify micro-sections of the target subject area and establish links between them. It has been deduced that the consistency within the nest is ensured by formal and semantic connections between the terms, and the presence of common terminological elements in different nests reflects the systematic nature of the target terminology.

Keywords: *terminological nest, term element, potential nests, elementary nests, chain nests, fan nests, complex nests.*

УДК 811.111'36

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-48-51

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ГЛАГОЛОВ В ФОРМЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА В АНГЛИЙСКОЙ ДРАМЕ XVII–XX ВВ.

канд. филол. наук А.В. ДИНЬКЕВИЧ

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

В статье выявляются лексико-семантические группы глаголов, употребляемых в форме длительного вида на протяжении новоанглийского периода (XVII–XX вв.). Определено, что формы длительного вида в большинстве случаев употребляются с глаголами динамической семантики. Вместе с тем зафиксирована тенденция роста употребления в форме *Continuous* статальных глаголов, что способствует закреплению за данными формами экспрессивного значения.

Ключевые слова: глагол, форма длительного вида, новоанглийский период, диахрония, лексико-семантическая группа глаголов, динамические глаголы, статальные глаголы.

В современной английской грамматике проблема форм длительного вида достаточно детально изучена. Категория вида в целом и глагольные формы *Continuous* в частности, с точки зрения их особого статуса в английском языке, являлись предметом постоянного исследования лингвистов прошлого столетия. Тем не менее, остаются возможности для ряда наблюдений в отношении данных форм, в частности, в диахроническом ракурсе. По-прежнему актуальными остаются вопросы, связанные со становлением форм *Continuous* в английской грамматической системе. С точки зрения диахронии английской глагольной системы, внимание привлекает эволюция данных форм в новоанглийский период, охватывающий более трех сотен лет их развития в языке.

В настоящей статье рассматривается лексический аспект функционирования форм длительного вида в новоанглийский период (XVII–XX вв.). В качестве фактического материала выступили драматургические произведения английских авторов, чье творчество можно отнести к новоанглийскому периоду развития английского языка: Б. Джонсона, О. Голдсмита, В. Конгрива, Р. Шеридана, О. Уайльда, Дж. Б. Пристли, Н. Кауарда, Д. Лессинг, М. Брэдбери, С. Беккета, Г. Пинтера, Т. Стоппарда и др.

Из драматургических произведений данных авторов общим количеством 3686 условных страниц методом сплошной выборки было извлечено 5218 примеров с формами длительного вида.

Полученные данные количественного анализа свидетельствуют в целом о стабильном росте употребления глагольных форм длительного вида на протяжении всего новоанглийского периода. Так, если в XVII–XVIII вв. в драме коэффициент употребления составил 0,5 случая на условную страницу текста (2000 знаков), то в XIX в. он вырос в 2,4 раза, составив 1,2 случая. Рост продолжился и в дальнейшем: в первой половине XX века коэффициент употребления достиг уже 1,96 случая на страницу текста, что в 1,6 раза больше, чем в XIX в. Во 2-й половине XX в. отмечено незначительное снижение коэффициента употребления – до 1,8 случая на страницу. В целом за весь XX в. этот показатель составил 1,88, что в 1,6 раза больше по сравнению с XIX в.

Все глаголы в форме *Continuous*, извлеченные из драматургических произведений, по своей видовой принадлежности были разделены на динамические и статальные. Данные количественного анализа позволили установить следующую частотность каждой из указанных групп глаголов в отобранных произведениях (таблица).

Таблица. – Частота употребления статальных и динамических глаголов в новоанглийском периоде, %

Временной срез	Видовая принадлежность глагола	
	Статальные	Динамические
VII–XVIII в.	0,9	99,1
XIX в.	3	97
1-я половина XX в.	10,6	89,4
2-я половина XX в.	7	93
Всего	7,1	92,9

Как видно, на протяжении новоанглийского периода употребление в форме *Continuous* глаголов динамического видового характера преобладает: в начале периода (в XVII–XVIII вв.), известном в истории английского языка как период «нормализации» [1, р. 175], зафиксировано абсолютное большинство употреблений динамических глаголов в форме длительного вида (всего 428 случаев или 99,1% всех длительных форм в драматургических текстах данного среза). В XIX веке выявлено в 3,5 раза больше таких употреблений, а именно 97% (или 917 случаев). В драматургических произведениях XX в. отмечен дальнейший рост употребления в длительной форме динамических глаголов – в первой половине 89,4% или 1782 случая (что в 1,9 раза больше, чем в начале периода) и во второй половине их частотность достигает 93% (1719 случаев). Таким образом, доля динамических глаголов в общем числе форм длительного вида в драматургических произведениях XX в. заметно снизилась по сравнению с предыдущими периодами.

Для анализа семантики отобранных динамических и статальных глаголов нами предлагается классификация, основанная на типологии глаголов авторов «Грамматики современного английского языка» Р. Кверка и С. Гринбаума [2, р. 46–47]. С точки зрения лексического значения в отобранных для анализа драматургических текстах в форме длительного вида употребляются динамические глаголы следующих лексико-семантических групп:

1) деятельности:

а) физической: *dance* ‘танцевать’, *dress* ‘одеваться’, *dine* ‘обедать’, *hunt* ‘охотиться’, *play* ‘играть’ *write* ‘писать’ и другие;

б) умственной: *brood* ‘размышлять’, *ponder* ‘обдумывать, взвешивать’, *think* ‘думать, размышлять’ и другие;

в) речевой: *ask* ‘просить, спрашивать’, *have a chat* ‘беседовать’, *moralise* ‘читать мораль’, *say* ‘сказать’, *speak* ‘разговаривать’, *talk* ‘говорить’ *tell* ‘рассказывать’ и другие;

г) передвижения: *approach* ‘подходить’, *come* ‘приходить’, *drive* ‘направляться’, *go* ‘идти’, *leave* ‘уезжать’ *run* ‘бежать’, *stroll* ‘прогуливаться’, *walk* ‘идти пешком’ и другие;

2) процессуальной семантики: *develop* ‘развиваться’, *go on* ‘продолжаться’, *grow* ‘расти, становиться’, *hold* ‘держат’, *lie* ‘лежать’, *look for* ‘искать’, *sit* ‘сидеть’, *stand* ‘стоять’, *wait* ‘ожидать’ и другие;

3) физических ощущений: *faint* ‘быть в обморочном состоянии’, *tremble* ‘дрожать’, *starve* ‘голодать’ и другие;

4) изменения состояния: *arrive* ‘приезжать’, *get* ‘становиться’, *stand up* ‘вставать’, *turn* ‘поворачиваться’ и другие;

5) мгновенного действия: *strike* ‘ударить’, *jump* ‘прыгнуть’ и другие.

Как видно, динамические глаголы достаточно разнообразны по тематике.

Полученные нами количественные данные о частотности употребления указанных лексико-семантических групп динамических глаголов на протяжении новоанглийского периода выглядят следующим образом (из общего количества 4846 случаев употребления или 100% случаев): употребление глаголов физической деятельности составили наибольшее количество случаев, а именно 37%, далее следуют глаголы передвижения – 23%, глаголы речевой деятельности – 13%, процессуальные глаголы – 10%, глаголы умственной деятельности – 6%, глаголы изменения состояния – 6%. Количество глаголов физических ощущений и глаголов мгновенного действия в форме длительного вида составляет 3% и 2% соответственно.

На фоне постепенного снижения динамических глаголов одновременно отмечается рост употребления в форме длительного вида статальных глаголов, что представляет еще больший интерес к изучению с точки зрения особенностей становления формы *Continuous* в английском языке. В нормативных грамматиках прошлого столетия последовательно проводились ограничения на употребление в форме *Continuous* статальных глаголов. Тем важнее для изучения потенциала длительных форм становится тот факт, что статальные глаголы, как показало наше исследование, могли употребляться еще на самом раннем этапе их закрепления в грамматической системе, а именно в новоанглийский период. Так, случаи употребления в форме *Continuous* глаголов статального видового характера фиксируются в пьесах уже в начале новоанглийского периода. Из детального анализа контекста, процесса общения действующих лиц следует, что в примерах со сказуемыми в форме *Continuous* отчетливо выражаются разнообразные эмоциональные оттенки. Например, сказуемое в форме *Continuous* с глаголом со значением волеизъявления *wish* ‘желать’ в примере *By the laws, your worship, that's perfectly impossible. Whenever Diggory sees yeating going forward, ecod, he's always wishing for a mouthful himself*¹ обозначает действие, неограниченное во времени, повторяющееся постоянно, и тем самым способно подчеркивать раздражение говорящего; сказуемое в форме длительного вида с статальным глаголом отношения *be* ‘быть’ в примере *Why, Julia – my love – say but that you forgive me – now this is being too resentful*² акцентирует внимание на текущей ситуации, носящей временный характер (‘обижаться’), усиливая оттенки сомнения, растерянности; сказуемое в форме длительного вида с глаголом эмоционального состояния *hope* ‘надеяться’ как в примере *‘Hoping you are in good health,’*³ усиливает оттенок вежливости, помогает коммуниканту выразить почтительное отношение к собеседнику.

Взаимодействие видовой семантики статальных глаголов с грамматическим значением процессуальности форм длительного вида приводит к возникновению эмоционально-экспрессивных оттенков и проявлению прагматического потенциала данных форм, который начинает проявляться уже в начале новоанглийского периода. Статальные глаголы продолжают употребляться в форме длительного вида в пьесах XIX в. К вышеупомянутым глаголам добавляются случаи употребления в форме *Continuous* глаголов чувственного восприятия. К ним примыкают случаи использования связочного глагола *look* ‘выглядеть’: *LADY CHILTERN. Good morning, dear! How pretty you are looking!*⁴. Сказуемое в форме длительного вида с указанным глаголом в данном примере проявляет прагматический потенциал, усиливая передачу комплимента. В XIX в. также стало возможным употребление в *Continuous* статальных глаголов эмоционального состояния (например, *forgive* ‘прощать’) и чувственного восприятия (например, *feel* ‘чувствовать’, *hear* ‘слышать’): *I'm feeling very well, Aunt Augusta*⁵.

В драме 1-й половины XX в. в форме длительного вида отмечен статальный глагол отношения *depend* ‘зависеть’: *ORMUND: Hello, Brensham? Oh – that you, Sykes? ...Yes, will you work out the marketing costs, and I'll*

¹ URL: <http://www.gutenberg.org/files/383/383-h/383-h.htm>.

² URL: <http://www.gutenberg.org/files/790/790-h/790-h.htm>.

³ URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1292/pg1292.txt>.

⁴ URL: <http://www.gutenberg.org/files/885/885-h/885-h.htm>.

⁵ URL: <http://www.gutenberg.org/files/844/844-h/844-h.htm>.

do the rest [...] Well, work all night then – put a wet towel round your head and a bottle of whisky on your desk. ... Nonsense! Holidays are for boys and girls, not men. ... All right. I'm depending on you. 'Bye' [2, p. 100]. В этот же период в орбиту глаголов, которые были зафиксированы в форме *Continuous*, вовлекается модальный глагол *have (to)* 'вынужден': KAY [affectionately]: Now that it's civilians, she's **having to change** her technique – and she's a bit uncertain yet [3, p. 29]. Тогда же в драме впервые отмечены глаголы *hate* 'ненавидеть', *imagine* 'воображать', 'представлять себе', *let* 'позволять', *recognize* 'узнавать', *remember* 'помнить', *resent* 'негодовать', *smell* 'пахнуть', *understand* 'понимать'.

Во драме 2-й половины XX в. к уже зарегистрированным в форме *Continuous* добавляется глагол *like* 'нравиться': How **are you liking** it here? [4, p. 45]. В текстах указанного периода употребление некоторых стальных глаголов в форме длительного вида даже приобретает узуальный характер:

MIKE (seriously): Yes. (He lifts his glass to drink. Seeing TONY's face, lowers it again.) You're **not looking** too well, young Tony. And your mother's **not looking** too well either.

TONY: Mother's **not looking** well?

SANDY: Why, Myra's on top of her form.

MIKE: I thought she **wasn't looking** too well. (Wistfully) She really does need someone to look after her [5, p. 104].

Таких употреблений глагола *look* 'выглядеть' в проанализированных драматургических произведениях отмечено 31 случай в 1-й половине и 25 – во 2-й половине XX в.

Согласно нашим данным, динамика употребления стальных глаголов в длительной форме в новоанглийский период характеризуется следующими показателями: если в эпоху «нормализации» отмечены всего 4 таких случая, то в XIX в. зафиксировано уже 28 подобных случаев, что указывает на их значительный рост (в 7 раз). Рост употребления стальных глаголов в форме *Continuous* продолжается в первой половине XX в. (211 форм, т.е. в 7,5 раз больше, по сравнению с предыдущим периодом). В произведениях 2-й половины XX в., однако, отмечено небольшое снижение интенсивности употребления стальных глаголов в форме *Continuous* до 129 форм. Поиск причин такого положения дел представляет интерес для дальнейшего изучения. Можно предположить, что оно связано с развитием новых литературных жанров драмы, таких, например, как театр абсурда (С. Беккет, Г. Пинтер), в которых акцент смещается с воздействия на читателя/слушателя при помощи языковых средств на оказание воздействия посредством жанровых особенностей произведения.

Стальные глаголы, которые были зафиксированы в форме *Continuous*, по своему лексическому значению относятся к следующим лексико-семантическим группам (согласно классификации стальных глаголов Р. Кверка и С. Гринбаума):

1) глаголы непроизвольного чувственного восприятия: *feel* 'чувствовать', *hear* 'слышать', *look* 'выглядеть', *notice* 'замечать', *see* 'видеть', *smell* 'чувствовать запах', *sound* 'звучать';

2) эмоционального состояния: *deserve* 'заслуживать', *desire* 'желать', *despair* 'отчаиваться', *despise* 'презирать', *dread* 'бояться', *envy* 'завидовать', *forgive* 'прощать', *hate* 'ненавидеть', *like* 'нравиться', *love* 'любить', *regret* 'сожалеть', *resent* 'негодовать', *wonder* 'удивляться, хотеть знать';

3) желания и волеизъявления: *expect* 'ожидать, надеяться', *have to* 'быть вынужденным', *hope* 'надеяться', *intend* 'намереваться', *let* 'позволять', *need* 'нуждаться', *suggest* 'предлагать', *want* 'хотеть', *wish* 'желать';

4) непроизвольной умственной деятельности / восприятия: *admit* 'признавать', *agree* 'соглашаться', *assume* 'предполагать', *consider* 'считать', *forget* 'забывать, не помнить', *guess* 'предполагать', *imagine* 'представлять (себе)', *mean* 'иметь в виду, подразумевать', *mind* 'обращать внимание, считаться', *misinterpret* 'неправильно истолковать', *misunderstand* 'неправильно понять', *presuppose* 'предполагать', *recognize* 'узнавать', *regard* 'рассматривать, считать', *remember* 'помнить', *think* 'думать, полагать', *understand* 'понимать';

5) объективного отношения: *be* 'быть', 'принадлежать', *concern* 'касаться, иметь отношение', *cost* 'стоить', *depend* 'зависеть', *remain* 'оставаться'.

Частотность употребления данных лексико-семантических групп стальных глаголов в форме длительного вида в пьесах XVII–XX вв., выглядят следующим образом (из общего количества 372 употребления, составляющих 100%): глаголы непроизвольного чувственного восприятия – 46%, глаголы объективного отношения – 30,5%, глаголы желания и волеизъявления – 9,3%, глаголы эмоционального состояния – 8%, глаголы умственной деятельности / восприятия – 6,2%. При этом в пьесах наиболее часто употреблялись глаголы чувственного восприятия *feel* 'чувствовать' (66 случаев) и *look* 'выглядеть' (63 случая), глагол отношения *be* 'быть' (59 случаев) и глагол умственного восприятия *think* 'думать, полагать' (36 случаев). Данный факт может свидетельствовать о том, что употребление указанных стальных глаголов в форме длительного вида становится узуальным, хотя данные глаголы в форме длительного вида не всегда утрачивают экспрессивную коннотацию. В примере *How sweet you're looking!*⁶ глагол чувственного восприятия *look* 'выглядеть' в форме длительного вида имеет экспрессивную окраску и способствует передаче говорящим комплимента.

Справедливо утверждать, что формы *Continuous* со всеми стальными глаголами, зафиксированными в пьесах на протяжении всего новоанглийского периода, представляют собой прагматические случаи их использования.

Анализ примеров показывает, что при взаимодействии лексического видового значения стальности с грамматическим значением длительного вида отчетливо проявляются определенные эмоциональные оттенки высказывания, таких, например, как раздражение, недовольство, категоричность и критику. Так, в примере *I'm*

⁶ URL: <http://www.gutenberg.org/files/790/790-h/790-h.htm>.

hating this house-party [6, p. 139] сказуемое со статальным глаголом непроизвольного эмоционального восприятия *hate* 'ненавидеть' в форме длительного вида выражает интенсивность чувств говорящего в конкретный момент времени. Высказывание имеет ярко выраженную негативную окраску раздраженности, недовольства, неприязни говорящего ко всем участникам общения. Употребление в форме длительного вида глаголов желания и умственной деятельности, как в примере: *I'm so hoping that you and Elizabeth will come and stay with us in Florence* [7, p. 44], наоборот, способствует выражению вежливости, участия.

Употребление в форме длительного вида статальных глаголов эмоционального состояния/отношения, как в отрывке: PROFESSOR [*coolly*]: *Feeling miserable, aren't you?* JEAN: *Yes. And hating myself.* PROFESSOR [*calmly*]: *That's the trouble. You're resenting your own emotions. Quite wrong* [8, p. 276], позволяет говорящему особенно четко выразить интенсивность чувств (в данном примере – грусти, разочарования).

Нужно отметить, что под влиянием грамматического значения формы *Continuous* значение статальных глаголов может подвергаться модификации. Так, глаголы пассивного восприятия (*verbs of inert perception* по Р. Кверку, С. Гринбауму) начинают восприниматься как глаголы преднамеренного восприятия (*verbs of voluntary perception*), что подчеркивает интенсивность состояния. В высказывании, где в форме длительного вида употреблены глаголы умственного или эмоционального состояния/восприятия, а также глаголы чувственного восприятия, в позиции подлежащего, как правило, находится активный субъект, который не только пассивно воспринимает, но и предпринимает усилия, чтобы воспринять, а также контролирует процесс восприятия, мышления и управляет им.

Таким образом, в новоанглийский период в форме *Continuous* преобладают динамические глаголы. Они достаточно разнообразны по своей тематике: глаголы физической деятельности, передвижения, речевой деятельности, процессуальные глаголы, глаголы умственной деятельности, физических ощущений, изменения состояния, мгновенного действия. Лексическое значение данных глаголов взаимодействует с грамматическим значением процессуальности формы длительного вида, что позволяет выразить разнообразные видовые значения. В то же время отмечена тенденция к употреблению в форме длительного вида статальных глаголов, имеющих ограничения на употребление в данной форме. К ним относятся глаголы непроизвольного чувственного восприятия, эмоционального состояния, желания и волеизъявления, умственного состояния / восприятия, объективного отношения. Несмотря на семантические ограничения, на протяжении новоанглийского периода наблюдается стабильный рост количества употреблений данных глаголов в форме длительного вида. Как правило, они фигурируют в экспрессивных, эмоционально окрашенных высказываниях, что указывает на отчетливый прагматический потенциал сказуемых со статальными глаголами в длительной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Расторгуева Т.А. История английского языка: учеб. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 248 с.
2. Quirk R. A, Greenbaum S. Grammar of contemporary English. – Harlow: Longman, 1992. – 922 p.
3. Priestly J. B. I have been here before // Time and the Conways and other plays. – Harmondsworth: Penguin Books, 1977. – P. 83–156.
4. Priestly J. B. Time and the Conways // Time and the Conways and other plays. – Harmondsworth: Penguin Books, 1977. – P. 7–82.
5. Bradbury M. The After Dinner Game. – London: Methuen, 1961. – P. 22–78.
6. Lessing D. Each His Own Wilderness. – London: Methuen, 1960. – P. 87–167.
7. Coward N. The vortex // Plays: one; introd. R. Mander, J. Mitchenson. – London: Methuen, 1979. – P. 95–175.
8. Maugham S. The circle // Three comedies. – New York : George H. Doran Company, 1974. – P. 1–85.

Поступила 07.04.2023

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF VERBS IN THE CONTINUOUS FORM IN ENGLISH DRAMA OF XVII–XX CENTURIES

A. DZINKEVICH
(Mogilev State A. Kuleshov University)

The article identifies lexico-semantic groups of verbs which were used in the Continuous form through the Modern English period (XVII–XX centuries). It has been determined that in most cases the Continuous forms are used with the verbs of dynamic semantics. Nevertheless there has been revealed a tendency of Continuous forms to increase their use with stative verbs, which contribute to the fixing of expressive meaning in these forms.

Keywords: verb, Continuous form, Modern English period, diachrony, lexico-semantic group of verbs, dynamic verbs, stative verbs.

ТОПОНИМНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В УРБАНОНИМИИ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

канд. филол. наук, доц. М.Л. ДОРОФЕЕНКО
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1094-7316>
e-mail: mari008@mail.ru

В статье обоснована актуальность сопоставительного изучения урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от названий географических объектов. Установлены как общие, так и национально-специфические тематические группы названий, свойственные двум системам. Описана полевая структура подсистемы оттопонимных урбанонимов, ядерно-периферийные отношения, свойственные ей; продемонстрировано, что системе урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от названий топонимных ориентиров, свойственны как типологически сходные (тематическая общность групп названий; парциальное совпадение полевого строения систем и репрезентации текстов культуры), так и национально-специфичные черты (различия в составе выделенных групп и реализуемых названиями текстов культуры, неодинаковое количественное соотношение групп как отражение различий национальных номинативных приоритетов). На обширном иллюстративном материале показано, что система названий улиц белорусских и французских городов обладает чертами индивидуальности и, в то же время, является примером устойчивого воплощения основных исторических тенденции урбанонимной номинации в целом.

Ключевые слова: топоним, топонимный ориентир, внутригородское название, тематическая группа, урбаноним, Беларусь, Франция.

Введение. В современной ономастике объектом анализа выступают как наименования отдельных городов, так и целого региона. Изучение географических названий ведется на уровне комплексного подхода к наименованиям как объекту анализа, однако важным представляется их подробное изучение, позволяющее детально определить национальные характерные черты, главным образом, в сопоставлении с ономастическими системами других стран. Основываясь на классификациях, предложенных А.М. Мезенко, Р.В. Разумовым, Н.Ю. Забелиным, П.-А. Билли, для анализа белорусской и французской урбанонимных систем мы взяли за основу соотносительность именной части внутригородского наименования с одним из разрядов ономов, а именно – с топонимами.

Цель настоящей статьи – установление номинативных особенностей урбанонимов Беларуси и Франции, связанных с топонимными ориентирами, как одной из тематических групп внутригородских названий.

Сопоставительный анализ тематической организации и лексико-семантического наполнения национальных систем внутригородских онимов позволяет расширить научные представления не только об общих, но и отличительных чертах этого разряда собственных имен и является одним из наиболее целесообразных и перспективных для определения содержательных характеристик урбанонимных систем анализируемых городов, что и определяет актуальность осуществленного исследования. Реализация цели предполагает решение следующих задач: определить тематические группы, соответствующие анализируемым наименованиям; выделить основные тексты культуры (далее – ТК), транслируемые данными номинативными единицами, установить ядерно-периферийные отношения в системе урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от названий различных видов географических объектов. Данная разновидность урбанонимов пока не анализировалась специально в ономастических исследованиях, посвященных белорусской и французской ономастике. Оттопонимные внутригородские названия не изучались в аспекте текстов культуры. Два данных факта и определяют новизну нашего исследования.

Основная часть. Материалом для изучения послужили образованные от топонимов урбанонимы отдельных городов Витебской области Беларуси и Большого восточного региона Франции общей численностью 570 единиц при количественном превалировании более, чем в четыре раза, данной разновидности названий внутригородских объектов в урбанонимии Франции. Номинативные единицы были отобраны методом целенаправленной выборки из справочников улиц городов Беларуси и Франции и электронных карт. В рамках синхронного анализа оттопонимных урбанонимов использовался описательный метод для установления явлений, представления их свойств. Сопоставительный метод позволил охарактеризовать реалии соотносимых неродственных языков, установить общее и различное в схожих единицах, количественный – представить числовые данные результатов, полевой – описать данную урбанонимную подсистему посредством установления ядерно-периферийных отношений, характерных для нее.

Анализируемая группа номинаций составляет 3,1% от общего количества названий в урбанонимии Беларуси (далее – УБ) и 11,1% – в системе внутригородских номинаций Франции (далее – УФ). Как отмечает С. Жандрон, анализируя урбанонимы Ла-Шатра, годонимы топонимного происхождения (от названий деревень, поселков, земельных участков) составляют 24,5% от общего числа наименований [1, с. 94].

Топонимные ориентиры в урбанонимном пространстве – тематический сектор лингвокультурологического поля «Место» урбанонимного пространства Беларуси и Франции наряду с еще пятью секторами – «архитектурные ориентиры», «урбанонимные ориентиры», «физико-географические особенности», «параметрические

особенности», «пространственные особенности». Данные сектора наименований объединены концепцией описания определенного места на основе лексико-семантической общности, выполнения локализирующей функции и реализации текстов культуры.

Урбанонимы, восходящие к топонимам, изучены как часть системы внутригородских названий населенного пункта в работах белорусских, российских и французских ученых, а целенаправленное исследование этих единиц в рамках одного или нескольких населенных пунктов не осуществлялось. Так, по мнению А.М. Мезенко, принцип номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам осуществляется через два признака, второй из которых указывает «на связь внутригородского объекта с другим географическим объектом вне города. Данный признак объединяет большое число урбанонимов, мотивированных топонимами, гидронимами, оронимами и т.п.»¹. Согласно М.В. Горбаневскому, «второй основной (с точки зрения статистики – первой основной, ибо она более продуктивна, чем онимизация апеллятивов) моделью номинации русских географических названий (в целом) и внутригородских топонимов (в частности)» считается их мотивация «другими онимами: названия городов, поселков, деревень, улиц, переулков, площадей, рек, озер, гор и т.д. широко образуются от уже существующих в языке и функционирующих в речи антропонимов, топонимов, эргонимов, агонимов и т.д.» [2, с. 81]. По результатам проведенного автором анализа, «в каждом из больших, малых и средних городов России среди названий улиц и др. явление трансонимизации на 95–97% обеспечивается двумя главными разновидностями имен зон земного пространства – антропонимами и топонимами, которые выступают в качестве основных мотивирующих основ» [2, с. 100]. Как считает автор, «эта подгруппа и объединяет в себе подавляющее большинство тех имен собственных, которые реально становились названиями улиц и переулков, проспектов и бульваров, проездов и площадей претерпевая процесс (акт) трансонимизации» [2, с. 100].

Р.В. Разумов, исследуя систему урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля), приходит к выводу, что основное влияние на развитие урбанонимов, мотивированных топонимами, «оказывало расширение территории: присоединение пригородных слобод, поселков, сел и деревень. Поэтому урбанонимы, мотивированные топонимами, отражают, в основном либо расположение объектов, присоединенных к черте города <...>, либо расположение путей сообщения»². Н.Ю. Забелин среди принципов номинации внутригородских объектов выделяет принцип «по названиям так называемых выездных улиц, в которых обозначены направления в сопредельные населенные пункты, по названиям населенных пунктов, вошедших в состав города и другие оттопонимические названия»³. А.Н. Соловьёв в результате анализа оттопонимических урбанонимов Смоленщины выявляет типичные ситуации, вызвавшие появление внутригородских наименований, образованных от названий географических объектов, и функции данных наименований [3].

Во французской ономастике наблюдается схожая ситуация: данная разновидность урбанонимов исследована как часть системы внутригородских наименований. Ж. Мелле обнаруживает в городской топонимии Дижона названия, указывающие на факты физической географии: *rue de Suzon* ‘улица Сюзона’ была построена на месте старого ручья Сюзон; *rue de l'Île* ‘Островная улица’ расположена между двумя протоками реки Уш. Далее он уточняет, что к этой категории можно также отнести улицы, именованные по названиям соседних населенных пунктов, к которым они направлены (*rue d'Auxonne* ‘улица Осона’, *rue de Gray* ‘улица Гре’, *rue de Talant* ‘улица Талана’). Как утверждает автор, эти названия часто объясняются уже исчезнувшими к данному моменту реалиями [4, р. 136]. Ж. Кантен также пишет о существовании подобных наименований в Реймсе, где зарегистрирована улица по названию реки Вель [5, р. 178]. По его мнению, «названия улиц больше не напоминают сельскую местность, кроме как косвенно, через местность, к которой они (или их продолжение) ведут» [5, р. 179].

Ф. де Борепер свидетельствует о существовании в Руане улиц, названных по пункту назначения маршрутов выезда из города. Линейные объекты, ведущие из городов, обычно обозначаются по месту назначения [6, р. 56]. П.-А. Билли предлагает семантико-референтную классификацию, в которой анализируемая группа названий входит в сектор «Направления» [7, р. 21], подсектор «Деревни, города или страны, к которым улицы ведут» [7, р. 21] пространства «Функциональные характеристики» [7, р. 17].

Б. Босредон и И. Тамба считают, что есть две постоянные схемы построения названий улиц: (1) *rue Descartes* ‘улица Декарта’ и (2) *rue de Rennes* ‘улица Ренна’⁴, описывая которые авторы уделяют внимание в том числе и предлогу, который употребляется с артиклем или без него перед названиями городов, рек, стран, и не используется перед фамильным антропонимом. Ученые уточняют, что исторически топонимы вводились в уличную номенклатуру в три этапа, а «самый древний восходит к средневековым обычаям обозначать улицы, в том числе, по знакомым географическим ориентирам. Поэтому в основе этих наименований лежит референциальная мотивация, интерпретация которой композиционная...»⁴. Таким образом, *rue de Paris* ‘Парижская улица’ подразумевает расположение улицы в направлении Парижа⁴, то есть название выполняет не только идентифицирующую функцию, но еще и локализирующую. По мнению Д. Бадариотти, урбанонимы могут восходить к названиям

¹ Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.02 / Минск. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1991. – С. 23–24.

² Разумов Р.В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2003. – С. 11.

³ Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ин-т яз-ния РАН. – М., 2007. – С. 17.

⁴ URL: <http://journals.openedition.org/linx/743>.

ближних и дальних географических объектов (городов, деревень, провинций, стран) [8, р. 299]. С. Жандрон выделяет несколько периодов формирования топонимии Ла-Шатра, отмечая, что для четвертого из них в основном характерны урбанонимы, образованные от названий деревень, поселков и земельных участков коммуны Ла-Шатр [1, р. 92]. Нами установлено, что в урбанонимии французской коммуны Ла-Гард функционируют внутригородские названия, мотивированные топонимами, среди которых названия коммун; хоронимы (наименования актуальных и существовавших до административно-территориальной реформы регионов Франции), гор и горных массивов [9, с. 121]; что оттопонимные названия, отвечающие принципу номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам, восходят в основном к наименованиям географических объектов, расположенных во Франции [9, с. 121]. Данная разновидность внутригородских названий отчасти описана в сопоставительном исследовании Е.А. Сизовой, выделившей 12 групп основ, общих для Лондона, Москвы и Парижа, среди которых названы наименования, образованные от топонимов⁵.

Город, согласно семиотическому подходу к интерпретации его пространства, является отображением и генератором культуры, содержащим множество микротекстов, к которым можно отнести и урбанонимы, транслирующие, в свою очередь, определенные ТК, связанные с географической местностью. ТК экспонируются в анализируемых урбанонимах путем указания на отношение к стране, в которой расположен тот или иной топонимный ориентир.

В урбанонимных подсистемах Беларуси и Франции зафиксированы как общие, так и национально-специфические группы. В ядро общих входят урбанонимы, образованные от **астонимов** (38,5 % от общего количества названий двух лингвокультур. В УБ данная группа занимает 42,9% и входит в ядерное пространство в рамках белорусской подсистемы, в УФ – 35,9% (ядерное пространство в рамках французской подсистемы). Соотношение мотивирующих основ, задействованных в двух урбанонимных подсистемах представлено на рисунке 1.

К примеру, *Бешенковичская ул.*⁶, *Оршанская ул.*; *avenue de Metz* ‘проспект Меца’ – Мец – город на северо-востоке Франции в Большом восточном регионе Франции, *route de Montmirail* ‘шоссе Монмирай’ – Монмирай – город, расположенный в департаменте Марна Большого восточного региона Франции. Как правило, данные внутригородские названия указывают направление к какому-либо населенному пункту. Урбанонимы данной группы могут быть образованы от названий близлежащих городов, административных центров районов, областей. В УБ названия этой подгруппы транслируют четыре ТК, из которых доминирующим является белорусский (*Витебская ул.*, *Сенненская ул.*), зафиксированы также одиночные названия, экспонирующие русский (*Московская ул.*, *Невельская ул.*), латвийский (*Рижский пер.*), литовский (*Вильнюсское ш.*) ТК. В УФ данные урбанонимы репрезентируют семь ТК, из которых наибольшее распространение получает французский (*rue de Mulhouse* ‘улица Мюлуза – Мюлуз – город, расположенный в департаменте Верхний Рейн Большого восточного региона Франции), единичными примерами представлены немецкий (*rue de la Brême* ‘улица Бремена’ – Бремен – город в северо-западной части Германии), швейцарский (*rue de Lucerne* ‘улица Люцерна’ – Люцерн – город в Швейцарии) и бельгийский

⁵ Сизова Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск., 2004. – С. 10.

⁶ Здесь и далее – примеры, приведенные для белорусской урбанонимии, зарегистрированы в городах Витебской области Беларуси, для французской – в городах Большого восточного региона Франции.

(*rue de Liège* ‘улица Льежа’ – Льеж – город в регионе Валлония Бельгии). К ядру также близки внутригородские названия, восходящие к **комонимам** (37% от количества урбанонимов двух подсистем: УБ – 29% (околоядерное пространство); УФ – 39,1% (ядерное пространство)). Например, *Аксановская ул.*, *Смольянский пер.*; *rue de Berru* ‘улица Беррю’, *route de Marson* ‘шоссе Марсон’ (Беррю и Марсон – деревни, расположенные в департаменте Марна Большого восточного региона Франции). Данная группа включает урбанонимы, связанные с названием населенного пункта сельского типа, к которому улица ведет, и урбанонимы, сформированные на базе наименований населенных пунктов, присоединенных к городской черте (данные наименования, помимо локализирующей функции, выполняют и меморативную, так как включают как лингвистическую, так и историческую информацию, т.е. отражают современные реалии и сохраняют сведения об определенном явлении конкретной эпохи. В белорусской и французской урбанонимных подсистемах наблюдается тождественная ситуация в плане реализации текстов культуры: в УБ и УФ названия данной разновидности транслируют исключительно национальный текст культуры – белорусский и французский, соответственно.

Околоядерное пространство представлено урбанонимами, образованными от **гидронимов**, то есть названий водных объектов – озер, рек, ручьев и т.д. (11,2%; УБ – 20,0% (околоядерное пространство); УФ – 9,2% (околоядерное пространство)). В УБ данная группа транслирует два ТК, из которых чаще представлен белорусский (*Березинская ул.*, *ул. Витьба*, *ул. Ульянка*), а в УФ – четыре, при этом многочисленнее названия, реализующие французский ТК (*rue de la Lague* ‘улица Ларга’ (Ларг – река, протекающая в департаменте Верхний Рейн Большого восточного региона), *rue de Vesle* ‘улица Вель’ (Вель – река, протекающая преимущественно по департаменту Марна Большого восточного региона), на остальные же приходится по одному наименованию, например, немецкий ТК (*rue du Muhlwasser* ‘улица Мюльвассера’, Мюльвассер – река в Германии)). Определенные сложности возникали при определении ТК в случае мотивации названием реки, протекающей на территории нескольких стран, поэтому мы установили, что критерием для таких названий будет являться место истока водного объекта. Периферийное пространство составляют урбанонимы, мотивированные названиями типов поселений (1,5%; УБ – 6,7% (периферийное пространство); УФ – 0,2% (периферийное пространство)): *Хуторская ул.*; *chemin des Bourgs* ‘Деревенский тракт’. Данные урбанонимы, образованные от типов населенных пунктов, либо вошедших в городскую черту, либо существующих неподалеку, не имеют привязки к географическому месту в самом названии, однако апеллируют к поселениям той страны, в которой находится мотивированный ими урбаноним, поэтому мы будем считать, что в УБ они реализуют белорусский ТК, а в УФ – французский.

Помимо общих тематических групп, в каждой системе зафиксированы национально-специфические, названия которых входят в периферийное или околоядерное пространство: в белорусской – одна; во французской – три.

Так, в УБ это группа названий, образованных от **микротопонимов** (1 название; 1%); *ул. Большая Слобода*, транслирующая белорусский ТК). В УФ частные группы включают большее количество урбанонимов, образованных от:

1) **хоронимов** (9,2% – околоядерное пространство). Отхоронимные урбанонимы восходят к названиям территорий, департаментов, регионов, стран и реализуют пять ТК: французский (большее количество названий, *avenue d'Alsace* ‘Эльзасский проспект’ – Эльзас – исторический регион на северо-востоке Франции, граничащий с Германией и Швейцарией, *rue de la Marne* ‘Марнская улица’ – Марна – один из департаментов Большого восточного региона Франции), немецкий (*allée de la Bavière* ‘Баварская аллея’ (Бавария – одна из немецких земель), бельгийский (*place de la Belgique* ‘Бельгийская площадь’ – Бельгия – страна, граничащая с Францией), люксембургский (*promenade du Luxembourg* ‘Люксембургская набережная’ – Люксембург – страна, с которой граничит Франция), римский (*rue de Salm* ‘улица Сальм’ – Сальм-Сальм – графство, а затем княжество Священной Римской империи, существовавшее на территории французских департаментов Нижний Рейн и Вогеzy в Средние века);

2) **оронимов** (6,7% – околоядерное пространство). Урбанонимы этой группы восходят к собственному имени любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного), при этом для данной территории характерны урбанонимы, образованные от названий различных возвышенностей: *rue du Mont-Blanc* ‘улица Монблана’ – Монблан – самая высокая точка Альп, *avenue des Vosges* ‘Вогеzский проспект’ – Вогеzy – горный массив на северо-востоке Франции; и островов: *route du Rohrschollen* ‘шоссе Роршолена’ – Роршолен – остров в Страсбурге. Наименования этой подгруппы репрезентирует три ТК, из которых более частый – французский (*rue du Climent* ‘Климонская улица’ – Климон – вершина массива Вогеzов, *rue du Vercors* ‘Веркорская ул.’ – Веркор – горный массив во Французских Предальпах), на остальные два приходится по одному примеру: немецкий (*rue de la Hohwart* ‘Ховартская ул.’ – Ховарт – гора недалеко от деревни Брайтнау в Шварцвальде в немецкой земле Баден-Вюртемберг), швейцарский (*rue du Saint-Gothard* ‘Сен-готардская ул.’ – Сен-Готард – горный перевал Швейцарских Альп);

3) **иных административно-территориальных единиц** (1,6% – периферийное пространство). В данной группе объединены урбанонимы, восходящие к названиям территорий, административные типы (городской, сельский) которых не удалось определить (в основном коммуна). Эти наименования транслируют немецкий (*rue du Hohberg* ‘Хобергская ул.’ – Хоберг – коммуна в Германии) и швейцарский ТК (*rue de Rochefort* ‘Рошфорская ул.’ – Рошфор – швейцарская коммуна в кантоне Невшатель, расположенном в Приморском регионе).

В результате проведенного исследования установлено, что проанализированные урбанонимы Беларуси транслируют четыре ТК, среди которых лидирует белорусский (88%; *Минская ул.*, *Оршанская ул.*), немногочисленны русский (10%; *Велижская ул.*), латвийский (1%; *Рижский пер.*), литовский (1%; *Вильнюсское ш.*) ТК. Исследованные внутригородские названия Франции репрезентируют десять ТК, из которых преобладают французский (89,9%; *chemin de la Cherpe* ‘шоссе Ла-Шеппе’ – Ла-Шеппе – коммуна, расположенная в департаменте Марна Большого восточного региона Франции, *chemin de Saint-Gibrien* ‘тракт Сен-Жибриен’ – Сен-Жибриен –

коммуна департамента Марна в Большом восточном регионе Франции), немецкий (4,5%; *allée de Cologne* 'Кёльнская аллея' – Кёльн – город в Германии, *rue de Neuss* 'Нойсская улица' – Нойс – город в Германии), швейцарский (2,6%; *rue de Bienne* 'Бильская улица' – Биль – город в Швейцарии), а остальные представлены единичными примерами (до пяти). ТК некоторых названий не удалось определить однозначно, так как мотивирующие основы относятся к территории нескольких стран.

Заключение. Таким образом, системе урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от названий топонимных ориентиров, свойственны как типологические, так и различные черты, так как подсистемы внутригородских названий Беларуси и Франции, бесспорно, обладают отличительными чертами, отражая при этом исторические тенденции урбанонимной номинации в целом. Так, в обеих системах функционируют как общие, так и национально-специфические группы названий; частично совпадает полевое строение систем: в УБ в ядро входят отастионимные названия, в УФ – откомонимные и отастионимные; околоядерное пространство как УБ, так и УФ составляют отгидронимные наименования, в периферийном пространстве занимают место названия, восходящие к типам поселения; наблюдаются определенные совпадения в трансляции ТК (в обеих системах с большим количественным отрывом преобладают названия, реализующие национальный ТК – белорусский в УБ и французский в УФ, остальные ТК представлены малочисленными наименованиями). Однако можно обнаружить и национально-специфические характеристики, дифференцирующие две урбанонимные подсистемы: общие тематические группы характеризуются разным процентным соотношением в системах; большее количество индивидуальных групп в УФ; несовпадающее количество закодированных в урбанонимах ТК (в УФ их в два раза больше).

Таким образом, системе урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от названий топонимных ориентиров, свойственны как общие (определенная тематическая общность, заключающаяся в существовании одинаковых групп названий; парциальное совпадение полевого строения систем и репрезентации ТК), так и национально-специфические (разные номинативные приоритеты, выражающиеся в разном количественном соотношении групп названий в системах; несовпадение количества выделенных групп и реализуемых названиями ТК) черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gendron S. Odonymie de La Châtre (Indre) // Nouvelle revue d'onomastique. – 2014. – №56. – P. 71–99.
2. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / Ин-т языков народов России. – М.: Общ-во любителей российской словесности, 1996. – 304 с.
3. Соловьёв А.Н. Урбанонимы Смоленской области, образованные от топонимов // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Ю.В. Дулова и др. – Витебск, 2023. – С. 162–166.
4. Mellet G. Les noms de rues à Dijon: étude de géographie urbaine // L'information géographique. – V. 13. – 1949. – №4. – P. 135–137.
5. Quantin G. Les noms de rues de Reims // Revue Internationale d'Onomastique. – 1950. – 2e année. – №3. – P. 177–192.
6. Beaurepaire de F. Aux origines de la toponymie urbaine: les anciens noms de rues de Rouen // Nouvelle revue d'onomastique. – 1996. – №27–28. – P. 55–66.
7. Billy P.-H. Essai de typologie historique // La toponymie urbaine. Significations et enjeux: actes du Colloque, Aix-en-Provence, 11–12 décembre 1998 / Université d'Aix-Marseille, CNRS; sous la dir. de: J.-C. Bouvier, J.-M. Guillon, Paris. – 2001. – P. 17–41.
8. Badariotti D. Les noms de rue en géographie. Plaidoyer pour une recherche sur les odonymes / Street names, an argument for a geographic research // Annales de Géographie. – 2002. – T. 111. – №625. – P. 285–302.
9. Дорофеев М.Л. Номинативные приоритеты в урбанонимии Франции (на материале названий улиц коммуны Ла-Гард) // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 72-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 20 фев. 2020 г.: в 2 т. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.). – Витебск, 2020. – С. 121–122.

Поступила 25.11.2023

TOPONYMIC LANDMARK IN URBANONYMY OF BELARUS AND FRANCE

M. DARAFEYENKA
(Belarusian State University, Minsk)

The article substantiates the relevance of a comparative study of urbanonyms in Belarus and France, formed from the names of geographical objects. Both general and nationally specific thematic groups of names characteristic of the two systems have been established. The field structure of the subsystem of toponymic urbanonyms and the core-peripheral relations inherent in it are described; it has been demonstrated that the systems of urbanonyms of Belarus and France, formed from the names of toponymic landmarks, are characterized as typologically similar (thematic commonality of groups of names; partial coincidence of the field structure of systems and the representation of texts of culture) and nationally specific features (differences in the composition of identified groups and texts of culture realized by names, unequal quantitative ratio of groups as a reflection of differences in national nominative priorities). Extensive illustrative material shows that the system of street names in Belarusian and French cities has individual features and at the same time is an example of the sustainable embodiment of the main historical tendencies of the urbanonym nomination as a whole.

Keywords: toponym, toponymic landmark, intracity name, thematic group, urbanonym, Belarus, France.

УДК 81'33+34.06

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-57-62

**СУДЕБНОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ,
ИМЕЮЩИХ ПРИЗНАКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ МЕТОДИКИ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ТРИАНГУЛЯЦИИ)¹****канд. филол. наук, доц. А.А. ЛАВИЦКИЙ****(Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»)****ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9102-4440>****e-mail: anton_lavitski@mail.ru**

Статья посвящена проблеме лингвоправового исследования продуктов речевой деятельности, имеющих признаки распространения ложной информации – клеветы. Представлена авторская методика (параметрическая триангуляция), которая может быть использована при проведении соответствующей судебной экспертизы. Суть методики состоит в сочетании метода параметризации и принципов триангуляции. Алгоритм экспертной работы включает в себя установление параметров, идентифицирующих правонарушение, совершаемое вербальным способом, и их дальнейшее исследование, особенностью которого является применение нескольких методов для решения одной задачи. Сопоставление полученных результатов позволяет повысить достоверность и наглядность процедуры специального изучения языкового материала, а также минимизировать риски совершения экспертной ошибки.

Представлена модель использования методики при проведении судебного лингвистического исследования текста на предмет наличия в его содержании признаков клеветы: определены идентификационные параметры (фактологичность, объектный состав, тип информации, канал распространения информации) и обоснован набор методов их экспертного изучения.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, параметрическая триангуляция, клевета, конфликтогенный текст, правонарушение, совершаемое вербальным способом.

Введение. Клевета в диспозиции соответствующей статьи (188) Уголовного кодекса Республики Беларусь определяется как «распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо, сведений в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, либо клевета, содержащая обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления». В национальном законодательстве клевета также рассматривается как компонент возможного нарушения гражданских прав (статья 153 Гражданского кодекса «Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Юридически значимым отличием двух разбирательств являются правовые особенности квалификации содержания содеянного. В первом случае установлению подлежит соответствие высказывания реальным фактам. В рамках гражданско-правового процесса истцу важно доказать, что распространяемая информация умаляет его честь, достоинство или деловую репутацию.

Несмотря на актуальность и растущий запрос со стороны органов следствия и дознания, суда к проведению лингвистических исследований на предмет наличия в спорном тексте признаков клеветы, в отечественной экспертологии отсутствуют соответствующие утвержденные методики, а вариативность используемых подходов и методов привела к явному количественному и качественному хаосу в системе методологического обеспечения исследовательской работы, бросающегося в глаза любому постороннему [1, с. 119]. Вместе с тем, в последние годы юридической лингвистике удалось верифицировать актуальные для языкознания методы исследования в сфере судебной экспертологии, а также и успешно экстраполировать и адаптировать методологический инструментарий некоторых смежных научных направлений и даже парадигмы естественнонаучного и технического знания.

Всё же сегодня объективно назрела потребность в интенсификации исследовательской активности в вопросах нормализации методологии судебной лингвистической экспертизы текста. Такая постановка проблемы в совокупности с накопленным опытом практической работы в качестве внештатного эксперта обусловили наш научный интерес к заявленной теме, раскрытие которой подразумевает достижение следующей цели – на материале текста угрозы представить и описать методику параметрической триангуляции, позволяющую идентифицировать лингвоправовые признаки совершения указанного вида противоправной деятельности.

Основная часть. В самом общем виде параметрическую триангуляцию можно представить как исследовательскую методику, основанную на теоретических принципах параметризации и триангуляции. Первый метод верифицирован в судебной экспертологии и предполагает моделирование того или иного вида противоправного деяния, совершаемого вербальным способом, исходя из его сущностного понимания [2, с. 7]. Триангуляция

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта БРФФИ Г22–074 «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста».

в технических науках и сфере гуманитарного знания культивируется в нескольких формах. В нашем случае используются подходы триангуляции данных (использование в одном исследовательском проекте различных типов данных) и методологическая триангуляция (решение одной задачи несколькими методами). Таким образом, разработанная методика исследовательской работы включает в себя следующий аглогитм:

- 1) установление перечня параметров идентификации признаков правонарушения, совершаемого вербальным способом;
- 2) определение методов их экспертного изучения (не менее двух методов для каждого параметра);
- 3) исследование языкового материала;
- 4) количественно-качественная оценка результатов.

Ключевой особенностью методики является использование нескольких методов при изучении одного и того же параметра – признака правонарушения, то есть реализуется схема: *Вывод является верным, если это подтверждают результаты Метода 1, Метода 2... Метода Х* (триангуляция не ограничивает возможное количество методов). Данный подход позволяет обеспечить достоверность исследовательских результатов, в том числе, если данные, полученные разными методами, не будут идентичными. Конечное решение в таком случае находится в зоне ответственности эксперта, который может оперировать следующими формулировками: *с большой долей вероятности; соответствие параметру является высоко вероятностным или с невысокой долей вероятности; не представляется возможным установить безапелляционно и др.*

Очевидно, что методика параметрической триангуляции является достаточно трудоемкой и увеличивает экономические затраты проведения экспертизы. Однако этот эффект нивелируется достоверностью выводов, что снижает фактор возможной субъективной экспертной оценки. Усиливается наглядность экспертной работы и её количественно-качественная оценка. Следовательно, минимизируются юридические риски следственных или судебных ошибок.

Приведем наглядный пример реализации методики параметрической триангуляции при экспертном изучении текста на предмет наличия в его содержании признаков клеветы.

Ключевое значение в установлении параметров лингвоправовой идентификации распространения ложной информации имеет формулировка ранее обозначенной статьи 188 Уголовного кодекса, из которой следует, что клеветнический текст должен содержать в фактологической форме публично распространяемую информацию, негативно характеризующую кого-либо. Таким образом, экспертному изучению подлежат четыре параметра:

- 1) фактологичность – распространение информации в форме утверждения о факте или фактах, не субъективированных третьим лицом или источником данных;
- 2) объектный состав – наличие указаний на лицо, в отношении которого распространяется оспариваемая информация;
- 3) тип информации – содержание конфликтогенного текста должно адресно негативно представлять статус объекта (морально-нравственные, этические характеристики, оценка профессионально-трудовой деятельности и / или сведения о нарушении закона);
- 4) канал распространения информации должен быть массовым и открытым.

Экспертное исследование параметра фактологичности спорного речевого высказывания важно с точки зрения установления формы распространяемой информации. В правовом поле она может быть интерпретирована как «сведения» и как «мнение». Первый тип является объектом правового контроля, второй – не подлежит оценке, исходя из конституционного принципа свободы мнения. Кроме того, с юридической точки зрения, фактологичность клеветы подразумевает, что источником распространения информации является адресант, а оспариваемые сведения не являются переданными от третьих лиц или сторонних источников. Экспертное установление соответствия конфликтогенного текста, имеющего признаки клеветы, параметру фактологичности реализуется посредством логико-синтаксического, лексико-грамматического и логико-контекстуального анализа.

Деятельностная составляющая клеветы – это распространение информации, которая на синтаксическом уровне реализуется через утвердительные высказывания (повествовательные и побудительные). Логико-синтаксический анализ позволяет дифференцировать их от вопросительного речевого акта. Метод является достаточно продуктивным при изучении сложных синтаксических конструкций. Так, например, в предложении *Можно ли доверять власть Т. – лицемеру, вору и мошеннику?* на логическом уровне можно выделить два высказывания: вопросительное (*Можно ли доверять власть Т.?*) и повествовательное (*Т. – лицемер, вор и мошенник*). Второе, очевидно, будет соответствовать параметру фактологичности, так как являет собой утвердительный речевой акт, в котором сообщается о фактах.

Вторым методом установления соответствия конфликтогенного речевого высказывания параметру фактологичности является прагмалингвистический анализ, позволяющий изучить интенциональную направленность речевого высказывания. Дело в том, что понятие интенции, реализуемое в иллокутивной цели [3, с. 95], во многом синонимично с законодательной пропозицией распространения заведомо ложной информации. Например, во фразе *Ты совершенно безвольный и не надежный в деле человек*, адресованной родителем ребенку, очевидно не обнаруживается желания оклеветать, нанести ущерб его чести и достоинству (скорее, речь идет о воспитательном характере коммуникации). И совершенно иное правовое значение данная реплика будет иметь по отношению, например, к политическому деятелю. Таким образом, проводится соотнесение интенции адресанта с формой высказывания и устанавливается не только тип речевого акта (репрезентатив, констатив, декларация и др.), но и его иллокуция.

Компонентом прагмалингвистического изучения текстового материала является метод лексико-грамматического анализа, позволяющий выявить наличие особых языковых маркеров субъективации содержания. Речь идет о единицах, чаще всего имеющих функцию вводной конструкции, таких как *думается, наверное, скорее всего, по моему мнению, предполагаю, не исключено и т.д.* Их наличие в тексте функционально служит для выражения мнения и, соответственно, идентифицирует отсутствие фактологичности высказывания.

Еще одним методом, использование которого представляется актуальным для установления формы потенциально клеветнической коммуникации, является логико-контекстуальный анализ. Он позволяет выявить вторичные маркеры субъективации содержания, обнаруживаемые на логическом уровне в языковом окружении оспариваемого речевого акта. Так, в тексте *Недавно прочитал, что ряд наших депутатов ведут абсолютно аморальный образ жизни. И это не удивительно – власть портит и развращает. Народный представитель К. не брезгает менять любовниц поквартально, а его коллега С. не просыхает от пьяного угара* признаки распространения клеветы содержит только последнее предложение. Однако его авторство принадлежит не адресанту, а некому неидентифицируемому источнику. С позиции юрислингвистической интерпретации в фактологической форме говорящий / пишущий сообщает только о прочтении информации, а сведения о морально-нравственном поведении К. и С. только формально имеют форму утверждения о фактах: на логическом уровне – это передача данных, полученных от стороннего источника.

При экспертном исследовании речевого материала на соответствие параметру объектного состава методика параметрической триангуляции включает методы автоматической интерпретации, логико-контекстуального и лексико-центрического анализа.

Автоматическая интерпретация относится к наиболее распространенной методологической процедуре исследования при изучении объектного состава конфликтного текста и включает в себя последовательное проведение синтаксического и грамматического анализа. Первый позволяет установить актуальные семантические или смысловые (логические) отношения компонентов текста, иными словами, определить в содержании субъекта советующие предикативные структуры. Это особенно важно в случае наличия в текстовой структуре аналитических связей между субъектом и его предикативными характеристиками: *Ворует он вагонами. Вот такой он – депутат П.; Думаете, что вы знаете истинное лицо нашего мэра? Ошибаетесь! Это морально разложившийся и вконец завравшийся человек.* Второй тип анализа дает информацию о грамматических характеристиках объекта, интерпретируемых как номинативные признаки, то есть указывающих на конкретную личность, группу людей (*он, она, ты, его, их банда* и т.д.).

Обозначенный метод является достаточно продуктивным, однако не всегда справляется с установлением объектных связей при использовании вторичных номинаций. Именно поэтому в экспертной работе следует также использовать логико-контекстуальный и лексико-центрический анализ. Приведем пример из экспертной практики: *в содержании поликодового текста имелось изображение чиновника, а в вербальном компоненте сообщалось о коррупционной деятельности лица, которое обозначалось через номинацию 'крыса' (по юридическим причинам не представляется возможным представить полное описание материала).* На логико-контекстуальном уровне содержание текста коррелировало с иллюстративным образом, что позволило конкретизировать объект речевой агрессии. Работа с лексикографическими изданиями также косвенно подтвердило это: «крыса – мелкий служащий, чиновник» [4, с. 457], а также «взяточник» [5, с. 393]. Кроме того, данные методы исследовательской работы успешно справляются с изучением языкового материала с разорванной предикацией (*Давайте не будем прогибаться под отдающих преступные приказы. Пора радикально что-то решать с В.*), а также с выявлением интертекстуальных связей.

Параметр типа информации ориентирован на установление вероятностных последствий её распространения. Лингвоправовая диспозиция подразумевает возможное наличие в исследуемом тексте положительной, нейтральной или отрицательной оценочной информации об объекте речевого воздействия. Соответствие спорного материала параметру типа информации реализуется только в случае наличия негативных коннотаций личности: «сведения, которые умаляют честь и достоинство <...> с точки зрения соблюдения законов, моральных принципов общества» (см. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18.12.1992 № 14).

Положительная и нейтральная оценки не соответствуют диспозиции категории порочащих сведений. Здесь, однако, существует два важных момента. Первое – отдельные атрибутивные характеристики (например, *прагматичный, расчетливый, наивный* и др.) имеют дискуссионное оценочное значение. Для экспертного заключения значимым при этом является не то, как «истец ощущает (или считает потенциально возможным изменение) общественного мнения о себе» [6, с. 12], а восприятие третьими лицами оспариваемого содержания в конкретной коммуникативной ситуации. Второе – нейтральное понимание имеет информация, которая, согласно разъяснениям Верховного суда, не может быть предметом правового разбирательства по делам, сопряженным с распространением ложной информации. Это сведения а) «содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях следственных и административных органов, решениях Советов народных депутатов, их исполкомов, аттестационных комиссий, постановлениях о наложении на гражданина дисциплинарного взыскания и в других официальных документах, для обжалования которых законом предусмотрен иной порядок» и б) «сведения науч-

ного характера». Оспаривание такого рода информации реализуется через вариативные административные процедуры (апелляция, обжалование в вышестоящих инстанциях и т.д.) или в ином законодательно определенном порядке. Обозначенные особенности правовой интерпретации нейтрального значения информации обуславливают необходимость использования генристического (жанрового анализа) представленного на экспертизу языкового материала. Параметр типа информации будет считаться невыполненным в случае, если конфликтогенный текст относится к таким жанровым формам официально-делового стиля, как постановления, решения суда, административно-распорядительных органов и т.д.

Актуальным методом экспертной работы при рассмотрении параметра типа информации также является метод семантического поля, который позволяет установить «компактную часть словаря, покрывающую какую-то определенную “понятийную сферу” данного языка» [7, с. 59]. Так, в высказывании *П. – тяжелый на подъем работник, который днями только и делает, что плюет в потолок* нет номинативных единиц, обозначающих какие-либо морально-нравственные или профессиональные характеристики личности. Однако фразеологические компоненты «тяжелый на подъем», «плювать в потолок» входят в лексико-семантическое поле «лень» (см. например, работу М.А. Ерёминой [8, с. 79–80]), то есть передают оценочные коннотации, которые в приведенном примере выражены в форме сообщения сведений (тяжел на подъем – «с трудом, без желания начинает какое-либо дело, принимается за что-либо» [9, с. 694]; плювать в потолок – «совсем ничего не делать» [99, с. 473]).

Аксиоматичным для метода семантических полей является положение о том, что «при употреблении единицы языка в сознании для его понимания активизируются другие единицы» [10, с. 11]. Это утверждение актуализирует значимость еще одного исследовательского метода работы с установлением значения содержания конфликтогенного текста – ассоциативный анализ, который «вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи» [11, с. 4].

Наиболее популярным методом изучения семантики текста, определяющей оценочные характеристики личности, является лексико-центрический анализ. Его особенностью в предлагаемой методике является необходимость обращения к нескольким источникам по принципу триангуляции данных. Также в перечень экспертных процедур исследования параметра типа информации включается логико-семантический анализ. Его ценность состоит в возможности установления эксплицитных смыслов, декодировки вторичных номинативных значений. Например, в высказывании *П. свистнул приличную долю бюджетных средств* и на уровне логико-семантического, и лексико-центрического изучения речевого акта интерес будет представлять глагольное сказуемое, выраженное лексемой «свистнуть». Оба метода доказывают, что данное слово в рассматриваемом тексте (по данным толковых и идиоматических словарей) имеет значение «украсть» [9, с. 452].

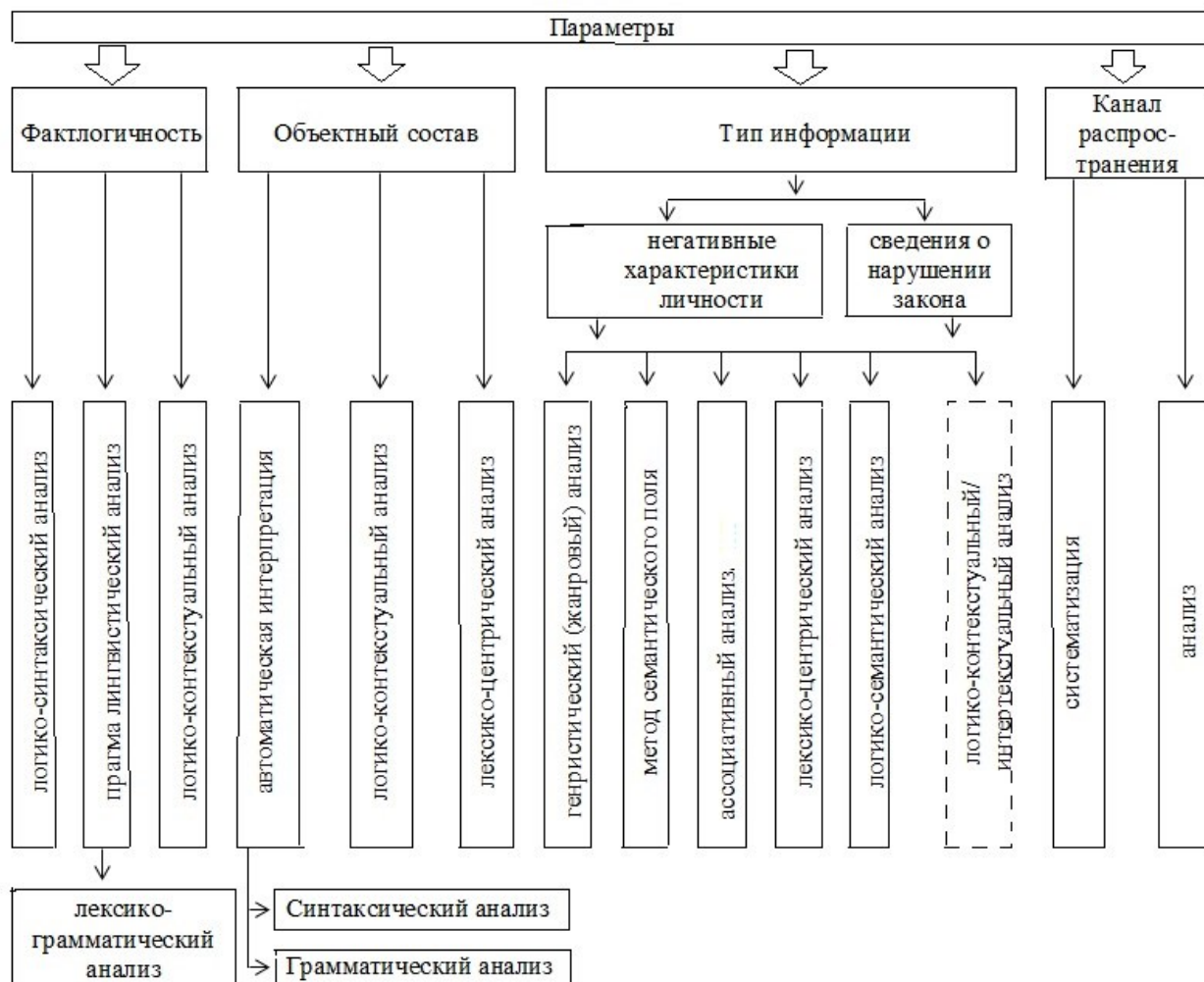
Необлигаторными при изучении параметра типа информации являются логико-контекстуальный и интертекстуальный анализы. Данные методы используются в случаях, когда в исследуемый материал включены интертекстуальные связи или его оценка требует изучения достаточно широкого контекста: *Вчерашнее происшествие в торговом центре – это дело рук И. и его шайки; Все, что напечатано о господине И. на страницах сегодняшнего выпуска газеты, – это чистая правда.*

Последний критерий установления признаков клеветы – канал связи, – нечасто ставится на рассмотрение эксперту в качестве исследовательской задачи. Чаще всего оценка данного параметра остается в компетенции следственных органов или суда, так как в данном случае не требуется использование специального исследовательского инструментария и выводы строятся на основании общенаучных методов систематизации и анализа.

Заключение. Судебное лингвистическое исследование, проводимое в рамках рассмотрения дел, сопряженных с распространением заведомо ложной информации, назначается при следственном или судебном производстве дел о клевете или защите чести, достоинства и деловой репутации. Исходя из диспозиции законодательного понимания правонарушения, специальное изучение речевого материала включает в себя рассмотрение четырех параметров: фактологичности, объектного состава, типа информации и канала её распространения.

Проведение соответствующего вида лингвистической экспертизы текста может быть реализовано с помощью методики параметрической триангуляции, которая основывается на количественно-качественной оценке исследования параметров, идентифицирующих клеветническое высказывание (рисунок). Количественный аспект реализуется через использование нескольких методов при экспертном изучении каждого параметра. Качественный находит отражение в сопоставительной оценке полученных результатов.

Параметр фактологичности конфликтогенного высказывания (распространения информации в форме утверждения о факте от лица первичного источника) исследуется в процессе логико-синтаксического, лексико-грамматического и контекстуального анализа. Объектный состав (наличие указаний, идентифицирующих объект речевой агрессии) устанавливается методами автоматической интерпретации, логико-контекстуального и логико-центрического анализа. Изучение типа информации требует проведение первичного генристического анализа языкового материала и, при необходимости, дальнейшего изучения содержания текста методами семантических полей, ассоциативного эксперимента и лексико-центрического анализа. Параметр канала распространения информации не требует использования специальных исследовательских лингвистических процедур и проводится на основе общенаучных методов систематизации и анализа.

**Рисунок. – Алгоритм методики параметрической-триангуляции
судебного лингвистического исследования на предмет наличия в тексте
признаков распространения ложной информации**

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1(41). – С. 118–126.
2. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012 – 256 с.
3. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / под ред. НД. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Мир и образование, 2012. – 736 с.
5. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. – В 2 т. – Т. 1. – СПб.: Златоуст, 2014. – 592 с.
6. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средствах массовой информации / В.Н. Базылев и др.; отв. ред. А.К. Симонов; науч. ред. А.Р. Ратинов. – М.: Права человека, 1997. – 128 с.
7. Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа: учеб. пособие. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – 190 с.
8. Ерёмкина М.А. Лексические способы выражения оценки в рамках семантического поля (на материале семантического поля «Лень/праздность» в русских говорах) // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького; под ред. М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – Вып. 4. – С. 77–85.
9. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
10. Тиллоева С.М. Понятийный аспект структуры семантического поля: монография [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.] 2020. – 1 CD-ROM.

11. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева и др. – М.: РАН: Инт-т языкознания, 2004. – 800 с.

Поступила 20.04.2023

**FORENSIC LINGUISTIC STUDY OF MATERIALS THAT HAVE SIGNS
OF DISTRIBUTION OF FALSE INFORMATION (ON THE EXAMPLE OF THE METHODOLOGY
OF PARAMETRIC TRIANGULATION)**

A. LAVITSKI

**(Belarusian State Pedagogical M. Tank University,
Vitebsk Branch of the International University “MITSO”)**

The article is devoted to the problem of linguistic -legal study of products of speech activity that have signs of spreading false information - slander. The author's technique (parametric triangulation) is presented, which can be used when conducting the corresponding forensic expertise. The essence of the technique is the combination of the parametrization method and the principles of triangulation. The expert work algorithm includes the establishment of parameters that identify an offense committed verbally and their further study, a feature of which is the use of several methods to solve one task. Comparison of the obtained results makes it possible to increase the reliability and visibility of the procedure for special study of language material, as well as to minimize the risks of making an expert error.

A model for using the methodology in conducting a forensic linguistic study of a text for the presence of signs of slander in its content is presented: identification parameters (factual content, object structure, type of information, information dissemination channel) are determined and a set of methods for their expert study is substantiated.

Keywords: forensic linguistic expertise, parametric triangulation, slander, conflict text, verbal offense.

УДК 81'42=11

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-63-66

МЕСТО ПОДЛЕЖАЩЕГО В ПРЕДЛОЖЕНИИ В МАССМЕДИЙНОМ
ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

И.В. ЛОГВИНОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Статья посвящена исследованию порядка слов в предложении в текстах немецкоязычных средств массовой информации на экологическую тематику. Описаны ключевые моменты формирования аналитического строя немецкого языка и его влияния на порядок слов в предложении. Проанализированы случаи постановки подлежащего на четвертое место в простом предложении и на второе в придаточном. Выявлены члены предложения, смещающие подлежащее вправо: обстоятельства времени и места, образа действия и степени, условия, прямые и предложные дополнения. Определена частотность их использования. Охарактеризована связь порядка слов с актуальным членением предложения. Осуществлена попытка определить маркеры ремы в анализируемых случаях и частоту их употребления. В качестве маркеров ремы обнаружены количественные и порядковые числительные, имена существительные с количественным значением, неопределенный артикль, предложная группа, отрицание, придаточное предложение и указательное местоимение.

Ключевые слова: порядок слов, подлежащее, актуальное членение предложения, маркеры ремы.

Введение. Проблема порядка слов в немецком предложении непрерывно привлекает внимание лингвистов, что свидетельствует об актуальности данной темы. Современные исследования посвящены таким проблемам, как линейное размещение синтаксических единиц немецкого и русского предложений (Н.А. Таранец¹), коммуникативная организация высказывания (Б.П. Шекасюк²), взаимосвязь актуального членения предложения и порядка слов (Т.А. Синицина³), роль порядка слов в создании экспрессивности высказывания (М.А. Гончарова⁴). Лингвистами проведены исследования порядка слов в разных видах современных немецких текстов (О.Н. Маширенко⁵), специфики актуального членения малоформатных текстов (О.И. Таюпова⁶), логико-семантического и синтаксического аспектов порядка слов (Т.Ю. Портнова⁷). В нашем исследовании осуществлена попытка проанализировать связь между местом подлежащего и актуальным членением предложения в массмедийных текстах экологической направленности.

Основная часть. Предложение – одна из основных грамматических категорий синтаксиса, представляющая собой грамматически организованное соединение слов, обладающее смысловой и интонационной законченностью, минимальная коммуникативная единица языка и речи. Это главный элемент, «при помощи которого реализуется комплекс основных функций языка как средства человеческого общения»⁸. Соответственно этому, «синтаксис предложения определяется логикой человеческого мышления», а «порядок слов характеризуется сложной системой функционирования и включает в себя два ведущих аспекта: собственно синтаксический (формальный) и логико-семантический»⁹.

Для немецкого предложения характерен определенный порядок слов, т. е. последовательность синтаксических единиц, которые определяют структуру и характер предложения. Одной из характеристик порядка слов является его фиксированность / не фиксированность. При фиксированном порядке слов расположение каждого члена предложения строго определено по отношению к другим. Свободный порядок слов означает, что члены предложения могут занимать разные места по отношению друг к другу.

Формирование современного порядка слов в немецком предложении обусловлено историческими процессами в языке. Древневерхненемецкий язык был флективным, или синтетическим, где взаимоотношения между словами выражались формами слов. Он имел богатый инвентарь морфем, служащих для этой цели. Поэтому в тот период порядок слов был свободным, и «были возможны разнообразные варианты в местоположении абсолютно всех компонентов предложения» [1, с. 310]. Глагол мог занимать как вторую позицию, так и стоять в начале или в конце предложения. Как отмечает Н.И. Филичева, «порядок расположения слов в предложении первоначально обуславливался, по-видимому, психологическими или логическими моментами» [2, с. 94]. И лишь с разрушением флексии в течение последующих периодов развития верхненемецкого языка, в результате чего слова утратили «яркие внешние грамматические характеристики», возникла необходимость в установлении определенного порядка слов в предложении. Он стал играть важную роль в определении функций членов предложения [2, с. 275].

Современное немецкое предложение характеризуется сочетанием фиксированного и нефиксированного порядка слов. Фиксированность заключается в закреплении глагола в определенной позиции: первое, второе и послед-

¹ URL: <https://www.dissercat.com/content/poryadok-slov-v-prostom-i-slozhnom-predlozheniyakh-lingvopragmaticheskij-aspekt-na-materiale>.

² URL: <https://www.dissercat.com/content/poryadok-slov-prostogo-predlozheniya-nemetskoi-razgovornoj-rechi>.

³ URL: <https://www.dissercat.com/content/funktsiya-poryadka-slov-v-kommunikativnom-chlenenii-predlozheniya-sravnitelno-sopostavitelny>.

⁴ URL: <https://cheloveknauka.com/poryadok-slov-kak-sredstvo-sozdaniya-ekspressivnosti-v-sovremennom-nemetskom-yazyke>.

⁵ URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/autoref_files/mashirenko_o.n._poryadok_slov_kak_faktor_normy_teksta_na_materiale_sovremennykh_nemeckikh_tekstov_instrukciy_i_prognozov_pogody.pdf.

⁶ URL: <https://www.dissercat.com/content/kommunikativno-pragmaticheskoe-variiruvanie-v-maloformatnykh-prozaicheskikh-tekstakh-sovremen>.

⁷ URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/poryadok-slov-v-sovremennom-nemetskom-jazyke-logiko-semanticheskij-i-sintaksicheskij.html>.

⁸ URL: <https://www.dissercat.com/content/poryadok-slov-prostogo-predlozheniya-nemetskoi-razgovornoj-rechi>.

⁹ URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/poryadok-slov-v-sovremennom-nemetskom-jazyke-logiko-semanticheskij-i-sintaksicheskij.html>.

нее место в зависимости от типа предложения. Подвижными членами предложения, как и прежде, являются подлежащее, дополнения и обстоятельства. Элементом фиксированного порядка слов также является постановка предложения перед определяемым словом. В связи с этим в немецком предложении «сказуемое и определение выполняют преимущественно формально-грамматическую функцию, а подлежащее, дополнение, обстоятельство – преимущественно семантико-стилистическую»¹⁰. Такая особенность современного немецкого языка связана с тем, что ему в большей степени присущ аналитизм, чем синтетизм, и грамматические отношения имеют тенденцию к передаче в основном через синтаксис, то есть через отдельные служебные слова или фиксированный порядок слов.

С развитием аналитизма в немецком языке связано также формирование рамочной конструкции – дистантного расположения синтаксически или функционально связанных друг с другом элементов. Использование глагольной и номинативной рамок способствует тому, что немецкое предложение, по мнению лингвистов, обладает трехчленной структурой, включающей в себя предполье, срединное поле и заполье. Границами, разделяющими данные поля, являются элементы рамки (личная форма глагола слева и неличные / нефинитные формы глагола или именная часть сказуемого – справа)¹¹.

Наряду с порядком слов в лингвистике рассматривается также понятие актуального членения предложения: выделение темы (известного) и ремы (нового). Любой член предложения в зависимости от контекста или ситуации может выступать как тема или рема. При построении нейтрального высказывания тема стоит в начале предложения, а рема – в конце. Обратный порядок следования компонентов актуального членения предложения (рема – тема) зачастую обусловлен эмфазой. Тема и рема могут распознаваться не только по позиции, но и по определенным индикаторам. Рема, например, может сопровождаться выделительно-ограничительными наречиями, вводными словами или неопределенным артиклем, а в устной речи выделяться ударением и паузами¹². Индикатором ремы может выступать имя прилагательное, так как оно называет новый признак и сигнализирует о значении ремы. В таком случае «член предложения, имеющий при себе определение, выраженное именем прилагательным, обозначает новое и входит в состав ремы»¹³. При перемещении логического ударения в одном и том же предложении его актуальное членение может изменяться¹⁴.

Как тема, так и рема предложения «может быть представлена несколькими самостоятельными частями, которые образуют, соответственно, тематические и рематические комплексы»¹⁵. В соответствии с наличием двух составов (темы и ремы) или только одного (реммы) высказывания подразделяются на коммуникативно-двусоставные и коммуникативно-односоставные (нерасчлененные) высказывания. Последние могут содержать один или несколько рематических компонентов. «С точки зрения формально-синтаксического членения предложения коммуникативно-односоставные высказывания могут быть и односоставными и двусоставными, если подлежащее и сказуемое формально двусоставного предложения представляют собой комплексную рему»¹⁶.

Порядок слов и интонация позволяют различать два типа актуального членения предложения: экспрессивный и нейтральный. В предложениях с нейтральным актуальным членением тема предшествует реме, главное фразовое ударение находится в конце предложения. При экспрессивном актуальном членении рема выносится на первое место и получает более сильное (эмфатическое) ударение. «Эмфатический порядок слов является частным случаем экспрессивного порядка слов и характеризуется препозицией коммуникативного центра по отношению к тематическим компонентам актуального членения высказывания. Кроме эмфатического, к экспрессивному порядку слов относятся случаи экспрессивного неэмфатического порядка слов. Они имеют место тогда, когда коммуникативный центр располагается в препозиции по отношению к неосновным рематическим компонентам»¹⁷.

Изменение порядка слов может как вызывать изменение актуального членения предложения, так и не вызывать его. Например, в немецком языке в случае переноса неизменяемой части сказуемого на первое место (в предполье) происходит его выделение, и в данном случае оно становится ремой, «что позволяет тем самым достигнуть тексту большей прагматической эффективности в речевой коммуникации»¹⁸. Вынесение неизменяемой части сказуемого в начало предложения возможно также при необходимости освободить для рематического компонента последнюю ударную позицию¹⁹. Перестановка же существительного с неопределенным артиклем в другие позиции «в общем не меняет коммуникативного членения предложения, не способствует утрате именем существительным степени коммуникативной нагрузки и его переходу в состав темы»²⁰.

Порядок слов непосредственно взаимодействует с актуализацией мысли и поэтому является одним из основных средств выражения коммуникативного членения предложения. Однако при выполнении коммуникативной функции он может иметь некоторые ограничения, обусловленные синтаксическими правилами того или иного языка. Так, характерная для немецкого предложения рамочная конструкция ограничивает возможности локализации ремы: когда неизменяемая часть сказуемого занимает финальную позицию, рема располагается на

¹⁰ URL: <https://www.dissercat.com/content/poryadok-slov-v-prostom-i-slozhnom-predlozheniyakh-lingvopragmaticheskii-aspekt-na-materiale>.

¹¹ URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/autoref_files/mashirenko_o.n._poryadok_slov_kak_faktor_normy_teksta_na_materiale_sovremennykh_nemeckikh_tekstov_instrukciy_i_prognozov_pogody.pdf.

¹² URL: <http://tapemark.narod.ru/les/022f.html>.

¹³ URL: <https://www.dissercat.com/content/funktsiya-poryadka-slov-v-kommunikativnom-chlenenii-predlozheniya-sravnitelno-sopostavitelny>.

¹⁴ URL: <http://tapemark.narod.ru/les/022f.html>.

¹⁵ URL: <https://www.dissercat.com/content/kommunikativno-pragmaticheskoe-varirovanie-v-malofomatnykh-prozaicheskikh-tekstakh-sovremen>.

¹⁶ URL: <https://cheloveknauka.com/poryadok-slov-kak-sredstvo-sozdaniya-ekspressivnosti-v-sovremennom-nemetskom-yazyke>.

¹⁷ URL: <https://cheloveknauka.com/poryadok-slov-kak-sredstvo-sozdaniya-ekspressivnosti-v-sovremennom-nemetskom-yazyke>.

¹⁸ URL: <https://www.dissercat.com/content/kommunikativno-pragmaticheskoe-varirovanie-v-malofomatnykh-prozaicheskikh-tekstakh-sovremen>.

¹⁹ URL: <https://www.dissercat.com/content/poryadok-slov-prostogo-predlozheniya-nemetskoi-razgovornoj-rechi>.

²⁰ URL: <https://www.dissercat.com/content/funktsiya-poryadka-slov-v-kommunikativnom-chlenenii-predlozheniya-sravnitelno-sopostavitelny>.

предфинальной, т. е. в срединном поле. Таким образом, в немецком предложении состав темы и состав ремы могут члениться, а их составные части – чередоваться друг с другом. В то же время простое глагольное сказуемое, являясь ядром ремы, даже при эмфатическом порядке слов может занимать лишь второе место в немецком предложении. Подлежащее-рема в немецком распространенном предложении локализуется на третьем месте, после сказуемого, и «располагается, таким образом, не в финальной позиции, а в медиальной»²¹.

Однако в некоторых немецких предложениях отмечается перемещение подлежащего на четвертое или даже пятое место в простом / главном предложении и на второе место в придаточном. Чаще всего это связано как раз со случаями, когда подлежащее является ремой или входит в её состав. Такие предложения послужили материалом для нашего исследования. Нами было проанализировано 20 статей, опубликованных в онлайн-версии журнала «Der Spiegel» в разделе «Klimakrise» в январе 2022 г. Мы обратились к массмедийному экологическому дискурсу, который освещает острые экологические темы. Как и все массово-информационные тексты, тексты экологического дискурса выполняют две основные функции: информационную и агитационно-пропагандистскую. Распространяя актуальную информацию о природных катастрофах и событиях, связанных с охраной окружающей среды, адресанты экологического дискурса ставят перед собой цель вызвать у реципиентов желаемую оценку данных событий и побудить их к действию. В связи с этим массмедийные тексты экологического дискурса в немалой степени насыщены эмоционально-экспрессивной информацией.

Объем исследуемого материала составил 890 предложений, среди которых методом сплошной выборки мы обнаружили 31 предложение, в которых подлежащее смещается вправо.

Среди второстепенных членов предложения, смещающих подлежащее вправо, нами выявлены обстоятельства времени, места, образа действия и степени, условия, а также прямые и предложные дополнения. В большинстве случаев перед подлежащим находится обстоятельство (24 предложения, или 77%). Чаще всего это обстоятельства времени и места (11 и 8 случаев соответственно), далее следуют обстоятельства образа действия и степени (4 случая). Еще в одном предложении перед подлежащим стоят сразу два обстоятельства (времени и места), и подлежащее смещается, соответственно, на пятое место в предложении. Дополнения (прямое и предложное) используются всего лишь в двух предложениях, что составляет около 7% всех случаев. В пяти предложениях (16%) дополнения сочетаются с обстоятельствами, причем в двух из них одному дополнению сопутствуют по два обстоятельства, смещая подлежащее на шестое место. В сочетании с дополнением выступают обстоятельства места (2 предложения) и образа действия и степени (1 предложение). В предложениях с тремя членами предложения перед подлежащим используются следующие сочетания: прямое дополнение + обстоятельство условия + обстоятельство образа действия и степени, обстоятельство места + обстоятельство образа действия и степени + предложное дополнение. Всего в анализируемых примерах использовано 32 обстоятельства (12 – времени, 12 – места, 7 – образа действия и степени, 1 – условия) и 7 дополнений. Количественный анализ показывает, что обстоятельства, в первую очередь времени и места, являются основными членами предложения, способными смещать подлежащее вправо. При этом само подлежащее во всех без исключения случаях выражено именем существительным. Приведем примеры рассмотренных выше случаев:

- а) обстоятельство времени: «*Deshalb wird seit dem 3. November eine Million Euro täglich fällig.*»;
- б) обстоятельство места: «*Durch die Erderwärmung werde in der Luft mehr Wasserdampf gespeichert, dadurch entstünden zunehmend extreme Regenfälle*»;
- в) обстоятельство образа действия и степени: «*Im Sommer tauen teilweise die oberen ein bis zwei Meter auf und gefrieren im Winter wieder*»;
- г) два обстоятельства: «*Den IAP-Daten zufolge sind 2021 in den oberen 2000 Metern der Ozeane 14 Zettajoule (Trilliarden Joule; 10 hoch 21 Joule) an Wärmeenergie hinzugekommen*»;
- д) предложное дополнение: «*Allerdings sind in diesen Preisen nicht einmal die Schäden durch den Verlust der biologischen Vielfalt oder die negativen Auswirkungen des Fleischkonsums auf die Gesundheit der Menschen enthalten*»;
- е) прямое дополнение: «*Bereits 2019 hatte die Eidgenossenschaft einen solchen Entwurf vorgelegt, aber zurückgezogen, nachdem ihn nur zehn andere Nationen unterstützt hatten*»;
- ж) дополнение и обстоятельство: «*Bei unterschiedlichen Produktionsketten ergibt sich für Rindfleisch in Ländern mit hohem Einkommen eine Preissteigerung im Einzelhandel von 35 bis 56%*»;
- з) одно дополнение и два обстоятельства: «*Denn laut seiner Einschätzung blieben Deutschland bei einer fairen Rechnung gerade einmal noch rund drei Milliarden Tonnen CO₂-Emissionen übrig*».

Далее мы предприняли попытку выявить, входит ли смещенное вправо подлежащее в состав ремы. Данные анализа актуального членения предложения показали, что лишь в 10% случаев подлежащее представляет собой тему. Так, в предложении «*Denn für einen CO₂-Preis gilt ja ganz allgemein die Idee*» один компонент ремы выражен существительным с неопределенным артиклем и смещен в предполье, а вторым её компонентом является обстоятельство образа действия и степени, которое и смещает подлежащее-тему в финальную безударную позицию. В придаточной части сложноподчиненного предложения «*Der Thinktank Agora Energiewende geht etwa davon aus, dass bis 2030 die Stromgewinnung aus Gas um mehr als 60 Prozent steigen wird*» подлежащее смещается вправо обстоятельством времени, а рема выражена сказуемым, сопровождаемым указанием количества.

В остальных 90% случаев подлежащее является ремой или входит в её состав. Выявить это помогают различные морфологические и лексические маркеры ремы. Чаще всего (49% случаев) подлежащее-рема либо сопровождается указанием количества, либо само является таким указанием и выражается именами существительными с количественным значением: *die Milliarde, die Million, das Prozent, die Hälfte, das Vielfache*. Например: «*Pro Kopf wird in Luxemburg, Irland oder Deutschland ein Vielfaches mehr an Emissionen freigesetzt als in Rumänien, Bulgarien*».

²¹ URL: <https://www.dissercat.com/content/funktsiya-poryadka-slov-v-kommunikativnom-chlenenii-predlozheniya-sravnitelno-sopostavitelny>.

oder Estland». Указание количества, которое входит в состав группы подлежащего и, соответственно, в состав ремы, выражено чаще всего количественными числительными (иногда в сочетании с существительными с количественным значением): «*Im vergangenen Jahr wurden in Deutschland knapp 356 000 vollelektrische Pkw und gut 325 000 Plug-in-Hybride neu zugelassen*». В единичных случаях на количество указывают порядковое числительное в сочетании с указательным местоимением (*jedes zweite Auto*) и словосочетания *halb so viel, so viele*: «*2005 wurden beispielsweise so viele Zertifikate ausgegeben*». В состав рематического компонента с указанием количества часто входят такие лексические единицы, как *rund, knapp, gut, nur, etwa, nur etwa, mehr, mehr als*, например: «*Im Staats- und im Privatwald sind in Bayern rund 300 neue Standorte möglich*».

Неопределенный артикль (либо нулевой во множественном числе) как маркер ремы встречается в 17% случаев, например: «*Beim vereinbarten Ziel für Elektroautos ist offenbar eine wichtige Definition unklar*». В двух предложениях в состав ремы входит также указание количества. В предложении «*Zu den geplanten Sofortmaßnahmen sollen laut dpa eine Solardachpflicht für Neubauten und neue Förderprogramme für grünen Wasserstoff gehören – sowie eine Novelle des Erneuerbare-Energie-Gesetzes (EEG)*» союзы *und* и *sowie* присоединяют второй и третий рематические компоненты. В состав этих компонентов, наряду с подлежащими, входят предложные группы и определение в генитиве, относящиеся к подлежащим. Использование предложных групп в составе ремы зафиксировано также в составе 6 других предложений, например: «*Auf Nachfrage verwies Wissing auf den Koalitionsvertrag, wonach dort lediglich von elektrischen Fahrzeugen die Rede sei*». Рематические компоненты также выделяются с помощью отрицания («*Allerdings sind in diesen Preisen nicht einmal die Schäden durch den Verlust der biologischen Vielfalt oder die negativen Auswirkungen des Fleischkonsums auf die Gesundheit der Menschen enthalten*»), указательного местоимения («*Für das sehr ambitionierte Ziel müsste rechnerisch ab jetzt jedes zweite Auto ein E-Auto sein*») и придаточного предложения («*An der Westküste der USA und in Kanada wüteten erneut Waldbrände, die nicht nur Landstriche verwüsteten, sondern auch die Luftqualität massiv verschlechtern*»). Употребление парных союзов в последнем примере приводит к наличию двух «равнозначных рематических компонентов»²².

Заключение. В современном немецком предложении подлежащее является подвижным: оно может занимать первое место при прямом порядке слов и третье место при обратном в главном предложении, а также первое место в придаточном предложении. Однако в ряде случаев подлежащее смещается вправо. Это происходит за счет вводных слов, частиц, возвратного местоимения *sich*, а также второстепенных членов предложения. В последнем случае мы можем говорить об изменении порядка слов: подлежащее занимает четвертое место в главном и второе в придаточном предложениях. В некоторых выявленных нами примерах подлежащее в главном предложении перемещается на несколько позиций вправо и занимает пятое или даже шестое место. Среди членов предложения, смещающих подлежащее, лидируют обстоятельства времени и места. Такие же изменения в меньшей степени способны вызывать обстоятельства образа действия и степени и условия, а также прямые и предложные дополнения. Смещение подлежащего вправо, как правило, связано с тем, что оно входит в состав ремы – содержит новую информацию. В массмедийных текстах экологической направленности новая информация чаще всего представлена указанием количества. Среди маркеров ремы выявлены также неопределенный артикль, предложная группа, отрицание, придаточное предложение и указательное местоимение. Авторы прибегают к смещению подлежащего вправо для того, чтобы сделать акцент на определенных словах и выражениях и тем самым привлечь внимание читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высш. шк., 1963. – 325 с.
2. Филичева Н.И. История немецкого языка. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 304 с.

Поступила 16.03.2023

THE SUBJECT'S POSITION IN THE SENTENCE IN MASS-MEDIA ECOLOGICAL DISCOURSE (IN THE GERMAN-LANGUAGE MEDIA)

I. LOHVINA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article is devoted to the study of word order in sentences in German-language media texts on environmental topics. It describes the key points in the formation of the analytical structure in the German language and its influence on the word order in a sentence. The cases of the subject in the fourth place in a simple sentence and in the second place in the subordinate clause are analyzed. The sentence members shifting the subject to the right, such as the objects of time and place, mode and degree, conditions, direct and prepositional supplements, were revealed. The frequency of their use is determined. The link between the word order and the actual sentence segmentation is characterized. An attempt has been made to identify the markers of a rhema in the analysed cases and the frequency of their use. Quantitative and ordinal numerals, nouns with quantitative meaning, indefinite article, prepositional group, negation, subordinate clause and demonstrative pronoun were found to be markers of a rhema.

Keywords: word order, subject, actual sentence segmentation, rhema markers.

²² URL: <https://www.dissercat.com/content/kommunikativno-pragmatischeskoe-variovanie-v-malofomatnykh-prozaicheskikh-tekstakh-sovremen>.

УДК 811.111'373.23:070"22/23"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-67-71

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ИЗ РАЗНЫХ СФЕР-ИСТОЧНИКОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

М.С. МАТВЕЕВА

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)

e-mail: spy-mari@yandex.ru

В статье на материале выявленных в англоязычных печатных СМИ precedentных имен установлены их сферы-источники (политика, кинематограф, литература, музыка, религия), частотность и актуальность отдельных precedentных имен и их источника, использование в текстах и, преимущественно, в заголовках статей для привлечения внимания читателя и усиления воздействия на его мнение.

Ключевые слова: СМИ, сфера-источник, precedentное имя, денотативное значение, коннотативное значение.

Введение. Исследования в области precedentности проводятся на протяжении многих лет, и многие ученые, например, Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Е.А. Нахимова и др. посвятили свои работы этой теме. Однако Е.А. Нахимова отмечает, что многие исследования базируются на материале художественной литературы, и все чаще появляются работы, исследующие precedentность в других контекстах, включая политический (О.А. Ворожцова, Е.А. Нахимова, Н.В. Немирова, О.В. Спиридовский), научный (Е.В. Михайлова), бытовой (Ю.А. Гунько, Г.Г. Сергеева, Г.Г. Слышкин), публицистический (И.И. Клушина, Р.Л. Смулаковская), рекламный (И.В. Крюкова, С.Л. Кушнерук, Ю.Б. Пикулева, М.С. Рязанова, М.В. Терских) и педагогический (Н.С. Бирюкова, Л. Ви) дискурс [1, с. 12–13]. Зарубежные лингвисты также посвящали свои научные труды проблеме precedentности, среди них: Н. Хомски, Ф. де Соссюр, Л. Витгенштейн, Э. Сепир, М. Халле. На наш взгляд, это направление в настоящее время является наиболее **актуальным**, так как существует еще множество аспектов, которые предстоит изучить.

В частности, особая роль в получении информации принадлежит СМИ (как печатным, так и цифровым). Однако, если раньше основной функцией СМИ была информационная, то в настоящее время на первый план выходит выразительность и оценочность, т.е. ведущей стала функция воздействия. Для реализации данной функции автору статьи необходимо использовать различные стилистические средства, которые в лаконичной и нетривиальной форме помогут выразить и донести его мнение до читателя, таким образом воздействуя на него. Одним из таких средств становятся precedentные феномены, среди которых выделяют precedentный текст, precedentное высказывание, precedentную ситуацию, precedentное имя.

В представленной статье материалом исследования послужили precedentные имена, выявленные в англоязычных печатных СМИ: “The Daily Mail”, “Atlantic”, “The Daily Telegraph”, “The Washington Post”, “The Independent”, “Esquire”, “The Guardian”, так как, по мнению Е.А. Нахимовой, именно precedentные имена чаще всего используются в СМИ. Современная лингвистика рассматривает precedentные имена как культурные символы, которые отражают исторические события, мифологию, литературу и искусство. Эти имена имеют особую значимость для носителей языка и часто используются в качестве аллюзий или отсылок к другим текстам или культурным контекстам, а также для создания комического эффекта или представления абстрактных понятий.

Отбор фактического материала для статьи производился путем сплошной выборки. В исследовании представлен анализ 23 precedentных имен. Общее количество выявленных precedentных имен составило 51 единицу. Что касается отбора англоязычных печатных СМИ, были выбраны наиболее известные и цитируемые газеты и журналы.

Цель исследования состоит в установлении сфер-источников precedentных имен в англоязычных печатных СМИ, частотности и актуальности отдельных precedentных имен и их источника.

Основная часть. Precedentное имя – индивидуальное имя, которое связано с precedentным текстом или precedentной ситуацией. При использовании precedentного имени происходит апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков рассматриваемого precedentного имени [2, с. 82–83]. Характерными признаками precedentных имен также являются регулярное использование в текстах и их известность, по крайней мере, большей части представителей лингвокультурного сообщества [1, с. 57].

Что касается средств массовой информации, precedentные антропонимы встречаются чаще всего, поскольку большинство статей связаны с вопросами, касающимися человеческой деятельности, хотя и другие категории precedentных онимов также можно найти в СМИ. По мнению Е.А. Нахимовой, можно выделить следующие группы precedentных имен:

- precedentные имена, обозначающие художественные или другие произведения;
- precedentные имена, которые обозначают важные события, указывая на их дату;
- precedentные имена, обозначающие различные события, указывая на место, где они произошли;
- precedentные имена, обозначающие географические объекты, получившие широкую известность;
- precedentные имена, которые обозначают компании, банки, заводы и т.д.;
- precedentные имена, обозначающие страны, которые служат напоминанием об исторической судьбе этой страны;
- precedentные имена, обозначающие корабли [1, с. 82–85].

Важно отметить, что в газетах и журналах можно встретить прецедентные имена из разных сфер-источников, включая политику, кинематограф, музыку, литературу, живопись, религию, мифологию и т.д. Это отражает разнообразие общественной жизни и интересов читателей. Кроме того, прецедентные имена могут быть использованы для создания настроения, вызова ассоциаций, представления информации в новом свете, усиления выразительности и эмоциональности текста. Их использование может также способствовать установлению связи между автором и читателем, облегчая понимание и интерпретацию текста.

Необходимо подчеркнуть, что использование прецедентных имен в СМИ требует от автора определенных навыков и знаний. Во-первых, автору нужно уметь выбирать прецедентные имена, которые будут понятны и актуальны для целевой аудитории. Во-вторых, автору нужно уметь корректно использовать эти имена в контексте, соблюдая стилистические и грамматические нормы. В-третьих, автору нужно учитывать возможные коннотации и ассоциации, которые могут возникнуть у читателей при встрече с прецедентными именами.

Нами были выделены прецедентные имена из следующих сфер-источников.

1. *Сфера-источник «Политика»*, где наиболее часто употребляются прецедентные имена политических деятелей из Европы и, в большей степени, из Америки. Так, одним из часто упоминаемых прецедентных имен является *Наполеон*. Наполеон Бонапарт – заметный политический деятель и военачальник, один из наиболее выдающихся государственных деятелей Запада. Автор статьи “The first Fuhrer” в газете “The Daily Mail” Роджер Льюис, делая обзор на книгу Майкла Броерса “Napoleon: soldier of destiny”, проводит параллели между Наполеоном и Гитлером. В статье Наполеона называют «прото-фюрером». Высказывания Наполеона, его действия были предтечей того, что скажет и сделает Гитлер спустя много лет. Также стоит отметить, что с прецедентным именем *Наполеон* связаны такие качества, как властность и жестокость.

As Broers outlines in this judicious and magisterial biography, however, Napoleon, who died 70 years before Hitler was born, was a kind of proto-Fuhrer, his public pronouncements having a ‘messianic tone’ that was ‘spine-chilling’¹.

В заголовке статьи “What is short man syndrome or the Napoleon complex and what are its characteristics?” Тима Коллинза в газете “The Daily Mail” имя *Наполеон* используется как составная часть психологического термина «комплекс Наполеона» или «комплекс маленького человека» (человека невысокого роста). В данном примере на первый план выходит дифференциальный признак прецедентного имени, а именно невысокий рост².

В заголовке статьи “Trump isn't George W. Bush, Hillary Clinton, or Obama – he's Trump” Дэвида А. Грэхэма из американского журнала “Atlantic” упоминается одновременно несколько прецедентных имен: *Джордж Буш младший*, *Хиллари Клинтон* и *Барак Обама*³. Дональда Трампа сравнивают с политиками, указанными в заголовке статьи и находят общие черты с каждым из них, однако есть качество, которое очень отличает его от его предшественников или преемников на посту, а именно непредсказуемость. Это то, что делает президента Трампа, в некотором смысле, уникальным. В заголовке статьи “Obama: more George H.W. Bush than George W. Bush?” из того же журнала автор задается вопросом о том, с кем у президента Барака Обамы больше общего: с Джорджем Бушем старшим или же Джорджем Бушем младшим. Имена *Дж. Буш старший* и *Дж. Буш младший* являются прецедентными и имеют денотативное значение. В статье сделан акцент на внешней политике президентов и в этом аспекте, по мнению политолога Гарварда Джозефа Ная, схожесть Обамы с Джорджем Бушем старшим – это хороший знак, так как внешняя политика его сына была крайне неудачной, что подтверждает отрывок из статьи:

I think that being more like George H.W. Bush than George W. Bush is probably a good thing,” he added. Given that Nye graded the elder Bush's foreign policy record as deserving of a flat A and his son's record as earning but a D+, that seems an understatement⁴.

Следующее прецедентное имя, которое фигурирует в заголовке статьи “Ghana's Hillary Clinton”: *Nana Rawlings is first woman to run for president in west African country, as election gets under way* Колина Фримана из газеты “The Daily Telegraph” – это *Хиллари Клинтон*. Как видно, имя Хиллари Клинтон использовано в заголовке как прецедентное, поскольку приобретает следующие коннотации: «страстный защитник прав женщин», «жена красивого и харизматичного мужчины, имеющего много поклонниц», что и подтверждает следующий пример из текста статьи:

The wife of Ghana's former leader, Flight Lieutenant Jerry Rawlings, will stand for the presidency herself today in an election that has seen her dubbed the African Hillary Clinton⁵.

В заголовке статьи “The end of shame in America began with Bill Clinton” Марка Тиссена из газеты “The Washington Post” использовано прецедентное имя *Билл Клинтон*⁶. Прецедентное имя использовано в денотативном значении, т.е. указывает непосредственно на объект. Кроме того, в данном примере прослеживаются негативные

¹ URL: <https://www.dailymail.co.uk/home/books/article-2564000/Heil-Boney-tyrant-rival-Hitler-NAPOLION-SOLDIER-OF-DESTINY-BY-MICHAEL-BROERS.html>.

² URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-6591499/Bolsonaro-Hitler-Venezuelas-Maduro-exclaims-amid-Brazil-spat.html>.

³ URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/04/donald-trump-is-george-w-bush-hillary-clinton-and-barack-obama-rolled-into-one/523044/>.

⁴ URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2013/07/obama-more-george-hw-bush-than-george-w-bush/276318/>.

⁵ URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/07/ghanas-hillary-clinton-nana-rawlings-first-woman-run-president/>.

⁶ URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-end-of-shame-in-america-began-with-bill-clinton/2017/12/01/55b9c456-d61b-11e7-b62d-d9345ced896d_story.html.

ассоциации, связанные с прецедентным именем: скандалы, связанные с личной жизнью 42-го президента (в частности, скандал с Моникой Левински), отрицание своей вины в содеянном, ложь, отсутствие раскаяния.

Необходимо отметить, что, помимо прецедентных имен-антропонимов из рассматриваемой сферы-источника, на страницах англоязычных газет можно встретить также прецедентные имена-топонимы. Так, в заголовке статьи *"How Yemen was once Egypt's Vietnam"* из газеты *"The Washington Post"* использован прецедентный топоним *Вьетнам*⁷. В статье говорится о конфликте в Йемене, в котором принимал участие Египет в 1960 – 1970-х гг., проводятся параллели между событиями в этой арабской стране и Вьетнаме, который в то время также переживал военный конфликт. Такая схожесть объясняет тот факт, что впоследствии конфликт в Йемене окрестили «Египетским Вьетнамом». Как видим, прецедентное имя приобретает новые коннотации.

В заголовке статьи *"Listen to Kennedy on Cuba for clues about Bush on Iraq"* Майкл Доббс проводит параллели между кризисными ситуациями на Кубе и в Ираке⁸. Прецедентные топонимы *Куба* и *Ирак* имеют следующие ассоциации: *Карибский кризис* и *террористическая угроза*, соответственно.

2. *Сфера-источник «Кинематограф»* представлена в заглавиях прецедентными именами актеров или их ролей. Так, в заголовке статьи *"Diary: Not the new Marilyn Monroe"* из газеты *"The Independent"* в качестве прецедентного использовано имя известной американской актрисы Мэрилин Монро⁹. Прецедентное имя *Мэрилин Монро* имеет денотативное значение, так как обозначает персонажа в фильме, который планируют снять по роману писателя Эндрю О'Хагана, посвященной этой американской актрисе. В заголовке еще одной статьи *"Think Lauren Bacall, not Marilyn Monroe": The Clifford Chance guide to women speaking in public"* из газеты *"The Independent"* прецедентное имя *Мэрилин Монро* употребляется уже в коннотативном значении, так как основное внимание обращено на манеру говорения этой актрисы¹⁰. В статье Хлои Гамильтон идет речь о рекомендации того, как должна выглядеть и вести себя женщина-юрист, выступающая на публике и, когда речь заходит о том, каким голосом она должна говорить, то следует брать пример с Лорен Бэколл (американская актриса) и ее хриплого и более низкого голоса, нежели, чем с Мэрилин Монро.

В статье *"Strictly come dancing live review: is Ed Balls the British George Clooney"* Рэйчел Ворд используется имя американского актера Джорджа Клуни. В тексте статьи ведущая танцевального шоу, в котором участвовал бывший политик Эд Боллз, сравнивает его с американским актером, однако, как отмечает автор статьи, такое сравнение немного натянуто. Возможно, ведущая телешоу имела в виду то, что Эд Боллз был настолько же популярен в Британии, как Джордж Клуни в Америке:

*Indeed, host Anita Rani even labelled him as the "British George Clooney". A bit of a stretch, of course, but Rani's sentiment definitely captured the spirit of Balls's popularity*¹¹.

В заголовке следующей статьи *"Wine: Bridget Jones syndrome"* в качестве прецедентного выступает имя не реально существующего человека, а персонажа – *Бриджит Джонс*¹². Бриджит Джонс – героиня книги британской писательницы Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс», экранизированной под тем же названием. В статье говорится о том, что Оз Кларк, британский писатель, пишущий о винах, иронизирует в своем заявлении о том, что упадок Шардоне связан с его ассоциацией с влюбленной Бриджит Джонс, которая подкрепляла отсутствие чувства собственного достоинства очередным бокалом этого напитка. Отсюда и название статьи в переводе 'Вино: синдром Бриджит Джонс'.

Еще один персонаж из фильма, имя которого используется в качестве прецедентного, – *Джеймс Бонд*. Джеймс Бонд – агент Ми-6, шпион, отличающийся безупречным стилем не только в торжественных случаях, но и в повседневной жизни. В статье говорится о том, что самый известный в мире шпион вдохновил компанию Орлебар Браун на выпуск одежды (купальных костюмов) в стиле агента 007, а компания, в свою очередь, предоставила возможность любому человеку почувствовать себя Джеймсом Бондом. Отсюда заголовок статьи *"Here's how to dress exactly like James Bond this summer"* (досл. 'Вот пример того, как нужно одеваться, чтобы выглядеть, как Джеймс Бонд')¹³.

3. *Сфера-источник «Литература»* также представлена примерами использования прецедентных имен в заглавиях статей. В статье Чарльза Пирса о бывшем заместителе прокурора США Роде Розенштайне, попавшем в скандал, связанный с намерением тайной прослушки экс-президента Дональда Трампа, проводятся параллели с персонажем из романа Чарльза Диккенса «Дэвид Коперфильд» Урией Хипом:

*It is impossible to come out of a newspaper story worse than Rosenstein does here. He is now marked as some weird hybrid of L. Patrick Gray and Uriah Heep, with a dollop of Ottoman eunuch in there somewhere. Gaze in awe*¹⁴.

Прецедентное имя *Урия Хип* имеет следующие коннотации: «человек неприятной наружности», «лицемер», «человек, готовый убрать любого со своего пути».

⁷ URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/03/28/how-yemen-was-once-egypts-vietnam/>.

⁸ URL: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/01/19/listen-to-kennedy-on-cuba-for-clues-about-bush-on-iraq/32fa841a-f58b-4276-a866-3061c048fb34/?hpid=hp_hp-top-table-main-bush-iraq%3Alisten-to-kennedy-on-cuba-for-clues-about-bush-on-iraq%3Ahomepage%2Ft%3Alisten-to-kennedy-on-cuba-for-clues-about-bush-on-iraq&hpid=hp_hp-top-table-main-bush-iraq%3Alisten-to-kennedy-on-cuba-for-clues-about-bush-on-iraq%3Ahomepage%2Ft%3Alisten-to-kennedy-on-cuba-for-clues-about-bush-on-iraq.

⁹ URL: <https://www.independent.co.uk/news/people/diary/diary-not-the-new-marilyn-monroe-2055388.html>.

¹⁰ URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/think-lauren-bacall-not-marilyn-monroe-the-clifford-chance-guide-to-women-speaking-in-public-8905075.html>.

¹¹ URL: <https://www.telegraph.co.uk/dance/what-to-see/strictly-come-dancing-live-review-ed-balls-british-george-clooney/>.

¹² URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/food-and-drink/features/wine-bridget-jones-syndrome-850874.html>.

¹³ URL: <https://www.esquire.com/style/mens-fashion/a27493222/orlebar-brown-james-bond-007-collection/>.

¹⁴ URL: <https://www.esquire.com/news-politics/politics/a27290522/rod-rosenstein-donald-trump-russia-mueller-probe/>.

В следующем примере есть аллюзия к трагедии Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта». В статье идет речь о паре из Италии, знакомство которых произошло во время карантина из-за пандемии коронавируса. Схожесть с произведением Шекспира состоит в том, что события происходили в том же городе, что и события трагедии – Вероне, а также в том, что, как и у главных персонажей произведения, у реальных героев статьи сразу возникли чувства к друг другу. Однако реальная история имела счастливое окончание в отличие от вымышленной:

*An Italian couple has become known as the “Romeo and Juliet” of the coronavirus lockdown*¹⁵.

В заголовке статьи “*Kevin Pietersen is a hero for our age: Beowulf, Achilles and Lancelot in one*” Тома Холланда из газеты “The Guardian” в качестве прецедентных имен используются имена героев эпоса *Беовульф*, *Ахиллеса*, *Ланселота*¹⁶. Автор проводит параллели между капитаном английской команды по крикету Кевином Питерсеном и героями эпических произведений отмечая, что спортсмен обладает качествами, присущими настоящему герою – отважность, дерзость, вера в себя.

4. *Сфера-источник «Музыка»*. В заголовке статьи “*How 12-year-old Alma Deutscher became the world’s little Mozart*” из газеты “The Daily Telegraph” в качестве прецедентного имени используется имя великого австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта¹⁷. Автор сравнивает одаренную девочку из Австрии с великим композитором. Прецедентное имя *Моцарт* имеет следующие коннотации: «гений», «одаренный человек».

В следующем заголовке статьи “*Sir Paul warns One Direction over becoming ‘the next Beatles’*” из газеты “The Independent” используется прецедентное имя *Битлз* (*the next Beatles*)¹⁸. Битлз – британская рок-группа, которая была очень популярна в 1960 – 1970-х годах и чьи песни стали классикой. Сравнение с легендарной группой связано с огромной ответственностью, возлагаемой на тех исполнителей, которые этому сравнению подвергаются, в частности группа “*One Direction*”, о которой говорится в статье.

5. *Сфера-источник «Религия»* представлена прецедентными именами из Библии.

В отрывке из статьи “*First man? First dude? ‘Adam’ The TBD title of the first White House spouse*” Джейми Фуллера прослеживается отсылка к Библии. В статье использовано прецедентное имя *Адам*, которое имеет следующую коннотацию – первый человек (мужчина) на земле. Когда Билла Клинтона спросили о том, как его будут называть, если он станет мужем первой женщины-президента Соединенных Штатов Америки, он ответил, что его могли бы называть Адам:

*For example, what will we call Bill Clinton if he becomes the first female president's spouse? “Let’s say, if a woman became president, we could – I could be called ‘Adam,’” Bill Clinton told Rachael Ray on an episode of her talk show, which will air tomorrow*¹⁹.

Следующим примером использования прецедентного имени из сферы-источника «Религия» является заголовок статьи “*Philly Jesus” arrested for refusing to leave Apple store*” Дэвида Миллворда из газеты “The Daily Telegraph”²⁰. Здесь, как видно, использовано прецедентное имя *Иисус* (*Jesus*). Статья посвящена происшествию, случившемуся с молодым человеком, которого называют Филадельфийским Иисусом из-за его внешнего сходства со Спасителем, а кроме того, герой статьи являлся проповедником, что и послужило основой сравнения.

Заключение. Таким образом, в англоязычных средствах массовой информации (“The Daily Mail”, “Atlantic”, “The Daily Telegraph”, “The Washington Post”, “The Independent”, “Esquire”, “The Guardian”) для усиления влияния на мнение людей используется прецедентность как одно из современных важнейших языковых средств. Анализ фактического материала позволяет выделить прецедентные имена, апеллирующие к различным сферам-источникам: политика (Наполеон, Джордж Буш младший, Джордж Буш старший, Барак Обама, Хилари Клинтон, Вьетнам, Куба, Ирак), кинематограф (Мэрилин Монро, Джордж Клуни, Бриджит Джонс, Джеймс Бонд), литература (Урия Хип, Ромео и Джульетта, Беовульф, Ахиллес, Ланселот), музыка (Моцарт, Битлз) и религия (Адам, Иисус), показывает, что наиболее распространены в наше время имена политических деятелей, которые приобретают дополнительные коннотационные значения. Отмечается использование прецедентных имен чаще в заголовках статей для привлечения внимания читателя и усиления воздействия на его восприятие содержания статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т социального образования, 2007. – 207 с.

¹⁵ URL: <https://www.washingtonpost.com/lifestyle/2020/09/24/italian-couple-romeo-juliet-met-their-balconies-during-lockdown-now-theyre-engaged/>.

¹⁶ URL: <https://www.theguardian.com/sport/the-nightwatchman/2014/oct/09/kevin-pietersen-cricket-hero-beowulf-achilles-lancelot>.

¹⁷ URL: <https://www.telegraph.co.uk/women/life/meet-prodigy-alma-deutscher-12-year-old-opera/>.

¹⁸ URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/music/news/sir-paul-warns-one-direction-over-becoming-the-next-beatles-7603250.html>.

¹⁹ URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2015/01/28/first-man-first-dude-adam-the-tbd-title-of-the-first-male-white-house-spouse/>.

²⁰ URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/05/03/philly-jesus-arrested-for-refusing-to-leave-apple-store/>.

2. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / редкол.: В.В. Красных, А.И. Изотов. – М: Филология, 1997. – Вып.1. – С. 82–103.

Поступила 10.11.2023

PRECEDENT NAMES FROM DIFFERENT SOURCES IN ENGLISH LANGUAGE PRINT MEDIA

M. MATVEEVA

(Francisk Skorina Gomel State University)

The article, based on precedent names identified in the English-language print media, establishes their source areas (politics, cinema, literature, music, religion), the frequency and relevance of individual precedent names and their source, use in texts and, mainly, in article headings to attract the reader's attention and increase the impact on his opinion.

Keywords: *mass media, source sphere, precedent name, denotative meaning, connotative meaning.*

UDC 316.77:659:[811.161.1+811.111+811.411.21]

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-72-76

EXPLORING CROSS-CULTURAL COMMUNICATION TACTICS: A STUDY OF ADVERTISING TEXTS ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN, ENGLISH, AND ARABIC LANGUAGES**A. S. MOUNIR***(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)*

The study aims to acknowledge the communication tactics in the advertising texts used to implement strategies in the light of Russian, English, and Arabic examples. The paper considers the concept of advertising texts and the implementation of communication strategies into advertising texts, as well as highlights the main tactics, like "minus" tactics, positive presentation tactics, slander tactics, provocation tactics, warning tactics, deflecting or rejecting criticism tactics, cooperation tactics, motivation tactics and promise tactics. The study applies the methods of contextual and content analyses of advertising texts with reference to the methods of implementing communication strategies through text analysis as well as the advertising text. Results in describing the communication tactics and the language means that realise each tactic correspondingly.

Keywords: *advertising concept, advertising text, communication tactics, communication strategies.*

Introduction. Advertising represents a deliberate, sponsored, non-personal communication via mass media channels aimed at promoting goods, services, or concepts to a targeted audience. Its core function lies in imparting information, fostering favourable perceptions, and inciting desirable actions beneficial to the advertiser. The term advertising texts can be distinguished as written materials that are exclusively prepared to accomplish the advertising of the product, service, or concept. It is a form of mass communication that is conducted in such a way that it is non-personal and addressed to the masses. Advertising text is an instrument that draws the focus of the targeted audience to a certain brand, notion, or product and encourages them to make a buying decision. They can appear in various forms, such as print ads, internet ads, etc. The distinct features of the advertising texts are the high power of persuasion, the commercial nature of the goal, and the pursuit of the desired audience in order to sell or accomplish other marketing goals. Advertising tactics include methods to clearly discern and widely let these contents be known to the targeted audience. Such tactics include targeting the public, developing convincing messages, selecting the proper linguistic tools, etc. The effectiveness of the advertising tactic lies in the fact that advertising strategies determine whether the message is persuasive, enticing and relevant to the target audience. One needs a variety of tactical options to carry out a strategy, and as one's communicative proficiency increases, their inventory of these tactics increases as well. A variety of communicative tactics are used to implement communicative strategies, which are collections of speech actions created to address a particular communicative task. According to Wilson (2001), in order to further the chosen strategy, a combination of behavioural and communicative patterns is employed at specific points in a conversation, which are referred to as communicative tactics [13]. O. S. Issers defined communication tactics as "one or more actions that contribute to the implementation of the strategy." Moreover, they are interconnected as "genus and species" [7, p. 111]. These tactics may change if the advertiser or the speaker modifies his objectives or communication goals in the communication process. Thus, in our opinion, these tactics can be flexible, changeable, and dynamic. Consequently, to have effective and efficient communication, one should employ a variety of tactics, each of which contains a number of effective targeting phrases. In this article, the author considers the communication strategy as "a collection of tactics, the careful choice of which ensures communication success and enables the speaker to control not only the act of communication but also the interlocutor's opinion and, consequently, the actions and attentions of the recipients or the addressee." Accordingly, chosen communication tactics can help in engaging the target, making contact, and influencing them. Experienced advertisers, speakers, and interlocutors should be able to modify their tactics as the discussion progresses. As a result, communication tactics are a part of a more limited communication process because they relate to a set of communicative intentions rather than the result itself (see G. A. Parshutina & K. V. Popova, 2018 [11]). The use of the manipulation technique, which makes it possible to have a significant impact on audience opinion, is one of the key indicators of these tactics. Modern linguistics defines the term "communicative strategy" using a variety of methods, leading to a variety of classifications. This has to do with how strategies operate simultaneously across different discourse domains; consequently, this affects their approach to communication tactics. The paper raises the question of advertising text tactics and the linguistic approach to these advertising texts. By describing the specific language tools used in these tactics, we can describe how advertising text tactics are implemented. The most popular strategies in Russian, English, and Arabic advertising text are outlined here, along with their advantages: analysis: "minus" tactics, accusation tactics, positive presentation tactics, slander tactics, warning tactics, provocation tactics, tactics of deflecting or rejecting criticism, motivation tactics, cooperation tactics, and promise tactics.

Studying communication tactics in Russian, English, and Arabic texts is crucial for several reasons:

1. An important element for businesses that want their operations to be geared to a global scale is that they have an in-depth understanding of the diverse communication styles and strategies. Each culture has its own ways in which communication is done, and when you are aware of these nuances, communication across cultures is much more effective.

2. Understanding the diverse communication paradigms can be extremely useful to businesses in their attempts to adapt to the markets and, consequently, increase their probability of success in the non-native markets.

3. Taking into consideration divergent styles of communication creates awareness of cultural diversity and thus helps prevent misunderstandings that would otherwise generate misinterpretation or alienation of target groups.

4. Flexibility to utilise different communication approaches allows for tracking a rapidly changing environment and improves the effectiveness of global marketing operations.

5. Addressing communication patterns across languages helps to improve our community's understanding of human communication and will further the collaboration of scholars and professionals on a global level. In this way, researchers as well as practitioners can add value to the process of creating compelling narratives and building a good rapport with a diversified audience. This type of research leads to the creation of marketing plans that are inclusive and culturally sensitive and, thus, appeal to people that come from different backgrounds.

Literature review. Communication strategies are structured around the pursuit of goals and are interactive, directed, systemic, and realised through a range of speech tactics. Thus, the strategy determines the structures that will be used to help the advertisers, the speakers, or the interlocutor achieve their overall communicative intentions and objectives. According to T. S. Komisarova (2008), one's own self-presentation, which is represented by the tactics of identification and solidarization, is the source of speech influence [9]. Tactics that influence speech include vocabulary marking, emotional-evaluative vocabulary, and metaphor. When it comes to speech strategies, which are adaptable and can be realized by a variety of tactics and the intricate use of linguistic resources and methods, the concepts of a communicative strategy and tactics are interconnected as a type and a subtype. The goal of tactics is to carry out a specific communicative task in accordance with a specific milestone in the implementation of the strategy. A strategic speech plan is a collection of strategies, along with their tactics and techniques. Most researchers focus on the communication strategies without giving the communication tactics used to implement these strategies enough attention. Advertising texts are usually evaluated in terms of their strategies and tactics, which have been researched by a number of authors, such as Van Dijk (2000), Skulimovskaya D. A. (2017) and Oshchepkova N. A. (2020). People's interest in advertising texts has increased in recent years. As a result, they have developed a strong interest in the inspiring, thought-provoking, cooperative content that allows marketers and advertisers to use advertising text for public opinion influence. Advertising texts are targeted to inform or express the opinion; they are always aimed at forming a "positive or negative recipient attitude or worldview to influence his way of thinking" [1, p. 23]. D. A. Skulimovskaya (2017), after analysing the Barack Obama speech text, concluded that the tactics of the theatrical strategy are actively used [12]. N. A. Oshchepkova (2020) examines speech influence strategies and tactics in advertising text using speeches by foreign and Russian politicians as examples [10]. She paid attention to the manipulative characteristics of the advertising text. I.V. Bazarova (2020), paying attention to the study of small talk participants' communication strategies and tactics (mainly positive and unfavourable politeness in small talk), led her to identify the following tactics: tactics of showing interest in the interlocutor and a positive evaluation; tactics of intimidation, social advantage, and negative evaluation of other people, etc. [2]. What separates romantic communication in the Russian and English linguocultures is the application of romantic communicative personality tactics, which are implemented at the linguistic level in romantic communication situations, according to a study done by A. S. Zagrebelnaya (2021) [14]. Despite the fact that tactics can be predetermined as part of a prescriptive or deliberate strategy that is detailed in a written plan, they are frequently discovered and improvised during a communication effort, which can result in the rejection of emergent operational strategies. Tactics are typically chosen based on the communicator's knowledge and experience, observations of other people's communication activities, historical precedent, practicality, requests or inquiries from others, instructions or recommendations from clients, and/or requirements imposed by external circumstances. The purpose for which tactics are used is typically their foundation. According to Hallahan Kirk (2018), a tactic is a set of actions used to carry out a strategy [6]. In this article, we will focus mainly on advertising communication tactics using Russian, Arabic, and English examples.

Methodology. We used the descriptive qualitative research design in this study to identify, examine, and analyse the tactics used to implement communication strategies in advertising text. The article focuses on certain strategies that are primarily employed in advertising text. The main research methods used in this study are context-specific, content-specific, and speech analyses of advertising text. The samples chosen and analysed are media interviews, newspaper publications, and speeches of Presidents and Prime Ministers and politicians from Egypt, Russia, and the UK, which are accessible online on the official website. We chose different speeches from different time periods to enhance the article's results and the rigour of this scientific work. The researchers retrieved data ranging in date from 2014 until 2023. The researcher obtained the materials used in this article for analysis from the official internet website. The author searched the website archives for materials within the specified period. Then we used the keywords in advertising texts to find materials related to the research topic. These materials were downloaded and converted to Microsoft Word documents. Some of these materials have already been officially translated into English (the main language of this research). The material and data of this research consisted mainly of texts from the abovementioned countries and newspaper publications to identify the communication tactics used, besides previous scientific publications, dissertations, and international publications. The topics of these texts are related to advertising texts in the abovementioned countries. The author delineates the strategies employed to accomplish the primary goal of advertising text. Due to its wide range of advertising, including pamphlets, billboards, handouts, etc., as well as the fact that it is primarily the most productive area for research, linguists worldwide have become very interested in advertising texts. The information was taken from websites providing online promotional materials in Arabic, Russian, and English.

Analysis–“minus” tactics – strategies, where the interlocutor uses primarily lexical language to convey a negative communicative message while also subtly expressing negative emotions in relation to the events described. Generally, it carries a hidden effect that is characteristic. A relevant example, in our opinion, is what R. Sunak used in his inauguration speech: *"The government I lead will not leave the next generation, your children and grandchildren, with a debt to settle that we were too weak to pay ourselves... I will work day in and day out to deliver for you"*¹.

Accusation tactics – tactics are used in advertising text in which establishing the guilt of a specific person entails making accusations against opponents and proving their guilt with facts and arguments. Negatively construed words are usually used to criticise an opponent; impersonal denunciation is another form in which the communicator refers to the target by pointing at it and using vague personal pronouns and deictic language. To increase the impact on the listeners or the recipients', one may use syntactic and stylistic devices, specifically metaphors and a rhetorical question. Verbs with a strong negative connotation are used to describe the opponent's vicious actions; examples include *"kills," "cuts," "tortures,"* and *"launches rockets."* Utilising lexical tools with a negative connotation, such as *"dictator, criminal, murderer, and tyrant,"* allows for the creation of negative connotations.

Positive presentation tactics – tactics in which an individual "emphasises one's own virtues" in order to accomplish professional or personal goals; describing the subject only favourably by using words that have a positive connotation. One variation is the use of self-presentation techniques, which become a strategy when they are used as the primary goal rather than just a communication tool, mainly used in advertising text. T. A. van Dijk [5, p. 21] identified two tactics that are similar, presenting one favourably and painting the competition in a negative light. The goal of this tactic is determined by the speaker's desire to present a favourable image of himself in order to increase his status in the eyes of the audience. In his first inauguration speech as leader, Egypt's President Abdel Fattah el-Sisi talked about how strong and tough Egyptians are. They faced hard times and made a path for a better tomorrow. By saying this, he made people feel hopeful and made them trust him.

Slander and insulting tactics – tactics in which the speaker intentionally offends the other party in order to highlight his accomplishments and good looks in contrast to them. Kateneva (2010) makes the distinction between direct and indirect insults clear. Indirect insults include things like amphibolization, disphemization, and changing an anthroponymy into an ethnonym [8]. This strategy involves using words that have negative connotations, and it is most commonly used in advertising text. Moreover, slander and insulting tactics primarily employ offensive language and insulting vocabulary.

Warning Tactics – the warning tactics are carried out using the demonstration of potential solutions, and they are used in advertising text. These advertisements provide answers to the issue at hand and make recommendations for how to lessen its negative effects or provide strategies for avoiding its unfavourable effects, i.e., requesting that the addressee not do anything that could endanger or damage his reputation or the situation. For example, in our opinion: *"if you do not purchase this product, you risk injury and death"*².

Provocation tactics. The term "provocation" comes from the Latin word *'provocatio'*, which means "challenge." These tactics are regarded as manipulative and confrontational in nature. It is used in advertising text. Journalists utilise the provocation technique to accomplish their communication goal: to gather the necessary information and expose the politicians, i.e., promote behaviours that have detrimental impacts; some strategies include the use of taboo subjects, the rejection of universal human values, and the support of aberrant and delinquent behaviour. According to Dahl et al. (2003), the Benetton Company is frequently credited with developing provocative advertising appeals [4].

Tactics of deflecting or rejection of criticism – tactics contains arguments to justify certain actions in which the communicator or speaker attempts to defend himself in front of a sizable audience without getting into any sticky situations or bringing arguments in support of someone's position to support his or her actions. Whereas distancing him or her from the situation shows the audience that, they are impartial and innocent of the events being reported.

In the UK, leaders try to shift blame by pointing to outside stuff, saying their plans are right, or proposing other reasons for problems. These moves might help for a while, but they might not fix the real problems or tackle valid worries.

Motivation tactics – tactics, wherein the pronoun "we" is typically used to instill a sense of ownership in the addressee. It is a call to action, motivating the recipient to take a specific stance and convincing them to act in a way that benefits the communicator. Cruz et al. (2017) looked into the effect of pronouns on consumer interaction [3]. It was discovered that the utilisation of second-person pronouns in brand messaging, such as *"you"* and *"yours,"* raises the message's level of personal relevance and the number of people who like, comment on, and share it with others. For example: *"We will create a future worthy of the sacrifices so many have made and fill tomorrow and every day thereafter with hope"*³.

Cooperation tactics – tactic, which is a method of interaction that entails appealing to the recipient's principles and opinions in order to use them for one's own ends; the best outcomes arise from developing a trustworthy relationship with the person being addressed. For example: *"Economic and social development should go side by side with cultural development that could be attained through the contribution of men of culture and creativity, along with media people and artists in Egypt"*⁴.

¹ URL: <https://www.conservatives.com/news/2022/rishi-sunak-s-first-speech-as-prime-minister>.

² URL: <https://hbr.org/1987/09/product-liability-youre-more-exposed-than-you-think>.

³ URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/25/world/europe/rishi-sunak-speech-uk-prime-minister.html>.

⁴ URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/78278/Statement-by-President-Abdel-Fattah-El-Sisi-at-ceremony-marking-his-inauguration?lang=en-us>.

Promise tactics – tactics? in which it is the addressee's duty to fulfil the recipient's wishes after meeting any requirements; it is also vital that the addressee has faith in these promises, mostly employed in texts about advertising. Perfective verbs in the future tense are employed in this strategy. For example: *"I will unite our country, not with words, but with action"*⁵.

Table. – Analyzing linguistic devices in communication tactics

Tactics title	Linguistic device
Analysis-“minus” tactics	Lexical linguistic means
Accusation tactics	- Lexemes with a negative connotation; - Ambiguous personal pronouns and deictic language; - Metaphors and a rhetorical question; - Verbs with a strong negative connotation
Positive presentation tactics	Words that have a positive connotation
Slander tactics	Words that have a positive connotation. Offensive language, entirely taboo vocabulary
Warning Tactics	- Imperative mood; - Warning expressions and phrases
Provocation tactics	Provocation language
Tactics of deflecting or rejection of criticism	Language of argumentation, controversial language
Motivation tactics	Second-person pronouns mainly used
Cooperation tactics	Metaphors, rhetorical questions, using visual aids and cooperative language
Promise tactics	Perfective verbs in the future tense

Conclusion. Today, there are many approaches to the definition of the concept of communication tactics, which accordingly leads to the diversity of their classifications. The “minus” tactic employs lexical language to subtly express a negative message, emphasising the virtues of the speaker while indirectly expressing negative emotions about certain events. It aims at creating a good image of the speaker while slightly castigating others. On the other hand, accusation tactics involve negatively worded statements and impersonal disapprovals being used to condemn an opponent in order to find him guilty. By using strong negative connotations, communicators hope to discredit their opponents and influence the audience so that it can favour them. Positive presentation tactics involve showing off your good qualities and things you have done using positive words to make a good impression. This way, you can improve how people see you and make them think better of you by showing yourself in a good way. Slander and insulting tactics involve intentionally offending others to highlight one's own accomplishments and good qualities in contrast. By using offensive language and insulting vocabulary, communicators seek to elevate themselves at the expense of others. Warning tactics employ imperative language and warning expressions to caution against potential risks or negative consequences, urging the audience to take specific actions or avoid certain behaviours. Provocation tactics are approaches that stir up debate and controversy to elicit strong reactions. They aim to challenge norms and provoke reactions by addressing controversial and taboo subjects. Tactics of deflecting or rejecting criticism involve using them to counter criticism and defend actions, employing argumentation to justify actions and reject accusations, and aiming to maintain innocence and credibility in the eyes of the audience by distancing oneself from criticism and offering alternative explanations. In summary, these various communication strategies are essential in shaping texts, influencing viewpoints, and achieving specific communication objectives. Communicators strategically employ each tactic to navigate intricate communication situations effectively, whether it involves self-promotion, criticising adversaries, inspiring action, or countering criticism.

REFERENCES

- Andersson S., Pettersson Å. Provocative advertising: the Swedish youth's response [Электронный ресурс]. – URL: <https://lu.diva-portal.org/smash/get/diva2:1029621/FULLTEXT01>. (Дата обращения: 06.09.2023).
- Базарова И. Комунікативні стратегії і тактики учасників світського спілкування [Электронный ресурс] // Writings in Romance-Germanic Philology. – 2020. – № 1(44). – P. 4-13. – DOI: [https://doi.org/10.18524/2307-4604.2020.1\(44\).210990](https://doi.org/10.18524/2307-4604.2020.1(44).210990).
- Cruz R., Leonhardt J., Pezzuti T. Second Person Pronouns Enhance Consumer Involvement and Brand Attitude [Электронный ресурс] // Journal of Interactive Marketing. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intmar.2017.05.001>.
- Dahl D., Frankenberger K., Manchanda R. Does It Pay to Shock? Reactions to Shocking and Nonshocking Advertising Content among University Students [Электронный ресурс] // Journal of Advertising Research. – 2003. – Vol. 43. – Iss. 3. – P. 268–280. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021849903030332>.
- Дайк Т. А. Ван. Language. Знание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- Strategic Communication [Электронный ресурс] / Robert L. Heath, Winni Johansen, Kirk Hallahan, Benita Steyn, Jesper Falkheimer, Juliana J. C. Raupp. – DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119010722.iesc0172>.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
- Катенева И.Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в медиатекстах: на материале общественно-политических оппозиционных изданий: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Новосибирск, 2010. – 250 л.

⁵ URL: <https://prorhetoric.com/i-will-unite-our-country-not-with-words-but-with-action/>.

9. Комиссарова Т.С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе (на материале выступлений Г. Шредера): дис. ... канд. филол. наук. – Орел: Орлов. гос. ун-т, 2008. – 250 л.
10. Ощепкова Н.А. Реализация механизмов речевого воздействия в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 3(80). – С. 121–132. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-80-3-121-132>.
11. Galina A. Parshutina & Ksenia V. Popova. Strategic implementation of verbs of communication in English business discourse [Электронный ресурс] // Journal: Training, Language and Culture. – DOI: <https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.3.6>.
12. Скулимовская Д.А. Стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале выступлений Б. Обамы) // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1. – С. 106–112.
13. Wilson L. J. Extending strategic planning to communication tactics / In C. Skinner, L. Von Essen, G. M. Mersham, S. Motau (Eds.) // Handbook of public relations. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2001. – P. 215-222.
14. Загребельная А.С. Дискурсивные стратегии и тактики романтического коммуниканта в ситуациях романтического общения // Литера. – 2021. – № 6. – С. 16–24.

Поступила 16.09.2023

ИЗУЧЕНИЕ ТАКТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИЗУЧЕНИЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

А. С. МУНИР

(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

Целью исследования является рассмотрение коммуникативных тактик в рекламных текстах, используемых для реализации стратегии, на примере русского, английского и арабского языков. В статье рассмотрено понятие рекламных текстов и реализация коммуникативных стратегий в рекламных текстах, а также выделены основные тактики, такие как тактика «минуса», тактика позитивного представления, тактика клеветы, тактика провокации, тактика предупреждения, тактика отклонения или отклонения критики, тактика сотрудничества, тактика мотивации и тактика обещания. В исследовании применяются методы контекстного и контент-анализа рекламных текстов с привязкой к методам реализации коммуникативной стратегии посредством анализа текста, а также текста рекламы. Описываются тактики коммуникации и языковые средства, реализующие каждую тактику соответственно.

Ключевые слова: рекламная концепция, рекламный текст, коммуникационная тактика, коммуникационные стратегии.

УДК 81'373.43:811.161.1"20"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-77-81

НЕОЛОГИЗМЫ ЭПОХИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.А. САВИЦКАЯ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9423-1813>

В последнее столетие ученые отмечают небывалый рост неологизмов. В 2020 году причиной неологического взрыва послужила пандемия коронавируса, которая оставила свой след во многих языках мира. Язык, в свою очередь, является отражением всех значимых и актуальных явлений и событий в обществе. Данная статья посвящена изучению неологизмов, возникших в период пандемии коронавируса и рассматриваемых в лингвокультурологическом аспекте. Анализируются слова, появившиеся в русском языке, отражающие менталитет создателя, а также являющиеся результатом влияния других культур на их возникновение. Материалом для статьи послужили лексические единицы, которые являются отражением новой реальности, нашли широкое отражение в языке СМИ, уже зафиксированы в национальном корпусе русского языка и словаре русского языка коронавирусной эпохи. Проведенный анализ показал, что неологизмы эпохи пандемии заслуживают внимания не только с учетом их формально-смысловых особенностей, но и будучи одним из проявлений элементов культуры разных народов и восприятия окружающей действительности носителями языка.

Ключевые слова: неологизмы эпохи пандемии коронавируса, COVID-19, лингвокультурология, контаминация, аффиксация.

Введение. Язык оказывает непосредственное влияние на культуру, к которой он относится. Существование языка без культуры невозможно. Неологизм является сложным, многоплановым феноменом языка и культуры. Поэтому современный подход к изучению языка, в частности, новообразований, предполагает не только их изучения с точки зрения словообразовательного аспекта, но и с точки зрения исследования неологизмов как элементов лингвистического пространства в условиях пространства культурологического. Последствия катастрофических событий пандемии нашли отражение в сознании человека в виде активного и непрерывного образования неологизмов так называемой «коронавирусной эпохи»¹. Можно сказать, что проблема пандемии коснулась всего мира и нашла свое отражение в языковом пространстве всех без исключения национальных культур. По подсчетам исследователей, только в русском языке появилось около 3500 лексических новообразований, которые образованы с помощью различных способов словообразования². Помимо формальных особенностей, слова, появившиеся в период пандемии COVID-19, также являются ярким примером взаимодействия языка и культуры разных народов, разных моделей мировосприятия в процессе создания актуальных и новых для человеческого сознания понятий.

В своем исследовании мы рассматриваем неолексiku русского языка COVID-19, выделяя её лингвокультурные и семантические особенности, свидетельствующие об особенностях менталитета с точки зрения общества, породившего данные лексемы. Целью данного исследования является анализ неологизмов тематической области пандемии коронавируса в лингвокультурном аспекте. Объект исследования – неологизмы эпохи пандемии, зафиксированные в Словаре русского языка эпохи пандемии³, СМИ и НКРЯ. Предмет исследования – национально-культурная специфика «ковидной» лексики русского языка.

Основная часть. Методологической базой для проведения исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, изучавших общие вопросы неологии, а также потенциал неологизмов с позиции лингвокультурологии. В частности, такие подходы к исследованию материала мы находим в научных трудах Н.З. Котеловой [1], Л.П. Катлинской [2], Т.А. Гуральник [3], В.В. Катерминой⁴, Г.В. Комарова⁵, а также R. Gozzi [4], J. Algero [5], T. Scott-Phillips⁶ и K. Burridge [6]. При рассмотрении русской лексики пандемии коронавируса мы также опирались на работы И.В. Рец⁷, Л.С. Абросимова⁸, Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурской, И.В. Палоши⁹.

¹ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-i-posledstviya-pandemii-covid-19-sotsialno-ekonomicheskoe-izmerenie>.

² Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Е.С. Громенко и др.; редкол.: Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. – СПб.: Ин-т лингв. исследований РАН, 2021. – 550 с.

³ Там же.

⁴ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-aspekt-novoy-leksiki-pandemii-koronavirusa>; DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.200>; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otobrazheniya-pandemii-koronavirusa-v-leksike-meditsinskogo-diskursa-na-osnove-angliyskih-neologizmov>.

⁵ Комаров В.Г. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Краснодар, 2007. – 22 с.

⁶ DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2010.06.006>.

⁷ Рец И.В. Лингвокультурологические и эколингвистические основы неонимации: дис. ... канд. филолог. наук. – Волгоград, 2014. – 197 л.

⁸ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-kak-faktor-izmeneniya-yazykovoy-kartiny-mira>.

⁹ DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>.

В нашем исследовании все неологизмы, заслуживающие внимания в отношении лингвокультурологии (помимо формальных семантических особенностей), мы условно разделили на следующие типы:

- 1) неологизмы, созданные ресурсами самого языка или собственно национальные неологизмы;
- 2) неологизмы, содержащие контаминант, имеющий отношение к русскому фольклору;
- 3) неологизмы-жаргонизмы или неологизмы, являющиеся разговорной лексикой;
- 4) инновации, с контаминантом заимствованным из других языков;
- 5) фразеологические инновации;
- 6) крылатые выражения;
- 7) устойчивые выражения;
- 8) голофрастические конструкции.

Рассмотрим примеры для каждого из выделенных нами типов.

Неологизмы эпохи пандемии являются ценнейшим материалом для проведения лингвокультурного анализа. Так, слово *вирусокопный* образовано при помощи контаминации слов лексического состава русского языка вирус + високосный (здесь имеется ввиду каждый 4 год, содержащий 366, а не 365 дней в году, поскольку в этом году в феврале вместо 28 дней 29). По русским народным поверьям, високосный год является несчастливым и опасным, так как в такой год увеличивается процент смертности людей, домашнего скота, случаются эпидемии, возникают природные катастрофы. Так и в получившейся контаминации мы наблюдаем, своего рода, игру слов со значением опасности или несчастья. Неологизм *зумерничать* от зум + сумерничать. Значение русского слова сумерничать означает 'сидеть без огня в сумерках, отдыхая или беседуя'. Так и данный неологизм обыгрывает название онлайн платформы ZOOM, которая использовалась для проведения совещаний и удаленной работы в сумерках во время карантина. *Ковиданный* от ковид + невиданный (поразительный) используется в значении 'невиданный, небывалый и относящийся к COVID-19'.

Необходимо подчеркнуть немногочисленные примеры коронеологизмов, образованных путем контаминации и состоящих из трех основ с соединительной гласной -о. *Карантиновремяпрепровождение* – от карантин + о+ время + препровождение, используется в значении 'коротать время на самоизоляции или во время карантина'. Неологизм *карантинокототерапия* образован посредством соединения компонентов карантин+ о + кот+ терапия и связан с уделением чрезмерного внимания своим домашним питомцам во время карантина, а также использование их в качестве *котомодели*, *котовентаря* и *котоспокойного*.

Среди неологизмов, выделенных в исследовании, интересными, на наш взгляд, являются неолексемы *перековидеть* и *перековидить*. Данные глаголы тождественны по значению 'переболеть короновирусной инфекцией', однако у лексемы *перековидить* отмечается еще одно значение 'заразить большое количество людей короновирусом'. Существенно, что рассматриваемые неологизмы своеобразно «дублируют» характерную для русского глагола оппозицию суффиксов -е-(ть) и -и-(ть). Таким образом, «своеобразие самих способов представления деривационной семантики»¹⁰ может обнаруживаться не только при сопоставлении глагола в славянских языках, но и в пределах новообразований в рамках вполне конкретного языка.

Вариантность новообразований может затрагивать и акцентуацию: *карантин`ец* и *карант`инец*. Первое слово *карантинец* является контаминацией от карантин + капец (конец, трындец) и используется в значении 'о крайне тяжелых последствиях вируса', а второе слово образовано аффиксальным способом и используется в двух значениях 'о человеке, у которого подозревают ковид и он вынужден находится на карантине' и 'о поколении, которое появилось в период самоизоляции'.

В своем исследовании мы выявили, что некоторые новые слова могут образовываться при помощи контаминации с одинаковым элементом. Так, было выявлено 3 неологизма, содержащих элемент контаминации *холокост*. *Карантинокост* от карантин + холокост, *ковидокост* от ковид + о + холокост, *пфайзеркост* от пфайзер (американская вакцина от короновирусной инфекции одноименной компании + холокост). Слово холокост (от лат. holocaustum из греч. holos – целый, всеобщий и kaiein – сжигать) является заимствованием, оно использовалось для обозначения способа принесения религиозной жертвы. В русском языке данное слово появилось лишь в 2000 г., было заимствовано из английского языка и означает 'массовое уничтожение евреев в Германии в годы Великой отечественной войны'. Созданные новые слова с элементом *холокост* используются в переносном значении, так *карантинокост* означает 'приостановку деятельности из-за карантина'. Ближким по значению является неологизм *ковидокост* – 'поиск и привлечение к ответственности лиц, несоблюдающих противоэпидемические меры' и *пфайзеркост* – 'об истреблении населения путем введения вакцины от короновируса'.

Национально-культурная маркированность неологизмов прослеживается также в ходе анализа лексем, которые могут быть объединены в своеобразные парадигмы с тождественным компонентом. Так, рассмотрим слова с компонентом *самоизоляция*. Данное слово является полукалькой и заимствовано из английского языка (*self-isolation*) (здесь 'добровольная изоляция с целью предотвращения инфекции'). Путем контаминации со словом *самоизоляция* образованы следующие неологизмы: *виноизоляция* – 'о дегустации вин в период самоизоляции', *домоизоляция* – 'в шуточной форме о самоизоляции', *киноизоляция* – 'массовые акции в социальных сетях в период карантина, которые предполагают создание сцен из фильмов из подручных материалов', *лесоизоляция* –

¹⁰ Никитевич А.В. К сопоставлению деривационных подсистем глагола в славянских языках // Мовознаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII міжнар. з'езд славістаў (Любляна, 2003): дакл. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – С. 144–158.

‘в шуточной форме проведение самоизоляции в лесу’, *дачаизоляция* – ‘нахождение на даче в период карантина’, *алкогоизоляция* – ‘употребление алкогольных напитков на самоизоляции в период карантина’, *изоизоляция* – ‘воссоздание известных картин в домашних условиях людьми из подручных материалов’.

Отметим, что новые лексемы, появившиеся в период пандемии, содержат компонент, заимствованный из русского фольклора. Примерами таких неологизмов послужили *ковидыч*, *короныч*, *корыныч*, образованные при помощи контаминации, ковид-, корона- + Змей Горыныч. Данное мифическое трехглавое существо рассматривается в русских народных сказках как нечто злое. Так и в упомянутых выше новообразованиях просматривается элемент зла, когда говорят о коронавирусной инфекции. Словосочетание *ковидище Поганое* также обращено к фольклорному мотиву (по аналогии с ‘чудище поганое’), используется в функции имени собственного для наименования коронавирусной инфекции.

Особую группу составляют инновации, содержащие контаминант из другого языка. Стоит отметить, что большое влияние на возникновение неологизмов оказал английский язык, так в русском языке появилось слово *карантим* (*quarantine+team*) – ‘группа людей, которая проживает и работает вместе в период изоляции’, где элемент «тим» в переводе с английского обозначает ‘команду’. Слово *ковидог* – ‘специально обученная собака способная обнаружить больных коронавирусом’. Образовано путем контаминации ковид+ dog, где «дог» с английского языка переводится как ‘собака’. *Кунг-флю/кун-флю* образовано путем контаминации и обозначает ‘одно из новых президентских обозначений COVID-19’. Первый элемент неологизма является производным от китайского боевого искусства кун-фу (ушу), а второй «флю» с английского переводится как ‘грипп или ОРВИ’. Существительное *ковидоарламист* – ‘человек, который рьяно поддерживает теорию существования коронавирусной инфекции, а также выступает за введение средств и методов противостояния COVID-19’ (противоположное *ковид-диссиденту*). Здесь вторая часть неологизма ‘-арламист’ образована от английского слова «alarm», что на русский язык переводится как ‘тревога, сигнал опасности, предупреждение об опасности’. *Коронаэксит* (от коронавируса + exit) – ‘процесс, связанный с отменой ограничительных мер, которые были введены в период локдауна’.

На процесс формирования неолексик периода пандемии оказывает влияние и немецкий язык. Например, лексема *ковид-аусвайс* образована от универба *ковид* и немецкого слова «ausweiss», которое переводится на русский как ‘удостоверение личности’. Здесь неологизм обозначает ‘ковидный паспорт/сертификат, подтверждающий факт вакцинации от ковида’. Иронично был назван пропуск, используемый в Москве в период самоизоляции, – *собьяусвайс*. В данном случае слово-контаминант образовано от фамилии мэра Москвы и обозначает ‘особый пропуск, введенный по распоряжению мэра’. Еще одним заимствованием из немецкого языка является контаминант «nazi» в слове *вакци-nazi/вакци-наци*. Nazi является сокращением, происходит от нем. nazionalsozialist. Слово *вакци-nazi* используется с отрицательной экспрессией и характеризует людей, которые сражаются в сети с *ковид-диссидентами* и *антиваксерами*, за то, что те, в свою очередь, не прививаются от ковида или же не прививаются вообще.

В русских неологизмах содержатся элементы древнегреческой и греческой мифологии, которые также внесли свой вклад в формирование. Так возникли неоминации *вахцина* от Вакх + вакцина, *вахцинация* от Вакх + вакцинация, где первый элемент контаминации представлен именем собственным «Вакх», которое в древнегреческой мифологии носил бог виноделия. Однако здесь неологизм используется в значении ‘обильного употребления спиртных напитков’. Слово *хароновир* (о коронавирусной инфекции) образовано от Харон + о + коронавирус, где «Харон» является именем собственным и в греческой мифологии и изображен старцем, который перевозит души умерших.

Большой пласт неолексем составляют жаргонизмы и разговорная лексика. Рассмотрим некоторые из примеров: жаргонизм *вжоперти* используется в значении ‘пребывать на строгой самоизоляции, в закрытом помещении’. Здесь наблюдается фонетическое искажение русской лексемы «взаперти», но с небольшим дополнением, указывающим на очень плохую ситуацию, так как словосочетание «в жопе» в русском языке обозначает ‘находиться в безнадёжной, безысходной ситуации’. *Ковидятел* используется в речи *ковид-диссидентов* и означает ‘человека, выступающего за строгое соблюдение мер по борьбе с коронавирусом’, и образовано путем контаминации ковид+ дятел. Дятел в русском языке может рассматриваться не только как лесная птица, но и использоваться в разговорной речи как бранное слово в значении ‘дурак, тупица’. Неологизмы, начинающиеся с жаргонизма «фуфло-» (*фуфловир*, *фуфлодемик*, *фуфлодемия*, *фуфлопидемия*, *фуфловакцина*, *фуфловир*, *фуфловиральный*, *фуфлоковид*, *фуфло-карантин*), являются сложными дериватами и используются в речи ковид-диссидентов. В русской разговорной речи слово *фуфло* употребляется, когда мы говорим о чем-то негодном, плохом. В настоящих примерах данный компонент формирует «контекст отрицания» и рассматривается, как что-то ненастоящее, подделка, фальшивка. Слово *застрянцы* образовано путем аффиксации, здесь используется в значении ‘людей, застрявших в период пандемии в другой стране после закрытия границ’. Существительное *погулянец* является разговорным словом, образовано аффиксальным способом, используется в значении ‘о том, кто в период пандемии нарушает режим самоизоляции’.

Важно отметить фразеологические новшества (идиомы), возникшие в период пандемии. Так известная нам фраза *пирожок с повидлом* в период пандемии поменялась на *пирожок с ковидом* и приобрела несколько значений: 1) *Пирожок с ковидом*, где под ковидом подразумевается сам вирус «Людям предлагалось покушать пирожки с ковидом». ВСП. ru 20.07.21. 2) О зараженном коронавирусом «Вчера выяснилось, что я все-таки не пирожок с ковидом...». fanfics.me 16.12.2020. Так же возникла новая фраза *получить пирожок с ковидом*, используемая в значении ‘заболеть, заразиться коронавирусной инфекцией’. «Коронавирус здорово испортил репутацию не только летучим мышам и китайцам, но и православному богу. Протоиереи, все эти протоиерейки»

и архиереи, игумены получают свой пирожок с ковидом... с ковидом, прошу прощения и, заразив десяток коллег и пару сотен прихожан, отправляются как бы прямым путем в крематорий». И.А. Хакасия [19rus.info] 01.05.2020. Фразеологическая инновация *ковиднутый на всю голову* образована от выражения *больной (стукнутый, двинутый) на всю голову*, используется при обозначении/назывании человека, строго соблюдающего меры против коронавирусной инфекции. «Пффф, что вы, вирус уже уходит. А мы просто «ковиднутые» на всю голову». SeldonNews [news.myseldon.com] 21.09.2020. Шутливый эмоционально-экспрессивный фразеологизм с отрицательной экспрессией, включающий в свой состав производное от слова *ковид* – *ковиднутый*: *ковиднутый медным тазом* (перестать существовать), образовано от фразы *накрыться медным тазом*. Ср.: «Тут все ковиднулось медным тазом. И все наши надежды ковиднулись по перечисленным выше причинам». Sports.ru 24.05.2020. *Коронавируснуть в расход* то же, что и «пустить в расход (ликвидировать, уничтожить)»: «Сочувствую Джаз менам...им совет переквалифицируйтесь в байкерах и всадников...ну а че...в коляске с контрабасом, на лошади с трубой... Их пока не "коронавируснули" в расход.». kuzpress.ru 31.08.2020.

Отдельное внимание стоит уделить немногочисленным голофрастическим конструкциям. Так, суффиксальным способом образован голофразис *сидидомец* (сиди дом(а) + ец), который используется в значении «человек, который активно выступает за соблюдение карантина, самоизоляции и противоэпидемических мер». Еще одним примером является голофрастическая конструкция с наличием полуконтакта *ковид-как-он-есть*.

Появились новые крылатые выражения с неолексикой. Приведем примеры некоторых пословиц и поговорок. *Лучше «Спутник» с водой, чем ковид с бедою* – образована от исконно русской пословицы *лучше хлеб с водой, чем пирог с бедою*. *Сдай, сверчок, свой мазок по аналогии с знай, сверчок, свой шесток*. Большое количество своеобразных антипословиц возникло со словом *маска*: *каше маска не помеха* dzen. ru 30.04.2020; *по маске встречаются, а по температуре провожают* КП Санкт-Петербург 11.09.2021; *своя маска ближе к телу* komersant.ru 03.02. 2020 и др. Стоит отметить, что существительное *маска* является не новым, однако в период пандемии оно получило новое значение «средство индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции». Выражение *презумпция ковидности* образовано от формулировки известного принципа, который используется в судебной системе. *Мы работали по принципу «презумпции ковидности», нужно было доказать, что это не он (здесь – ковид), а до тех пор мы считали это симптомами коронавируса*. Экспресс газета [https://www.eg.ru] 08.08.2023. Здесь все приведенные нами выражения являются примерами русских антипословиц-карантинок, которые, в свою очередь, используются как средство языковой игры. Помимо этого, нами было обращено внимание на выражение *коронный номер* «связанный с короновирусной инфекцией CODID-19» (контаминация *коронный* + *номер*), которое, безусловно, является результатом проявления семантической деривации. Другой пример – словосочетание *вирусмжорные обстоятельства*, которое появилось в результате соединения слова *вирус* и выражения *форсмжорные обстоятельства* (*чрезвычайные, непреодолимые обстоятельства*).

Заключение. Проведенный анализ русской лексики пандемии коронавируса показал, что неологизмы рассматриваемой группы образуются, преимущественно, путем сложения двух основ. Немногочисленными являются коронеологизмы, состоящие из трех основ с соединительной гласной -о, а также неологизмы, образованные путем аффиксации. Производные представляют собой номинации, относящиеся к словам разных частей речи. Некоторые из составляющих новообразования компонентов образуют достаточно продуктивные и многочисленные серии производных слов. Компоненты словосложений по своему происхождению и сфере функционирования восходят к самым различным пластам лексики: среди них можно отметить слова исконные, заимствования, жаргонизмы. Рассматриваемые единицы характеризуют и литературный язык, и разговорную речь, просторечие, они достаточно широко представлены и в интернет-пространстве языка. Помимо формально-смысловых особенностей, неологизмы эпохи пандемии заслуживают внимания и с точки зрения лингвокультурологии. Проанализированный материал позволяет утверждать, что неологизмы рассматриваемого типа являются одним из проявлений восприятия окружающей действительности носителями языка, принадлежащими к вполне конкретным национальным культурам. В целом ряде новообразований первой четверти XXI века задействованы глубинные пласты духовной культуры, мировосприятия, основанного на истории, литературе, фольклоре и т.п. Следует отметить и то, что пандемия, безусловно, в определенном отношении послужила толчком к сближению русского и английского языков, а это свидетельствует о сближении абсолютно разных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котелова Н.З. Первый опыт описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – М., 1982. – С. 5–25.
2. Катлинская Л.П. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 2009. – 173 с.
3. Гуральник Т.А. «Американский образ жизни» в зеркале неологизмов: опыт концептуального анализа // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманитарная серия. – 2006. – № 5/1(45). – С. 166–171.
4. Gozzi R. New Words and a Changing American Culture. – University of South Carolina Press, 1990. – 108 p.
5. Algeo J. Fifty years among the new words: A dictionary of neologisms, 1941–1991. – Cambridge: Cambridge UP, 1991. – 267 p.
6. Burridge K., Bergs A. Understanding language change. – USA: Taylor & Francis, 2016.

Поступила 17.10.2023

**NEOLOGISMS OF THE ERA OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC:
LINGUOCULTURAL ASPECT****V. SAVITSKAYA***(Yanka Kupala State University of Grodno)*

In the last century scientists have noted unprecedented growth of neologisms. The cause of neological boom in 2020 was precisely due to spreading coronavirus pandemic, which left a mark in many languages around the world. Language, in turn, is the reflection of all relevant phenomena and events in society. This article is devoted to the study of neologisms that arose during the coronavirus pandemic and are considered in the linguocultural aspect. We analyze words appearing in the Russian language that reflect the mentality of the creatoras well as being the result of the influence of other cultures on their emergence. The article is based on the materials of investigations of lexical units which reflect a new reality and are widely used in mass media, have already recorded in the National Corpus of Russian Language and in the dictionary of the Russian language of the coronavirus era. The analyses showed that the neologisms of the pandemic era deserve the attention not only because of their formal-semantic features, but also are one of the manifestations of elements of the culture of different peoples and perception of the surrounding reality by speakers of the language.

Keywords: *neologisms of the era of the coronavirus pandemic, COVID-19, language, linguoculturology, blending, affixation.*

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СУПЕРСТРУКТУРЫ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Е.В. СТЕФАНОВА

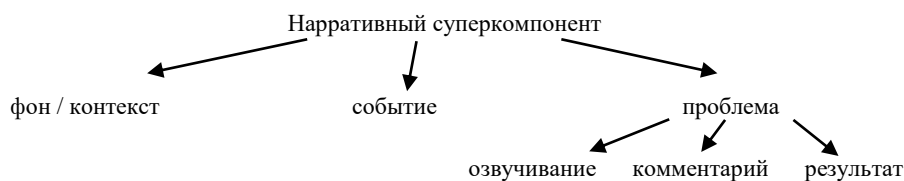
(Минский государственный лингвистический университет)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5445-3094>

В фокусе внимания находится аргументативный компонент суперструктуры научно-популярных выступлений. Он включает три субкомпонента (тезис, аргумент, демонстрация). Тезис иллюстрирует позицию автора научно-популярного выступления касательно поднимаемой в выступлении проблемы. Аргумент служит средством доказательства утверждения. Демонстрация является средством пояснения / уточнения первых двух субкомпонентов. Таким образом, функция демонстрации – помочь зрителям / слушателям понять всю полноту информации, заключенной в тезисе и аргументе. Палитра языковых средств маркирует описанный в настоящей статье аргументативный суперкомпонент и его субкомпоненты. Понимание механизмов генерирования суперструктуры необходимо, в частности, студентам переводческих специальностей для лучшего запоминания больших объемов информации при осуществлении устного перевода.

Ключевые слова: суперструктура, нарративный компонент, аргументативный компонент, тезис, аргумент, демонстрация.

Введение. В проведенных нами ранее исследованиях было установлено, что суперструктурная схема выступлений научно-популярной направленности включает в себе два суперкомпонента: нарративный и аргументативный. Целью представленного исследования, направленного на изучение прагматической структуры публичного выступления в научно-популярном дискурсе, является выявление аргументативного компонента суперструктуры научно-популярных выступлений формата TED Talks. Нарративный суперкомпонент в своем составе имеет три субкомпонента (при этом субкомпонент «проблема» в своей структуре включает три подтипа:

Фоном в данной схеме являются ситуации из прошлого. Дискурсивными маркерами фона, как правило, выступают:

1. Сочетание союза ('когда', when) + глагол в форме прошедшего времени (придаточная часть предложения). Необходимо отметить, что точный временной интервал может быть отмечен (упоминание даты), а может и не быть обозначен.

2. В англоязычных выступлениях сочетание союза while, when + неличная форма глагола Participle I (*while investigating* 'когда изучал', *when finding out* 'когда обнаруживал' и т.д.).

3. Глаголы, которые отражают значения «память, воспоминания» ('я вспомнил, как...' и др.).

4. Указанные в пункте 3 глаголы в повелительном наклонении (*let's recall*, 'давайте вспомним' и т.д.).

Ситуации настоящего выступают в роли контекста. Темпоральные конструкции ('сегодня', 'сейчас', 'в настоящий момент', *currently*, *right now* и др.) служат дискурсивными маркерами контекста.

Событие – та часть научно-популярного выступления, где обозначен случай, происшествие из жизни выступающего. Маркеры события представлены существительными и глаголами событийной тематики (*announce*, *introduce*, 'объявлять', 'заявлять' и т.д.).

В озвучивание проблемы вводят союзы в придаточной части предложения (*what if*, 'что если'), комментарий маркируют: подлежащее (я / мы + сказуемое (сказуемое может выражать мнение ('мы уверены в том, что...'), подлежащее и сказуемое (значение нежелательности или отсутствия желательности, неуверенности или отсутствия уверенности (при этом степень уверенности усиливается за счет наречий: 'сильно уверен', 'совсем не уверен' и др.), вводные слова и конструкции ('очевидно', *no doubt* и др.). Вводные слова ('итак', *as we see*), существительные ('вывод', 'результат', 'заключение', *way-out*, *outcome*) маркируют компонент «результат».

Данная статья будет сфокусирована на аргументативном суперкомпоненте суперструктуры научно-популярных выступлений (выступления формата TED Talks), который был выявлен с помощью логико-семантического анализа и опоры на языковые средства.

Основная часть. Е.Н. Лисанюк пишет о том, что рациональные агенты осуществляют особую познавательную интеллектуальную деятельность при помощи речевых действий посредством речевой коммуникации, которая строится по особым правилам. Указанная выше познавательная интеллектуальная деятельность – это

аргументация. В процессе диалога происходит проверка состоятельности позиций (состоятельность позиций агентов является предметом аргументации) [1, с. 276]. А.Ю. Мягкова проводит следующее разграничение терминов «убеждение», «аргументирование» и «аргументация»: «если речь идет о результате, целесообразно использовать термин "убеждение", который принят в когнитивной лингвистике, рассматривающей мыслительные механизмы в сознании коммуникантов; если прежде всего интересует технология, операционный аспект, лингвистический инструментарий, то более оправдан термин "аргументирование", кстати в противоположность аргументации как системе аргументов. Аргументирование является достаточно продуктивным способом речевого воздействия, поскольку представляет собой особый тип рассуждения, который предоставляет автору возможность добиться эффективного общения в социальной среде» [2, с. 94–95].

Известно, что сугубо научный устный дискурс отличается от других типов дискурса тем, что аудитория, как правило, не нуждается в предварительной подготовке, так как собравшиеся изначально заинтересованы в получении актуальной информации по той или иной профессиональной тематике. Также подобные выступления имеют высокую степень смысловой нагруженности. Автор ставит перед собой цель апробировать полученные результаты, обосновать и распространить их, добиться одобрения экспертного сообщества и т.д. В противоположность сказанному, аудитория, для которой готовится выступление, относящееся к научно-популярному дискурсу, нуждается в предварительной подготовке, поскольку не все зрители / слушатели могут быть осведомлены в полной мере о затрагиваемых вопросах.

С.Х. Карчаева пишет о том, что стилистическая оппозиция «книжное – разговорное» и противопоставление процессов порождения и восприятия речи дают возможность противопоставить научный стиль разговорному. «Устные научные тексты редко используют возможности цитирования как установления дискурсивных связей с другими текстами» [3, с. 18]. По мере развертывания научного выступления у авторов присутствует стремление, по мнению С.Х. Карчаевой, привести «основную аргументацию, которую принято обосновывать фактическим материалом, а не обращением к авторитетным личностям, топосу и аналогии» [3, с. 18]. Термин «топос» имеет разные определения, дословно переводится как «место». В литературоведении и риторике, в частности, данный термин означает повторяющийся мотив. В случае научно-популярных выступлений таким мотивом выступают приводимые автором выступления аргументы. Упомянутая выше оппозиция «книжное – разговорное» не является оппозицией, если речь идет про научно-популярные выступления. В данном случае сочетание элементов, присущих книжному и разговорному стилю, наряду с эксплицитными прямыми и косвенными цитатами, прецедентными ономастическими элементами, которые выполняют и номинативную функцию, и являются отсылкой к объекту культурного пространства, выполняет функцию доказательства и информирования. Доказательство и информирование, в свою очередь, – это ключевой аспект научно-популярных выступлений.

Как указывалось выше, аргументативный суперкомпонент, присутствующий в структуре научно-популярных выступлений, включает в себя тезис, аргумент и демонстрацию. Тезис иллюстрирует позицию автора научно-популярного выступления касательно поднимаемой в выступлении проблемы. Аргумент служит средством доказательства утверждения. Демонстрация является средством пояснения / уточнения первых двух субкомпонентов. Таким образом, функция демонстрации – помочь зрителям / слушателям понять всю полноту информации, заключенной в тезисе и аргументе.

Примеры дискурсивных маркеров тезиса, аргумента и демонстрации приведены из научно-популярного выступления Эди Рамы на конференции TED Talks в Солонниках, Греция (*Take back your city with paint* 'Верните свой город с помощью красок'). Общая длительность выступления составляет 14 минут 58 секунд, общее количество слов – 1688 [4].

Дискурсивными маркерами тезиса выступают формы будущего времени и модальные конструкции («*but we will choose the colors ourselves*» 'но мы будем выбирать цвета сами'; «*we could build a better life for each other and for our country*» 'мы могли бы построить лучшую жизнь друг для друга'; «*we can all change the world*» 'все мы можем изменить мир'). Представленная категория маркеров характерна для тезиса-прогнозирования. Предложения, содержащие утверждение, выраженное глаголами в формах прошедшего и настоящего времени («*we faced many challenges*» 'перед нами стояли многие трудности' и др.) являются характеристиками тезиса-утверждения. Отношение автора выступления к ситуации выражено в тезисе-оценивании. Дискурсивные маркеры тезиса-оценивания – это оценочные прилагательные в функции определения или в составе составного именного сказуемого, оценочные глаголы, отражающие субъективное восприятие автора происходящего, форма превосходной степени имени прилагательного с оценочным значением в функции определения («*he screeched that he would block the financing*» 'он завизжал, что заблокирует финансирование'; «*and we made a poll, the most fascinating poll*» 'и мы провели опрос, самый завораживающий опрос').

Имена существительные, указывающие на причину (например, существительное *reason* 'причина'), служат средством воплощения тезиса-объяснения: «*I try to bring something of the artist in me in my politics, and I see part of my job today, the reason for being here, not just to campaign for my party, but for politics*». 'Я стараюсь привнести что-то от художника в свою политику, и я вижу часть своей работы сегодня, причину своего присутствия здесь, не только в том, чтобы агитировать за свою партию, но и за политику.'

Аргумент маркируется именами числительными, отсылками на результаты опроса, через существительное со значением «результат», вводными словами и конструкциями выводного характера, приводимыми цитатами («*President Roosevelt, he said, "Believe you can, and you are halfway there"*»). Президент Рузвельт сказал: «Поверь,

что ты можешь, и ты уже на полпути»), темпоративами (маркируются не только числительными, числовой градацией: «*during these 20 years, in 1990, for 11 years, 10, 20, 50, 100 years ago*» ‘на протяжении этих 20 лет, в 1990 году, в течение 11 лет, 10, 20, 50, 100 лет назад’, а также отсутствием конкретных числовых указателей: «*for years, in the very beginning, in my previous life*» ‘на протяжении лет, в самом начале, в моей прошлой жизни’), локативами («*right in this road, in the public space, in the garbage collection place, in the streets, in our administration, in Albania, in Germany, in a German administration, in the state administration, in our countries, on the seats of a stadium*» ‘прямо на этой дороге, в общественном месте, в месте сбора мусора, на улицах, в нашей администрации, в Албании, в Германии, в немецкой администрации, в государственной администрации, в наших странах, на сиденьях стадиона’).

Интерес вызывает незначительная представленность в анализируемом выступлении темпоративов (7 единиц) и локативов (12 единиц). Также отсутствуют стандартные клише, повышающие авторитетность сказанного. Речь идет о конструкциях типа «Как утверждает А...», «По словам В...», «Известный С...». Однако стоит отметить, что в своей речи премьер-министр Э. Рама ссылается на чиновников из авторитетных организаций без указания конкретных имен (*The French E.U. official, the World Bank directors, a German official with the World Bank*).

В научно-популярных выступлениях значимым аргументом выступают цитаты. По классификации Е.В. Темботовой видно, что цитаты могут быть следующих видов: «прямая цитация (точное или близкое к дословному воспроизведение текста или его части в дискурсе с указанием автора), имплицитное цитирование (точные, неточные и не прямые цитаты графически не выделены, автор не указывается), квазичитирование (часть текста представлена в трансформированном виде), автоцитирование, псевдоцитирование (авторство приписывается вымышленному человеку, ссылка на не существующий текст)» [5, с. 172–173]. В анализируемом выступлении присутствует всего один пример прямой цитации (цитата Рузвельта, приведенная выше). Также один раз докладчик апеллирует к известным политическим деятелям: «*When people say all politicians are the same, ask yourself if Obama was the same as Bush, if François Hollande is the same as Sarkozy*». ‘Когда люди говорят, что все политики одинаковы, спросите себя, был ли Обама таким же, как Буш, был ли Франсуа Олланд таким же, как Саркози.’

Компонент «демонстрация» маркируется в дискурсе следующими языковыми средствами: описательными определениями («*a radiant orange on the somber gray*» ‘сияющий оранжевый цвет на мрачном сером’), сравнительными конструкциями, содержащими формальные показатели *like* («*You look to me just like the censors of the socialist realism era*». ‘Мне кажется, вы похожи на цензоров эпохи социалистического реализма’. «*Do you want this action, and to have buildings painted like that?*» ‘Вы этого хотите, чтобы здания были так раскрашены?’) и *as if* («*There was a traffic jam and a crowd of people gathered as if it were the location of some spectacular accident*». ‘Образовалась пробка, собралась толпа, как будто это было место какого-то зрелищного происшествия’). В качестве маркера отмечаем также использование вводного слова *for example* ‘например’ («*People started to drop less litter in the streets, for example, started to pay taxes*». ‘Люди стали меньше бросать мусор на улицах, например, начали платить налоги’).

Демонстрацию маркируют также перечисления проведенных изменений: «*We established a green tax, and then everybody accepted it and all businessmen paid it regularly. By means of open competitions, we managed to recruit in our administration many young people, and we thus managed to build a de-politicized public institution where men and women were equally represented*». ‘Мы ввели зеленый налог, и тогда все его приняли, и все бизнесмены регулярно его платили. С помощью открытых конкурсов нам удалось привлечь в администрацию много молодых людей, и таким образом нам удалось построить деполитизированный общественный институт, в котором мужчины и женщины были представлены в равной степени’. Для усиления авторитетности представленной информации используются цифровые показатели при перечислении проведенных изменений: «*We removed 123,000 tons of concrete only from the riverbanks. We demolished more than 5,000 illegal buildings all over the city, up to eight stories high, the tallest of them. We planted 55,000 trees and bushes in the streets*». ‘Мы убрали 123 000 тонн бетона только с берегов реки. Мы снесли более 5 000 незаконных зданий по всему городу, высотой до восьми этажей, самые высокие из них. Мы посадили на улицах 55 000 деревьев и кустарников.’

Повторы, необходимые для лучшего запоминания информации, также служат средством манифестации компонента «демонстрация»: «*There could be a different way of doing things, a different spirit, a different feel to our lives*». ‘Может существовать другой способ делать свое дело, другой дух, другое ощущение нашей жизни’. «*Reinventing the government by reinventing politics itself is the answer, and not reinventing people based on a ready-made formula*». ‘Переосмысление правительства путем переосмысления самой политики – вот ответ, а не переосмысление людей по готовой формуле’. Кроме того, данные официального опроса, которые приводит Э. Рама, также относятся к средствам, маркирующим демонстрацию: «63 процента выступили за», «37 процентов выступили против» (речь идет про опрос людей касательно цветового преобразования зданий в столице).

В целом, линейная структура развертывания аргументации Э. Рамы выглядит следующим образом: цвета приносят радость в нашу жизнь → столица Тирана – серый город → незаконное строительство → серый – бесперспективность → отсутствие желания платить налоги → блокирование финансирования со стороны ЕС → проведение опроса населения о проведении изменений → столица обрела яркие цвета → люди воспряли духом → красота дала жителям чувство защищенности → введение «зеленого налога» → снос незаконных построек → в администрацию города привлечена молодежь → инвестиции Всемирного банка → борьба с коррупцией → использование цветов привело к изменениям. Интересной особенностью выступления является то, что политик рассматривает сложившуюся ситуацию сквозь призму триады ролей автора выступления. Так, можно проследить

видение ситуации Э. Рамы в качестве художника, видение ситуации Э. Рамы в качестве мэра и художника и видение Э. Рамы в качестве премьер-министра и художника (Э. Рама прошел путь от художника до мэра, затем от мэра до премьер-министра):

В дальнейшем исследование суперструктуры научно-популярных выступлений будет направлено на выделение структурно-семантических типов научно-популярных выступлений по критерию «превалирование нарративного или аргументативного компонента».

Заключение. Конференции TED Talks в настоящий момент охватывают не только три сферы, как это было ранее (технологии + сфера развлечений + дизайн), становясь всё более популярной благодаря расширению тематического спектра обсуждаемых вопросов и представленных на тем. Научно-популярное выступление представляет собой многоаспектное явление. Суперструктура проанализированного выступления включает нарративный и аргументативный суперкомпоненты. Описанный в настоящей статье аргументативный суперкомпонент маркируется палитрой языковых средств. Маркеры служат базисом для тезиса, аргумента, демонстрации – компонентов аргументативного суперкомпонента прагматической структуры. Проводимое исследование не только подробно описывает арсенал языковых средств, задействованных в научно-популярных выступлениях. Полученные результаты могут применяться на занятиях со студентами переводческих специальностей: будущим переводчикам будет полезно понимать механизмы генерирования суперструктуры ввиду того, что структурирование информации подобным образом служит инструментом для запоминания значительных объемов представленной информации (речь идет не только о последовательном переводе, но и синхронном, когда переводчик задействует вероятностное прогнозирование).

Таким образом, суперструктура научно-популярного выступления может быть использована: 1) для организации информации; 2) удержания внимания аудитории (избегание путаницы по мере развертывания); 3) поддержки запоминания информации (повтор ключевых моментов); 4) усиления убедительности (логическая последовательность и аргументация помогают поддержать основные идеи и убедить аудиторию в их правильности); 5) облегчения восприятия сложной информации (разбивка сложно-структурированной информации на более простые части).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисанюк Е.Н. Логико-когнитивная теория аргументации: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.07; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 297 л.
2. Мягкова А.Ю. Речевые средства аргументации и изобличения во лжи в политическом дискурсе // Филология и культура. Philology and culture. – 2015. – № 3(41). – С. 94–98.
3. Карчаева С.Х. Дискурсивность научного текста: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19; Кабардино-Балк. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2010. – 21 с.
4. Take back your city with paint [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ted.com/talks/edi_rama_take_back_your_city_with_paint. (Дата обращения: 01.08.2022).
5. Темботова Е.В. Цитирование как дискурсивная стратегия // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: сб. науч. тр. – Владикавказ: Северо-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2011. – Вып. 13. – С. 170–173.

Поступила 29.08.2023

ARGUMENTATIVE SUPERSTRUCTURE COMPONENT OF POPULAR SCIENCE SPEECHES

E. STEFANOVA
(Minsk State Linguistic University)

The article focuses on the argumentative superstructure component of popular science speeches. It includes three subcomponents (thesis, argument, demonstration). The thesis illustrates the position of the author of a popular science speech regarding the issue raised in the speech. The argument is a means of proving the statement. The demonstration is a means of explaining / clarifying the first two subcomponents. Thus, the function of the demonstration is to help the audience / listeners understand the full scope of the information contained in the thesis and argument. The palette of linguistic means marks the argumentative supercomponent and its subcomponents described in this article. Understanding superstructure generation mechanisms is necessary for translation & interpreting students in particular to remember large amounts of information better when interpreting.

Keywords: superstructure, narrative component, argumentative component, thesis, argument, demonstration.

УДК 811.161.1'373.612

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-86-90

**МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ
СЕМАНТИКИ ПРИНУЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ****канд. филол. наук, доц. Е.И. ТИМОШЕНКО****(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)**

В статье представлены мотивационные модели формирования модальной семантики принуждения в русском языке: с исходным значением применения физической силы; с исходным значением пространственного стеснения, ограничения; с исходным значением расположения под чем-либо. Формирование семантики принуждения может осуществляться не только на основе семантического переноса, но и в структурно производных глаголах с помощью приставочных морфем (при-, под-, у-), в которых также наблюдается переосмысление исходных пространственных значений нахождения близ чего-либо или под чем-либо, удаления или отделения. Производящие основы таких глаголов называют средством или способ принуждения.

Ключевые слова: семантика, модальность принуждения, мотивационная модель, внутренняя форма слова, этимология, метафора, приставка.

Введение. В отечественной лингвистической литературе семантическая категория модальности рассматривается, прежде всего, как категория, свойственная предложению [1, с. 59–66]. В основе её понимания лежат исследования В.В. Виноградова, характеризовавшего модальность как «существенный конструктивный признак предложения», который проявляется в «указании на отношение к действительности» [2, с. 55]. Семантическая категория модальности, как пишет В.В. Виноградов, «имеет смешанный лексико-грамматический характер» [2, с. 57]. Основными средствами выражения объективной модальности предложения являются грамматические (формы глагольных наклонений и времен) и интонационные; субъективная модальность выражается, в основном, лексическими средствами (прежде всего, вводно-модальными словами и частицами).

Хорошо известно суждение о том, что модальность пронизывает всю «ткань речи», поэтому правомерным представляется обращение к выяснению истоков формирования модальных значений на лексическом уровне. В современной семасиологии продолжается работа по составлению каталога семантических изменений. «Задача создания свода всех диахронических семантических переходов на основе уже установленных этимологических сближений, безусловно, продолжает оставаться актуальной», – пишет А.А. Зализняк [3, с. 401; 4]. Подобный каталог позволяет систематизировать знания о языковой картине мира и углублять представления о закономерностях человеческого мышления, о тех смысловых и ассоциативных связях, которые устанавливаются между различными предметами и явлениями объективной действительности и интеллектуально-духовными проявлениями жизни человека.

Объем категории модальности и список значений, которые к ней относятся, нельзя считать устоявшимся. Систематизация выделяемых в лингвистической литературе модальных значений, предпринятая авторами коллективной монографии «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» приводит к следующему списку: 1) оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности / нереальности; 2) оценка представленной в высказывании ситуации с точки зрения возможности, необходимости или желательности; 3) оценка говорящим степени достоверности сообщаемого; 4) целеустановка говорящего; 5) утверждение / отрицание; 6) эмоциональная и качественная оценка сообщаемого [5, с. 68]. Ряд значений, представленных в приведенном списке, относится к области волеизъявления (например, целевая установка говорящего может быть представлена как побуждение, желательность или вопрос).

Значения, связанные с выражением волеизъявления, включаются в список семантических примитивов – таких элементарных смыслов, которые не требуют толкования и выступают как компоненты формирования смыслов более сложных. А. Вежбицкая, например, в качестве основной оппозиции человеческого волеизъявления рассматривает смыслы ‘хочу’ – ‘не хочу’ [6, с. 237]. Это положение можно признать правомерным, поскольку другие типы волеизъявления (или шире – субъективной модальности) могут быть объяснены на основе метонимической связи с указанными: а) ‘хочу’ → (поэтому) ‘требую’, ‘приказываю’, ‘прошу’, ‘предлагаю’; ‘хочу’ ← (потому что) ‘так должно’, ‘так требуется’, ‘имеется объективная необходимость’; б) ‘не хочу’ → (поэтому) ‘запрещаю (не разрешаю)’, ‘принуждаю’ (= ‘не хочу согласиться с существующим положением дел’). Очевидно, что семантическое объяснение некоторых видов волеизъявления может в равной степени опираться как на смысл ‘хочу’, так и на смысл ‘не хочу’, сравним: ‘запрещаю’, потому что ‘не хочу принимать данную ситуацию, отвергаю её’ и потому что ‘хочу, чтобы положение дел изменилось, пришло в соответствие с моим желанием’. А. Вежбицкая подчеркивает, что «воля является сложным понятием, основанным на двух простых представлениях: *nolo* и *volo*» [6, с. 239] (*nolo* ‘не хочу’, *volo* ‘хочу’).

Объектом рассмотрения в статье являются лексические единицы с семантикой принуждения в русском языке. Предмет исследования представляют мотивационные структурно-семантические связи между словами, выражающими модальное значение, и их производными (как на современном языковом срезе, так и в истории русского языка).

Цель статьи заключается в определении внутренней формы слов, выражающих модальность принуждения в русском языке, и, таким образом, выявлении мотивационных моделей формирования указанного типа семантики. Языковой материал извлекался из толковых, диалектных и этимологических словарей и исследовался с помощью методов семантического и словообразовательного (в том числе диахронического) анализа.

Основная часть. Изучение внутренней формы лексических единиц, выражающих данный тип модального значения, показало, что оно может формироваться на основе ряда мотивационных моделей.

Регулярной моделью формирования семантики принуждения является модель с исходным значением применения физической силы, насилия ('давить, жать, теснить'). В ряде случаев метафорическая основа появления переносного модального значения принуждения очевидна для современного среза: *клонить* 'нагибать верхнюю часть чего-л.; придавать чему-л. наклонное положение' (для изменения положения важным оказывается наличие внешней силы) – (перен.) 'направлять к чему-л. определенному, заранее задуманному' (аналогично и еще более отчетливо в глаголе *склонить*: 'убедить сделать что-л., согласиться на что-л.' [7, т. IV, с. 110–111]); *теснить* 'придвигаясь, толкать, нажимать, заставлять отходить, отодвигаться куда-л.' – (перен.) 'лишать выгодных позиций, преимуществ'; (устар. и прост.) 'угнетать, притеснять' [7, т. IV, с. 361] и *стеснить* 'сжать, сдавить кого-л., создавая тесноту'; 'тесня, лишить простора, сделать малым, узким пространство, место, занимаемое кем-, чем-л.' – (перен.) 'лишить свободы действий, стать помехой для кого-, чего-л., связать. // Ограничить кого-л. в чем-л.'. Формирование семантики принуждения в глаголах *клонить*, *склонить* обусловлено не только представлением о применении физической силы, но и переосмыслением пространственного понятия низа как источника всего плохого в жизни человека (так называемая «ориентационная метафора»). У глагола *теснить* (*стеснить*) исходное для формирования модальной семантики принуждения значение совмещает семы применения физической силы и пространственного ограничения. Аналогичной оказывается семантическая структура глагола *толкать*: 'толчком (толчками) заставлять идти куда-л. или двигать, перемещать в каком-л. направлении' – (перен.) 'побуждать к чему-л. (к какой-л. деятельности поступку, выбору какого-л. пути), быть причиной, поводом к чему-л.' [7, т. IV, с. 374]. Диалектный глагол *силовать* однозначен: 'неволивать, приневоливать, нудить, принуждать, заставлять силою' [8, т. IV, с. 185] (словообразование и семантическая мотивация очевидны).

В других случаях исходная сема применения физической силы оказывается затемненной и может быть выявлена только этимологически. Так обстоит дело с глаголом *велеть* 'приказать (приказывать), распорядиться (распоряжаться)'. Семантика исходного корня глагола (**uel-/uol-*) реконструируется как 'желать', однако для индоевропейского языкового среза в этимологической литературе выделяется несколько омонимичных корней, связь значений которых оказывается очевидной. Так, одному из омонимов **uel-/uol-* свойственно значение 'давить, жать' [9], и представляется естественным, что осуществление подобного интенсивного действия сопряжено с желанием быстрого достижения цели, то есть можно думать, что исконная семантика корня оказывается синкретичной, совмещающей модальную сему волеизъявления и сему физического воздействия. В однокоренном глаголе *неволивать* ('заставлять делать что-л. вопреки воле, желанию; принуждать'), явно более позднем по происхождению, модальное значение принуждения отражает семантику производящего существительного *неволя* ('отсутствие свободы, независимости'; прост. 'принуждение, сила и власть обстоятельств, необходимость') [7, т. II, с. 429].

Ещё одной мотивационной моделью является формирование семантики принуждения на основе представления о пространственном ограничении, наличии преграды, об ограничении возможности для перемещения или другого действия. В соответствии с указанной моделью сформировалась модальная семантика глаголов *заставить* 'принудить сделать что-л., поступить каким-л. образом' ← *заставить* 'ставя, занять чем-либо пространство', 'загородить, закрыть чем-либо поставленным' (в современных толковых словарях *заставлять*¹ и *заставлять*² представлены как омонимы [7, т. I, с. 575; 10, т. 5–6, с. 624–625]); *обязать* 'вменить кому-л. в обязанность, предписать, сделать обязательным исполнение чего-л.' [7, т. II, с. 582] из **obvęzati* (рус. *обвязать* 'обмотав, опутав, завязать; обернуть, укутать и увязать' [8, т. II, с. 571]). И в глаголе *заставить*², и в глаголе *обязать* модальное значение на современном срезе выражается корневой морфемой в силу процесса опрощения.

Модальность принуждения выражает глагол *нудить* (в современном языке просторечный и устарелый) 'заставлять что-л. делать, понуждать' [7, т. II, с. 514] и его производные – *понудить* и *принудить* (очевидно, что этот глагол занимает ядерную позицию в семантическом поле модальности принуждения). Направления формирования модального значения принуждения, выявляемые в современном языке, помогают, на наш взгляд, уточнить представление о мотивационной модели, в соответствии с которой образовалась семантика данного глагола. В этимологической литературе праславянский глагол **nuditi*(*se*) возводится к и.-е. **nāu-* / **nēu-* / **nū-* с исходной семантикой 'мучить'. В. Махек сопоставляет праслав. **nuditi*(*se*) с др.-инд. *noddāyati* 'принуждать'. Высказываются предположения о связи **nuditi* с лит. *ponūsti* 'почувствовать желание, захотеть', др.-в.-нем. *niot* 'желание', др.-сакс. *niud* 'требование, желание' (согласный *-t- рассматривается как вариант расширения корня наряду с *-d-) (обзор точек зрения см. в [11, вып. 26, с. 36–37]). На наш взгляд, на фоне мотивационных моделей формирования семантики принуждения, о которых говорилось выше, наиболее убедительно сопоставление рассматриваемого глагола с германским *ni-* 'теснить, принуждать', а также с др.-инд. *nud-* 'толкать'. Вероятнее всего, в основе становления модального значения принуждения в корне **nuditi* лежит синкретизм представления о применении физического воздействия и метонимически связанного с ним представления о пространственном ограничении, стеснении. В этом убеждает семантика рефлексов корня, известных славянским языкам и диалектам. С одной стороны, ряд производных обнаруживают значения недостаточности, нужды, физического недомогания, болезни

(и метонимически связанной с ними семантики потребности, необходимости: «отсутствие → потребность его восполнения»): болг. *нужда* ‘потребность, необходимость; бедность’, макед. *нужда* ‘потребность; беда, нужда’, ст.-чеш. *núže* ‘недостаток (чего-л.); необходимость, нужда’, польск. *needza* ‘нужда, бедность’, др.-рус.-цслав. *НУЖДА*, *НЖЖДА* ‘необходимость’, др.-рус. *ноужа* ‘нужда, лишения’, ‘недостаток, бедность’ и мн. др. Представление о стесненности материального положения и физической немощи – результат метафорического переосмысления семантики пространственной ограниченности, недостаточности. С другой стороны, в продолжениях корня прослеживается переосмысление семы применения физической силы, давления («толкать, давить → принуждать»): чеш. *pouse* ‘насилие’, др.-рус. *ноужа* ‘принуждение, воздействие силой; притеснение’, ц.-слав. *НУЖЕНИИ*, *НУЖДЕНИИ* ‘насилие’ и др. [11, вып. 26, с. 37–39].

Исходная семантика давления, сжатия, применения силы и одновременно пространственного ограничения, выражаемая корнем, может находить «поддержку» в значении приставки. Так, в ряде глаголов, содержащих корень с подобным значением, приставка *при-*, имеющая значение приближения, присоединения (= сокращения дистанции) и образующая видовую пару, по сути, частично дублирует семантику корня, сравн.: *придавить* ‘своей тяжестью или чем-л. тяжелым прижать’ – перен. (разг.) ‘подвергнуть угнетению, притеснению’; *прижать* – в переносных значениях ‘подвергнуть ограничению в чем-л., поставить в крайне стесненное положение; притеснить’, ‘лишить возможности отрицать что-л.; уличить, разоблачить’; *припереть* (перен.) ‘поставить в безвыходное положение’; *притеснить* ‘стеснить, несправедливо ограничить в правах и действиях’ (аналогично во фразеологических оборотах *прижать в угол (кого)*, *прижать к ногтю*, *прижать к стене (к стенке)* ‘лишить возможности отпираться, отрицать что-л., уличить, разоблачить’; *припереть в угол (кого)*, *припереть к стене (стенке)*).

Известно, что приставка является самой «лексичной» из всех служебных морфем и её семантическая роль в слове может быть не менее важной, чем роль корня (а в словах со связанными корнями – даже более важной). При рассмотрении лексики с модальным значением принуждения обращают на себя внимание также слова с приставками *у-* и *под-*.

Исходным (этимологическим) для любой приставки является пространственное значение. В сочетании с корневой морфемой нередко происходит переосмысление, ведущее к формированию переносных значений.

В русском языке имеется целый ряд слов, содержащих живую или историческую приставку *у-*, которые выражают модальное значение принуждения. Семантика приставки в глаголах типа *убедить*, *уговорить*, *уломать* и т.п. проанализирована в работе А.А. Зализняк «Полисемия и способы ее представления в языке». Этимологически исходным для приставки *у-* является значение отделения, удаления, иначе говоря – ‘движение прочь’. А.А. Зализняк считает, что через промежуточную ступень ‘движение вниз’ формируется каузативное значение «перехода в более низкое состояние («подчиненное субъекту действия и/или более спокойное»)). Исследовательница указывает, что значение ‘движение вниз’ «в чистом виде практически отсутствует: *упасть*, *уронить*» [3, с. 341]. На наш взгляд, выделение значения ‘движение вниз’ для приставки *у-* недостаточно обоснованно: в приведенных глаголах указанное значение выражается корневыми морфемами, а приставка выступает как средство образования видовой пары (*падать* – *упасть*, *ронять* – *уронить*). В таком случае не исключено объяснение формирования семантики принуждения у глаголов типа *уговорить*, *уломать* тем обстоятельством, что приставка *у-* на основе исходного пространственного значения удаления (сравн. *убрать*, *урезать* и т.п.), приобретает абстрактное значение уменьшения, сокращения (= приведения в более спокойное, подчиненное состояние). Кроме того, исходное значение отделения является основой формирования более широкого (и абстрактного) значения лишения, в рассматриваемых глаголах может иметься в виду лишение кого-либо возможности самостоятельно действовать, принимать решение и т.п. Представляется также необходимым дополнить анализ этой лексики некоторыми замечаниями по поводу семантической отнесенности производящих основ, на базе которых образованы глаголы со значением принуждения. Как показывают наблюдения, присоединение приставки *у-* (или одновременно приставки и суффикса) способствует формированию модальной семантики принуждения у основ следующих семантических классов:

а) у основ со значением физического воздействия или пространственного ограничения: *уломать*, *укоротить*, сюда же этимологически связанное *укротить* (сравн. также в составе фразеологических оборотов *укоротить руки (кому)* (прост.) ‘запретить кому-л. бесчинствовать, драться’, *укоротить язык (кому)* ‘заставить кого-л. меньше разговаривать или дерзить’ [7, т. IV, с. 481–482]);

б) у основ со значением речевой (интеллектуально-речевой) деятельности: *уговорить*, *угомонить*, *увещать* (*увещевать*), *улестить*, *убаюкать*, *урезонить*. Производящая база при таком словообразовании содержит прямое или косвенное указание на способ или средство принуждения.

Кроме приведенных выше, можно выделить еще два типа каузативных глаголов, содержащих приставку *у-* и обнаруживающих модальное значение принуждения как вторичное, образованное на основе лексико-семантического переноса. Это, во-первых, глаголы, в лексическом значении которых имеется сема ‘действие или процесс, протекающие при высокой температуре’: *упечь* (прост.) ‘отправить куда-л. против воли. // Лишить свободы, подвергнув какой-л. каре (в острог, в тюрьму)’ [7, т. IV, с. 502], *упарить* (прост.) ‘измучить, вогнать в испарину, в пот кого-л. // Выговаривая, браня, довести до изнеможения’ [7, т. IV, с. 501] (известно, что переносные значения слов, содержащих подобные корни, обладают отрицательными оценочными коннотациями); и во-вторых, глаголы, образованные от именных основ, называющих пищу, за которой традиционно закреплено представление о высокой ценности в силу положительно оцениваемых вкусовых свойств: *умаслить* (перен., разг.) ‘добиться

чьего-л. расположения, склонить к чему-л. лаской, лестью, подарками', *усахарить* (перен., прост.) 'расположить к себе лестью, ласковым обращением'. Несмотря на то, что значение принуждения у этих глаголов является производным семантически, не следует преуменьшать роли приставки, поскольку и в прямых, и в переносных значениях каузативность выражается именно за счет неё: приставка *у-* в подобных случаях имеет значение «доведения действия до требуемого результата, до полного удовлетворения» [7, т. IV, с. 442].

Отдельно нужно сказать о глаголе *убедить*: 1) 'заставить поверить чему-л., уверить в чем-л.'; 2) 'уговаривая, склонить к чему-л., заставить сделать что-л.' [7, т. IV, с. 443]. В современном языке глагол является нечленимым и возглавляет самостоятельное словообразовательное гнездо, приставка *у-* в нем может быть выделена только как историческая. Исконно он является производным от глагола *бѣдити*, продолжающего праславянское **bĕditi*, соотносительное с существительным **bĕda*. Среди этимологов нет единства взглядов по поводу направления словообразовательной производности между **bĕditi* и **bĕda*, однако семантическая реконструкция корня считается надежной: авторы «Этимологического словаря славянских языков» пишут о том, что «уже давно обращалось внимание на широкую семантическую первооснову славянских слов и их исходное значение 'принуждать'» [11, вып. 2, с. 55–56]. Таким образом, есть все основания утверждать, что исторически значение приставки в этом слове чисто видовое (результативное) и лишь наличие в языке целого ряда семантически соотносительных слов с живой приставкой *у-* может вызвать иллюзию того, что приставка и в этом глаголе имеет модальное значение.

Рассматриваемый тип модального значения выражается в словах с приставкой *под-*. Переосмысление расположения внизу, под чем-либо как несамостоятельного, подчиненного, зависимого и т.п. положения не нуждается в доказательствах. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих данную модель формирования модальной семантики принуждения: *подмять* 'навалившись, придавить собой, подсунуть под себя. // перен. Разг. Подчинить своей власти, своему влиянию' [7, т. III, с. 200]; *подобрать* во фразеологизме *подобрать под ногу* 'подчинить кого-л. полностью своему влиянию' [7, т. II, с. 506]; *подвергнуть* 'сделать объектом какого-л. действия, произвести над кем-, чем-л. какое-л. действие. // Заставить испытать, пережить что-л., поставить в какое-л. положение'. Существительные, с которыми регулярно сочетается глагол *подвергнуть*, называют эмоционально тяжелые, нежелательные для человека состояния, обстоятельства и т.п.: *подвергнуть наказанию, опасности, риску, осмеянию, казни, преследованию* и т.д. В подобных описательных глагольно-именных оборотах глагол, как известно, утрачивает лексическую самостоятельность, а основная смысловая нагрузка приходится на существительное, – в данном случае семантика существительных, с которыми регулярно сочетается глагол, как раз и указывает на подчиненность, принудительность положения субъекта.

Заключение. Таким образом, формирование модально-каузативной семантики принуждения в русском языке представлено двумя основными мотивационными моделями: моделью, в основе которой лежит исходное значение применения силы (сжатия, давления), и моделью, в основе которой лежит представление о пространственном стеснении, ограничении. В ряде случаев исходный корень обнаруживает синкретизм указанных значений. К исходным пространственным представлениям, обуславливающим становление семантики принуждения, относится также представление о расположении под чем-либо. Рассмотренный тип модального значения формируется не только как результат семантического (метафорического) переноса, но и с участием приставочных морфем, таких как *при-*, *под-*, *у-*. В подобных случаях также наблюдается переосмысление исконных для приставок пространственных значений (нахождения близ чего-либо или приближения; нахождения под чем-либо; удаления, отделения, лишения). В производных словах с приставкой *у-* производящая основа имеет значение способа или средства принуждения. Приведенный в статье языковой материал подтверждает положение о том, что в основе языковой картины мира лежит пространственная модель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1990. – С. 59–66.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избр. тр. Исслед. по рус. грам.-ке. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.
3. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
4. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
5. Бирюлин Л.А. Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука (Ленингр. отд-е), 1990. – С. 67–71.
6. Вежицка А. Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика / Сост., вст. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 225–252.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. – 1981–1982.
9. Покорны, Ю. Индоевропейский этимологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iew-u.htm>. (дата обращения: 17.03.2023).
10. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН. Ин-т рус. яз.; гл. ред. К.С. Горбачевич. – Т. 5–6: Е–З. – М.: Русский язык, 1994. – 912 с.

11. Этимологический словарь славянских языков. Вып 2 / Под ред. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1975. – 238 с.; вып. 26 / Под ред. акад. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1999. – 237 с.

Поступила 17.04.2023

MOTIVATIONAL MODELS OF THE SEMANTICS OF COERCION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

E. TIMOSHENKO
(*Francisk Skorina Gomel State University*)

The article reveals motivational models of the formation of modal semantics of coercion in the Russian language: with the initial meaning of the use of physical force; with the initial meaning of spatial constraint, restriction; with the initial meaning of the location under something. The formation of the semantics of coercion can be carried out not only on the basis of semantic transference, but also in structurally derived verbs with the help of prefixed morphemes (npu-, pod-, y-), in which there is also a rethinking of the original spatial meanings of being near or under something, deletion or separation. The generating bases of such verbs are called the means or method of coercion

Keywords: *semantics, modality of coercion, motivational model, internal form of the word, etymology, metaphor, prefix.*

УДК 811'42:070:004.77:616-036.21

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-91-95

ТАКТИКА САМОДИСКРЕДИТАЦИИ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

канд. филол. наук, доц. О.Н. ЧАЛОВА

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)

e-mail: oksana-chalova@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с расширением границ научной коммуникации, с проникновением в научную сферу элементов других типов дискурса. В работе признается и обосновывается, что к числу таких элементов можно отнести некоторые рефлексивно-оценочные и ссылочные речевые действия, являющиеся атрибутами любого, но только не персуазивного, общения (к последнему, между тем, относится и научное). С одной стороны, эти действия временно понижают профессиональный статус (дискредитируют) своего производителя (что, казалось бы, должно противоречить тактике позитивной самопрезентации ученого), а с другой стороны – ориентированы на выполнение ряда важных функций, например, функции уклонения от критики, что оправдывает их использование в научной речи.

Ключевые слова: дискурс, научный дискурс, научная дискуссия, речевая тактика, оценочные высказывания, принципы конструктивного общения.

Введение. Если высказывания, дискредитирующие научную позицию оппонента, неоднократно становились объектом исследовательского интереса (см. подробные работы по вопросам корректной и некорректной критики в научном дискурсе [1–5 и др.]), то сообщения ученого, ориентированные на дискредитацию собственного профессионального поведения, в том числе и речевого, не подвергались специально лингвистическому описанию, в то время как учет их прагматических особенностей в практике научной коммуникации мог бы способствовать повышению эффективности речевого общения в сфере науки.

В связи с этим **цель настоящей статьи** состоит в выявлении основных приемов самодискредитации (самокритики, умышленного представления себя в невыгодном свете, указания на ошибки и пробелы в своей работе) и в оценке степени их оправданности в научном диалоге. Материалом исследования послужили стенограммы русскоязычных научных дискуссий (научных конференций, семинаров, форумов, круглых столов), ссылки на которые приводятся в списке литературы ниже. Исторические рамки материала: от 2000-х гг. до наших дней. Процедура отбора исследовательского материала включала в себя два этапа: 1) извлечение из текстов научных дискуссий высказываний с маркерами самодискредитации (с применением метода контекстуального анализа); 2) дифференциация приемов, реализующих тактику самодискредитации.

Конечно, научный дискурс слабо ассоциируется с понятием целенаправленной самодискредитации, поскольку ведущими интенциями участников научного общения являются доказательство состоятельности собственной точки зрения и убеждение научного мира в правомерности своих положений и выводов. Действительно, в ядерных монологических жанрах научного общения вряд ли возможно обнаружить осознанное использование коммуникантом речевых действий, подрывающих доверие к своим же собственным словам, поскольку это противоречит ключевым целям и стратегиям научной коммуникации. Однако прагматическая специфика такого жанра научной речи, как **устная научная дискуссия / научный диалог** (с присущими ей полемическим характером, спонтанностью и др.), под которой понимается обсуждение учеными конкретной исследовательской проблемы на научном форуме любого формата, фактически подтверждает обратное. Так, согласно результатам нашего анализа, практически в любом научном диалоге можно обнаружить сообщения, которые открыто побуждают адресата относиться к речевым и мыслительным действиям автора этих сообщений с той или иной долей сомнения, например: *И, предвидя твой вопрос, хотела еще мысль сказать в порядке бреда, но она не отсюда: в общем, я бы предположила, что эта ситуация, о которой я говорила раньше, когда какие-то кооперации уже начали складываться, но они не транслируемы, не воспроизводимы, часто не описуемы (к тому же, поймите, если она есть, то здесь она сработала)* [6].

Как видно из примера, автор приведенной реплики дает собственному высказыванию отрицательную оценку (*хотела еще мысль сказать в порядке бреда*), что в определенной степени подрывает её авторитет как аргументатора и апеллирует к недоверию адресата. Тем не менее в данном случае негативная оценка и признание дискуссионного характера своих положений оказывается вполне оправданной, поскольку используется стратегически: во-первых, она представляет собой весьма эффективный способ уклонения от критики, ведь фактически лишает адресата возможности первым признать небесспорность взглядов собеседника, а во-вторых, способствует актуализации Принципа Вежливости Дж. Лича, в частности максимы скромности.

Основная часть. По нашим наблюдениям, в устной научной дискуссии **тактика самодискредитации** реализуется посредством двух основных приемов: а) **негативной самооценки** (отрицательной оценки своих профессиональных действий, в том числе и речевых) и б) **ссылок на неуверенность** в правомерности своего ответа.

Рассмотрим каждый прием подробнее.

1. Негативная самооценка. Оценка представляет собой фундаментальное свойство научной речи. Однако в отношении самооценки, тем более негативной, дела обстоят особым образом, а характер её употребления зависит

от специфики формата научной речи: так, в традиционных научных жанрах (статье и монографии) количество использований негативной самооценки стремится к нулю, в то время как для диалогической научной речи (с присущей ей относительно высокой степенью коммуникативной свободы и произвольности) негативная оценка самого себя является вполне приемлемым аксиологическим феноменом.

Так, в примере ниже участник научной дискуссии дает себе как докладчику негативную оценку (присваивает отрицательную характеристику), однако делает это не с целью понизить свой профессиональный статус, а оправдать безынициативность аудитории на этапе обсуждения доклада: *Я считаю, что, несмотря ни на что, имело место коллективное методологическое мышление, хотя и слабенькое – в силу немогущности меня как докладчика* [7]. Другими словами, в приведенной реплике негативная самооценка не столько ориентирована на умаление своих заслуг, сколько на поддержку коммуникативного партнера и, таким образом, представляет собой способ соблюдения формальных аспектов научного диалога, является средством реализации бесконфликтного общения и в этом смысле соотносится с понятием так называемой негативной вежливости, по сути предполагающей компромисс между искренностью и правилами этикета.

В научном диалоге прием негативной самооценки и преуменьшения своих достоинств может носить и менее резкий и уничижительный характер, например репрезентироваться посредством указаний на свои недостатки под видом предположения, а не уверенной констатации, что одновременно повышает и статус собеседника, и уровень искренности коммуникации, которая (искренность) играет далеко не последнюю роль в поддержании гармоничного общения, ср.: *Возможно, это у меня недопонимание, возможно, я отстал, как старый паровоз*. В данном случае негативная самооценка смягчается за счет повторяющегося модального слова «возможно», а также указания на частичное, а не полное непонимание (*у меня недопонимание*) и создания комического эффекта посредством соответствующего сравнения (*как старый паровоз*). Такая смягченная форма отрицательной характеристики самого себя позволяет избежать крайностей, придает самокритике более толерантный и правдоподобный характер, то есть параллельно с обращенностью и вежливым отношением к адресату демонстрирует большее стремление коммуниканта к самораскрытию (ср.: *Хотя на предложенную тему мне не раз приходилось говорить, не уверен, что смогу уложиться в 30 минут. Вряд ли помогут тезисы – они мне кажутся довольно корявыми*).

Из сказанного можно заключить, что в научном диалоге между характером выражения самокритики, с одной стороны, и уровнем искренности сообщаемого, с другой, обнаруживаются определенные корреляции: чем более категоричную и резкую форму выражения имеет самокритика, тем менее искренней и правдоподобной она является, тем сильнее она нарушает такие принципы кооперативного общения, как принципы качества и способа, вводит в заблуждение и затрудняет понимание цели сообщаемого, что, однако, не противоречит максимам вежливого речевого поведения, сформулированных Г. П. Грайсом, ср.:

(1): *Готовя доклад, я не решал никаких проблем и даже не пытался проблематизировать. Я решал задачу. Я решал эту задачу, и, видимо, я плохо её написал и плохо выступал...* – (2): *Ужасно* [8, с. 351].

Либо Вы меня неправильно поняли, либо я плохо рассказывал. Культура, конечно, живая система – как живые виды, как множество всего живого [9, с. 303].

Если в примере № 1 резкость и категоричность самокритики приводит к тому, что ситуация выбора между категориями Дж. Лича (в частности, способа) и максимами Г. П. Грайса разрешается в пользу вторых в ущерб основным интенциям участников научной коммуникации – отстоять свою точку зрения в процессе познания окружающего мира (и это незамедлительно вызывает негативную реакцию со стороны оппонента), то в примере № 2 благодаря смягчению самокритики за счет апелляции к возможному недопониманию со стороны собеседника баланс между постоянно конкурирующими Принципом Кооперации и Принципом Вежливости восстанавливается, отчетливо прослеживается готовность аргументатора донести до окружающих суть собственной идеи, убедить их в правомерности своих доводов и выводов при полном соответствии этикетным нормам научного диалога.

Похожий компромисс между принципами и стратегиями научной коммуникации можно обнаружить и в случае негативной оценки *собственного вопроса*, то есть его характеристики в качестве «странного», «бессмысленного», «глупого», «каверзного» и др.:

Я задаю вопрос: есть ли какие-то границы? Вопрос вроде бы бессмысленный, потому что ответ один: границ нет, лишь бы корректно применять. Есть ли границы применения этих схем? Я поясню на примере схемы мыследеятельности [10].

Георгий Петрович, у меня есть вопрос – противный, но, по-моему, очень важный. Если методология претендует на решение задачи с формулированием мировоззрения, то науку и философию она «снимает». А вот что делать с религией? [11]

Вот такие наивные вопросы у меня к Вашему докладу [9, с. 238].

Я же позволю себе задать Вам несколько хулиганский вопрос. <...> Скажите, пожалуйста, когда же, на Ваш взгляд, русское солнце было в зените? [9, с. 240]

Мой вопрос слегка провокационный – вполне в духе предыдущих [9, с. 242].

С одной стороны, может показаться, что автор таких реплик открыто призывает адресата отнестись с сомнением к правомерности своего вопросительного действия, что противоречит коммуникативным интересам и потребностям спрашивающего и, в определенной степени, дискредитирует его, или же хочет поставить коллегу в затруднительное положение, чем нарушает максимы Принципа Вежливости. Однако в реальной практике научной коммуникации истинная цель дискредитирующих действий по отношению к своим вопросительным высказываниям совершенно противоположная, и экспликация негативной оценки в структуре своего вопроса фактически

является своеобразным способом проявления заботы о собеседнике, предупреждения последнего о возможных трудностях, с которыми тот может столкнуться на этапе ответа, что полностью согласуется с принципами толерантного общения, а именно максимой великодушия Принципа Вежливости Дж. Лича. Более того, отрицательная оценка собственного вопроса позволяет избежать возможной критики этого вопроса со стороны речевого партнера. Так, в нашем корпусе научных дискуссий не было обнаружено ни одного случая негативной реакции оппонента на вопрос с элементами негативно-оценочной рефлексии. Напротив, все реактивные действия оппонента можно квалифицировать как нейтральные или даже позитивные, способствующие укреплению авторитета спрашивающего (*Вот такие наивные вопросы у меня к Вашему докладу. – Нет, вопросы Ваши совсем не наивные – напротив, я считаю их самыми сущностными* [9, с. 238]).

Подытожить все вышесказанное можно конкретизацией **функций**, которые выполняет негативная самооценка в научном диалоге. Как было показано выше, помимо своей первоочередной задачи, то есть собственно **оценочной** функции, отрицательная оценка своих действий признана выполнять **защитную** роль (уклонение от критики оппонента), **этикетную** (привести сообщение в соответствие с нормами вежливого и толерантного общения, сделать приоритетом внимание к речевому партнеру, его потребностям и интересам) и **экспрессивную** (особенно в случае использования эмоционально-окрашенных лексических единиц или ярких эпитетов, которые в научном диалоге фактически приобретают способность выражать интеллектуальную оценку).

Такой богатый функциональный потенциал негативной самооценки фактически превращает ее в своеобразную уловку и хитрость, то есть манипулятивное средство воздействия на адресата, что, однако, не лишает негативную самооценку истинного дискредитирующего начала по отношению к ее автору.

2. Ссылка на неуверенность в своем ответе. Равно как и смягченная негативная самооценка, ссылка на неуверенность является относительно безопасным для конкретного аргументатора и научного диалога в целом приемом самодискредитации, поскольку устраняет возможность серьезного противоборства фундаментальных принципов конструктивного общения. По нашим данным, ссылки на неуверенность в своем ответе могут принимать разные формы, а именно:

– **указаний на возможную ошибочность собственного мнения** (*Пётр, ты предложил мне два способа продолжения. Я скажу, как я их различаю. Может быть, я в чём-то ошиблась. Первый способ: в манере пространства методологической работы я описываю, какого рода работы я буду проделывать, осуществляя то, что мы с Наташей назвали ретроспективным анализом <...>* [12]);

– **указаний на возможную неприемлемость своего ответа** для индивидуального или коллективного адресата: *Это очень хороший, совершенно законный вопрос, но я не уверен, что характер моего ответа удовлетворит вас <...>* [8, с. 546];

– **ссылки на незнание / некомпетентность** (*Я не специалист в этой структуре, но я понимаю это так: все одинаковые или близкие, кроме крепкого хозяина, все остальные одинаковы. Столыпин кому-то дал возможность вырваться вперед, кому-то – недотянуть, т. е. началась разноразмерность* [13]).

Каждый из этих способов передает разную степень неуверенности в своем ответе. На наш взгляд, наименьшую степень неуверенности в своей правоте демонстрируют **апелляции к возможной ошибочности** своего мнения, которые вообще могут носить чисто условный характер (*Очевидно, что именно сейчас речь идет об «окончательном» социальном выборе в пользу развития или деградации. Очевидно, что потенциал развития стремительно минимизируется. Все эти очевидности в сумме дают самые неблагоприятные прогнозы. В которых очень хотелось бы ошибиться* [9, с. 319]), а также **указания на возможную неприемлемость ответа** для адресата, поскольку эти указания констатируют не столько неуверенность в своих знаниях, сколько неуверенность в способе их донесения и готовности адресата ее воспринять (*Я попробую ещё раз ответить на этот вопрос, хотя не уверен, что это пояснение удовлетворит вас больше, чем предыдущее <...>* [8, с. 547]). В то же время максимальную неуверенность говорящего в достоверности сообщаемого транслируют **ссылки на незнание / некомпетентность**, под которыми следует понимать признание в отсутствии или нехватке сведений для предоставления удовлетворительного ответа (*Не знаю. Это схема организации моей работы. Что там получится: одна теоретическая конструкция или много, по авторам, по этапам, – этого я сейчас не знаю* [14]).

Строго говоря, в изучаемом типе коммуникации обнаруживаются **две разновидности ссылок на незнание**:

– использующаяся вместо ответа (как способ отказаться / уклониться от ответа): (1): *Скажите, пожалуйста, как вы представляете педагогическое содержание личности?* – (2): *У меня пока нет никаких ассоциаций по этому поводу* [15, с. 168];

– совмещенная с полноценным ответом или попыткой ответа (как способ подстраховки в случае неправильного ответа, как средство предупреждения собеседника о возможной неточности предоставляемых сведений, лишения его повода высказать замечание, демонстрации критического и аналитического отношения к своим высказываниям): *Это очень сложная проблема. Я не считаю себя достаточно компетентным, чтобы прописывать конкретные рецепты. Но с моей точки зрения, возможности есть* [16].

Безусловно, особый исследовательский интерес представляет именно вторая разновидность ссылок на незнание, поскольку она в большей степени соответствует принципам научного диалога, не нарушает требований информативности, располагает более широкими прагматическими возможностями – позволяет адресату следить за ходом мысли аргументатора, за динамикой формирования у него концептуального видения проблемы, а аргументатору – собраться с мыслями, поразмышлять и выиграть время для более или менее полноценного ответа: **Про**

древнюю культуру ничего не могу вам сказать. Как мне представляется, вся суть высокоритуализованной культуры (вы говорите о шумерской, у меня о ней очень смутные представления) состоит в том, что твоя жизнь разделена на разные области, и в разных областях ты себя чувствуешь по-разному и играешь разные роли [17].

Еще более безобидным характером отличается ссылка на незнание, которая относится не ко всему ответу, а лишь к его части (*Если брать классическую философскую линию и, видимо, все философские дохайдеггеровские или догуссерлевские линии (я не специалист, не знаю), то там это простой постулат. Разговор как Щедровицкого, так и Леонтьева о деятельности как о том, что вообще наблюдаемо в данном историческом срезе, для всех этих классиков, немцев вообще немыслим, это полная дурь. В этом смысле они совершенно о другом [18]).* Но даже такой относительно безопасный для научного диалога вариант ссылок на незнание с его серьезным прагматическим функционалом, обусловленным спецификой устного научного диалога (быстрой сменой реплик, «живым», экспромтным характером общения), не устраняет элемент дискредитации в подобных репликах в связи с их принципиальной направленностью на обнародование уязвимых мест своей работы и пробелов в своих знаниях. Тем не менее конечной целью самодискредитации является обеспечение достижения глобальных целей научного диалога, создание речевого комфорта, что оправдывает их употребление в нем.

Заключение. В заключение обобщим сказанное. Диапазон разновидностей самодискредитации в научном диалоге не отличается широтой и, по сути, ограничивается всего двумя приемами – негативной самооценкой (резкой или смягченной) и ссылками на неуверенность в своем ответе, представленными тремя вариантами: ссылками на незнание, на возможную ошибочность своего мнения и на возможную неприемлемость ответа. Небольшое количество форм самокритики объясняется её компрометирующей направленностью на субъекта (автора) этой самокритики (то есть самого себя). В то же время способность самокритики как коммуникативного феномена выполнять самые разные прагматические задачи, служить средством реализации принципов толерантного и вежливого общения, максим скромности и одобрения делает её целесообразным элементом научной дискуссии, обуславливающим актуализацию такого типа коммуникации, который является взаимовыгодным сотрудничеством для каждого из его участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тамбов, 2004. – 193 л.
2. Маслова Л.Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2007. – 192 л.
3. Пенина Т.П. Ответные реплики с имплицитным содержанием несогласия в структуре диалогического текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2003. – 189 л.
4. Постоев И.А. Ситуация несогласия / отказа в динамике английской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Хабаровск, 2001. – 185 л.
5. Чуриков М.П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Ростов н/Д, 2005. – 168 л.
6. Данилова В.Л. Данилова и Розин о ТМ: стенограмма научной дискуссии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2012-2013/schematization/14.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
7. Марача В.Г. Стенограмма обсуждения доклада [Электронный ресурс]. – URL: <https://uchebana5.ru/cont/3478267-p5.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
8. Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология / редкол.: А.А. Пископфель (отв. ред.). – М.: Шк. культ. политики, 1997. – 656 с.
9. Современная Россия: Дискуссия (Материалы семинаров Центра россияведения ИНИОН РАН, 2008–2013) / редкол.: И.И. Глебова (отв. ред.). – М., 2014. – 324 с.
10. Калинин В.В. Развитие методологии в сторону феноменологической саморефлексии: стенограмма обсуждения доклада [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/1.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
11. Перспективы и программы развития СМД-методологии: стенограмма обсуждения доклада Г.П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. – URL: <https://pandia.ru/text/77/329/69351.php>. (Дата обращения: 26.06.2023).
12. Данилова В.Л. К проблеме вклада ММК в развитие психологии: стенограмма научной дискуссии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/18.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
13. Чудновский Г.И. Столыпинская аграрная реформа: замысел и реализация: стенограмма лекции М. В. Давыдова и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2007/02/08/davydov/>. (Дата обращения: 26.06.2023).
14. Сазонов Б.В. Методология как технология: стенограмма научной дискуссии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/7.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
15. Живая педагогика: Открытость. Культура. Наука. Образование: материалы круглого стола «Отечественная педагогика сегодня – диалог концепций» / Ульяновский институт повышения квалификации и переподготовки [ИППК] работников образования; редкол.: Т.В. Абрамова (отв. ред.). – М.: Народное образование, 2004. – 272 с.
16. Галкин А.А. Фашизм как болезнь общества: стенограмма лекции А.А. Галкина и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2006/05/08/galkin/>. (Дата обращения: 26.06.2023).
17. Зорин А.И. История эмоций: стенограмма лекции А.И. Зорина и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2004/06/18/zorin/>. (Дата обращения: 26.06.2023).

18. Эльконин Б.Д. Проблема развития в психологической теории деятельности (ТД) и СМД-методологии [Электронный ресурс]. – URL: <https://refdb.ru/look/1715593-pall.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).

Поступила 27.06.2023

SELF-DISCREDITING TACTICS IN A SCIENTIFIC DIALOGUE

O. CHALOVA

(Francisk Skorina Gomel State University)

The article is about the expansion of the boundaries of a scientific communication as well as with the penetration of elements of other types of discourse into the scientific sphere. The paper recognizes and substantiates that some reflexive-evaluative and reference speech actions which are usually not attributes of a persuasive communication (including a scientific communication) can be supposed to be such alien elements. On the one hand, these actions temporarily lower their sender's professional status (which may seem to contradict the tactics of a scientist's positive self-presentation), but on the other hand, they are focused on performing a number of important functions, for example, the function of avoiding criticism, which justifies their use in a scientific speech.

Keywords: *discourse, scientific discourse, scientific discussion, speech tactics, axiological speech acts, principles of speech cooperation.*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Богорадова Т.Р. Идеино-эстетические доминанты военных повестей белорусских писателей старшего поколения (конец XIX – начало XX вв.)	2
Виноходов Д.О. Штрихи к биографии Яна Барщевского: у невест Христовых	8
Гордейнок Т.М. Жанровые и повествовательные особенности романа Б. Шлинка «Ольга»	12
Лушневская Е.В. «Песнь о Нибелунгах» в контексте европейской эпической традиции	16
Матвеева А.М. Міф пра Дзікае паляванне ў еўрапейскім фальклоры і аповесці У.С. Караткевіча «Дзікае паляванне караля Стаха»	23
Смолькевич А.А. Единство средневековой арабской обрамленной повести «Калила и Димна», «Синдбад-наме»	28
Трацяк З.І. Поліфанічны характар апаведу ў апавяданні Рыгора Бахты «Падарунак на пазіцыі» (1928)	32
Юркойць Д.А. Вобраз будучыні праз бінарныя апазіцыі ў «масавай паэзіі» Заходняй Беларусі	37
Адамчук Е.Ю. Терминологические гнезда как отражение системности и понятийной динамики области знания (на примере терминологии языковой политики евросоюза)	43
Динькевич А.В. Особенности функционирования лексико-семантических групп глаголов в форме длительного вида в английской драме XVII–XX вв.	48
Дорофеев М.Л. Топонимные ориентиры в урбанонимии Беларуси и Франции	52
Лавицкий А.А. Судебное лингвистическое исследование материалов, имеющих признаки распространения ложной информации (на примере методики параметрической триангуляции)	57
Логвинова И.В. Место подлежащего в предложении в массмедийном экологическом дискурсе (на материале немецкоязычных СМИ)	63
Матвеева М.С. Прецедентные имена из разных сфер-источников в англоязычных печатных СМИ	67
Мунир А.С. Communication tactics on Russian, English, and Arabic examples	72
Савицкая В.А. Неологизмы эпохи пандемии коронавируса: лингвокультурологический аспект	77
Стефанова Е.В. Аргументативный компонент суперструктуры научно-популярных выступлений	82
Тимошенко Е.И. Мотивационные модели формирования семантики принуждения в русском языке	86
Чалова О.Н. Тактика самодискредитации в научном диалоге	91